

С. 952
Б43

ISSN 0321-0359

му(б)

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3/2000

ЗМЕСТ

ІМЁНЫ У ГІСТОРЫІ УНІВЕРСІТЭТА

<i>Яноўскі А.А., Зельскі А.Г.</i> Рэктар БДУ Парфен Пятровіч Савіцкі.....	3
---	---

ГІСТОРЫЯ

<i>Сяховіч В.А.</i> Далучэнне уніятаў Мінскай губерні да праваслаўя у 1794–1795 гг.....	11
<i>Рэвяка К.А.</i> Выкарыстанне сланоў у Ганібалавай вайне (218–201 гг. да н. э.).....	14
<i>Левшэвіч А.А.</i> Румыно-французскія культурныя сувязі (1829–1845 гг.).....	18
<i>Янушэвіч І.І.</i> Палітыка дзяржаўных органаў па адношэнню к царквы і рэлігійным арганізацыям 1922–1927 гг. (на матэрыялах Беларусі).....	22
<i>Багдановіч А.Б.</i> Тэндэнцыі этнакультурнага развіцця беларусаў у сярэднявеку.....	28
<i>Беспрозванны В.В.</i> Некаторыя аспекты преемственнасці традыцый у падрыхтоўцы афіцэраў запаса на вайскавай кафедры БГУ.....	31

ФІЛАСОФІЯ

<i>Шуман А.Н.</i> Дыялектычная логіка Гегеля як ісчисленне імён і як агульнага метаду філосафіі.....	35
<i>Белоус І.А.</i> Праблема пераадолення аналітычнага традыцыі ў амерыканскім неапрагматызме.....	41

ПСІХАЛОГІЯ

<i>Сагайдак С.С.</i> Структурна-дынамічная аснова матаывацыі дзейнасці.....	46
---	----

ПАЛІТАЛОГІЯ

<i>Стаценка О.А.</i> Інтэлігенцыя і ўлада.....	49
<i>Астапенка А.У.</i> Асаблівасці нацыяналізму ў еўрапейскім кантэксце.....	52
<i>Паречына С.Г.</i> Уплывае прэзідэнта на дзейнасць ісполніцельнага ўлада: сравнітэльны аналіз.....	59
<i>Потапейка П.О.</i> Генезіс ірландска-ольстэрскага праблемы ў XII–XVIII вв.....	64

ЭКАНОМІКА

<i>Волосач В.Ф.</i> Денежна-кредытная палітыка ў пераходнага эканаміке.....	70
<i>Корзюк А.В.</i> Краткосрочнага прагназаванне аб'ёму прадукцыі і інфляцыі ў завісамасці ад роса саакупнага рублевага денежнага масы і ўрэння інвестыцыі.....	75
<i>Королева Н.В.</i> Дамашняе аазаўства ў сістэме денежна-кредытных адношэнняў.....	79
<i>Гнатюк С.Н.</i> Некаторыя аспекты ўнедрэння нааука ў працэс прадукцыі.....	83

ПРАВА

<i>Рубис А.С.</i> Форміраванне і развіцце паняаья функцый пракурора ў пераіод 1864–1917 гг.....	90
<i>Жарскі А.В.</i> Паняаье ааааркы к міжанаародным даааарам і еа атлічча ад іных аднаааронных заяалянняў.....	97

РЭЦЭНЗІІ

<i>Новікава І.В.</i> В.Л. Кляня. Аапраамашлэнны аааакса ў ўлааьях перааоднага эканаміка.....	103
<i>Казакоу Ю.Л.</i> М.Э. Чаааоускі. Сіаааэмныя перааутаарэнні ў Рэспубліцы Польшча (1989–1999).....	104
<i>Бровка Ю.П.</i> В.А. Круталевіч. Іааарыя Беларусі: Станааляенне нааааональнага деражааанасці/1917–1922 гг./ (3-я ааа. абл.).....	

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3/2000

ЛІСТАПАД

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛДЗЯРЖ-
УНІВЕРСІТЭТА

МІНСК
БДУ

ВЕСНІК

БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА

СЕРЫЯ 3

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ

Рэдакцыйная калегія серыі:

П.І. БРЫГАДЗІН (адказны рэдактар),
В.М. ГАДУНОУ, А.І. ЗЕЛЯНКОУ (нам. адказнага рэдактара),
Ю.Л. КАЗАКОУ (адказны сакратар), У.Л. КЛЮНЯ, Г.М. КУЧЫНСКІ,
С.В. РАШЭТНІКАУ, У.М. ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА, А.А. ЯНОУСКІ

Заснавальнік:
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Рэгістрацыяны № 805

ВЕСНІК БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА

Серыя 3. № 3, 2000

Адрас рэдакцыі: 220080. Мінск, вул. Бабруйская, 7, каб. 412, 413, тэл. 206-65-42

На рускай і беларускай мовах

Рэдактар Л.К. Баццошкова

4. Меркуль

Пзянісау

Чавым. Ю.І. Дзянісавым

афсетны.
43.

, 2000

імяны у гісторыі універсітэта

А.А. ЯНОУСКИ, А.Г. ЗЕЛЬСКИ

РЭКТАР БДУ ПАРФЕН ПЯТРОВІЧ САВІЦКІ

"Я ганаруся тым, што захаваў універсітэт".

У сялянскай сям'і Пятра Савіцкага з мястэчка Гайшын Прапойскай воласці Быхаўскага павета Магілёўскай губерні (суч. Слаугарадскі раён Магілёўскай вобласці)¹ 28 кастрычніка 1904 г. нарадзіўся трэці сын, якому далі імя Парфен. Маці рана памерла, і таму на плечы бацькі лёг увесь клопат аб дзецях. Сваёй зямлі не было, і, каб зарабіць грошы, бацька уладкаваўся на лесараспрацоўку і лесасплаў чорнарабочым пльытагонам². Сям'я жыла бедна. У гады вучобы у земскай школе працаваў па найму і Парфен. У 1916 г. ён паступіў у Прапойскае вышэйшае пачатковае вучылішча, якое скончыў у 1920 г. Пасля вучобы рабіў на будоўлях. У 1922 г., калі яго бацька урэшце атрымаў зямлю, пачаў яму дапамагаць. У тым жа годзе ён уступіў у ЛКСМБ. хутка стаў сакратаром мясцовай ячэйкі. У 1925–1927 гг. Парфен Савіцкі быў сакратаром і старшынёй сельсавета. У ліпені 1927 г. яго прынялі ў Прапойскую раённую арганізацыю як сябра ВКП(б). У гэтым жа годзе РК КП(б)Б вылучыў П. Савіцкага старшынёй крэдытнага сельскагаспадарчага таварыства, потым П. Савіцкі атрымаў накіраванне на вучобу ў Мінск у Камуністычны ўніверсітэт Беларусі імя У.і. Леніна на прапагандысцкае аддзяленне³. Парфен Савіцкі добра вучыўся і таму быў пакінуты ў ВКСГШ на выкладчыцкай працы на кафедры ленінізму і гісторыі ВКП(б), адначасова з'яўляўся рэдактарам шматтыражнай газеты "Ленінец". У канцы 1935 г. па рашэнню Мінскага гаркома КП(б)Б П. Савіцкі быў уведзены ў склад аргбюро ствараемага Варашылаўскага райкома КП(б)Б (суч. Савецкі раён г. Мінска), дзе працаваў у якасці інструктара да лістапада 1936 г. У гэты ж час згодна пастанавленню бюро ЦК КП(б)Б П.П. Савіцкі быў накіраваны на завочную вучобу ў Інстытут чырвонай прафесуры. 3 лістапада 1936 г. па рашэнню Мінскага гаркома КП(б)Б і ЦК КП(б)Б ён узначаліў аддзел школ гаркома КП(б)Б. У 1937 г. П.П. Савіцкі быў абраны першым сакратаром Кагановіцкага (суч. Кастрычніцкі раён) райкома партыі, а затым – другім сакратаром гаркома КП(б)Б⁴.

Ён верыў у камуністычную ідэю, будучы сапраўдным сынам свайго часу. Добры і сумленны па характару, не мог хлусіць ні ў дробязях, ні ў буйным⁵. Ён быў чалавекам дастаткова адукаваным па тым часе, і гэта, мусіць, мела значэнне пры вылучэнні яго кандыдатам у дэпутаты Вярхоўнага Савета і склікання. На адбыўшыхся 26 чэрвеня выбарах ён стаў дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР і тады ж быў абраны членам ЦК КП(б)Б⁶.

Універсітэт у тыя часы скаланалі тыя ж падзеі, што і ўсю краіну. 16 ліпеня 1938 г. быў арыштаваны як "вораг народа" рэктар У.С. Бабраўніцкі, і БДУ у чарговы раз застаўся без кіраўніка. Пачынаўся новы перыяд частай замены намеснікаў рэктара. Перыядычныя хвалі арыштаў не спынялі працу

універсітэта, аднак уся атмасфера варожасці, падазронасці, недаверу пад-
рывала вучэбны і навуковы працэсы.

Але універсітэцкі механізм працягваў працаваць. У ліпені адбыўся чарго-
вы выпуск біёлагаў, фізікаў, матэматыкаў, хімікаў – 132 чалавекі, з іх 44
здалі дзяржэкзамены на выдатна. Новы набор паказаў невялікі рост – на
250 месц было пададзена 500 заяў. Турбавала іншае. Назіралася пагар-
шэнне дысцыпліны. 1087 студэнтаў (амаль увесь БДУ) рэгулярна прапус-
калі заняткі. 12 кафедраў не мелі ніводнага прафесара, а 30 аспірантаў –
навуковых кіраўнікоў. Павялічвалася залежнасць універсітэта ад часовых
выкладчыкаў, аб чым з непакоем паведамляў прарэктар па вучэбнай част-
цы П. Дзёмін. Колькасць іх складала палову усіх навукоўцаў БДУ, пад іх
ладзіліся расклады, але "гастралёры" не заўсёды добрасумленна выконва-
лі вучэбныя планы, і апошнія бясконца змяняліся. У бібліятэцы БДУ адсут-
нічалі неабходныя падручнікі (гэта не дзіва, бо ранейшыя, што былі скла-
дзены "ворагамі народа", спальваліся)⁸. Натуральна, вінаватымі у гэтых і
іншых бядотах аб'яўляліся "ворагі народа, арудаваўшыя у НКА БССР і у
БДУ, якія імкнуліся разваліць вышэйшую школу. Яны зрывалі забеспячэнне
БДУ высокакваліфікаванымі кадрамі..."⁹

З пачаткам навучальнага года дысцыпліна сярод студэнтаў і выкладчы-
каў не палепшылася. Было відавочна па усім, што кіраўніцтва не у стане
наладзіць нармальную работу універсітэта. Таму намеснік па адміністра-
цыйна-гаспадарчай частцы Ліхтарнікаў, які выконваў абавязкі рэктара, хутка
быў абвінавачаны ў самадурстве, безгаспадарчасці і бязмэтных растратах
грошай, а пасля у п'янках, паездках на курорт і г. д. – толькі не у няўменні
кіраваць устаноўай¹⁰. 15 лістапада ён быў вызвалены ад сваіх абавязкаў і
загадам НКА БССР № 3466 в. а. дырэктара (рэктара) БДУ быў прызначаны
Л.М. Шнеерсон¹¹.

Між тым у вышэйшай адукацыі адбыліся істотныя змены, што хутка пау-
плывалі на жыццё БДУ. 5 верасня 1938 г. СНК СССР зацвердзіў тыповы
Статут вышэйшых навучальных устаноў. Статут вызначаў ролю і задачы
факультэтаў, кафедраў, якія з'яўляліся цяпер асноўнай вучэбнай арганіза-
цыяй ВНУ і непасрэдна ажыццяўлялі вучэбна-метадычную і навукова-да-
следчыцкую працу. Замацоўваліся Статутам і такія склаўшыся і апрау-
даўшыя сябе на практыцы формы вучэбнай работы, як лекцыя, вытворчая і
педагагічная практыка, кансультацыі, самастойная праца студэнтаў. Статут
рэгламентаваў пачатак і канец навучальнага года, парадак зацвярджэння
планаў і праграм, вызначаў чатырохбальную сістэму адзнак¹². Усё гэта уно-
сіла адпаведныя карэктывы ў дзейнасць БДУ.

Натуральна, што ажыццяўляць гэтыя задачы павінен быў рэктар універ-
сітэта. 13 снежня 1938 г. загадам № 3762 НКА БССР рэктарам БДУ быў
прызначаны П.П. Савіцкі¹³. Парфен Пятровіч прыняў універсітэт у складзе 5
факультэтаў (біялагічны, геаграфічны, гістарычны, фізіка-матэматычны, хі-
мічны), 24 кафедраў. У БДУ вучыліся 1249 студэнтаў і 52 аспіранты. Вучэб-
ны працэс ажыццяўлялі 118 навукоўцаў, у тым ліку 16 прафесараў, 57 да-
цэнтаў і старшых выкладчыкаў, 45 асістэнтаў і выкладчыкаў. Пры БДУ
мелася 7 інтэрнатаў. Бюджэт універсітэта склаў 4,6 млн рублёў¹⁴.

Перад новым кіраўніцтвам паўсталі задачы па нармалізацыі работы уні-
версітэта, сярод якіх як першапачатковых рэктар бачыў правядзенне сту-
дэнцкіх сходаў, дзе кожны факультэт павінен быў вызначыць свае канкрэт-
ныя абавязкі па барацьбе за умацаванне працоўнай дысцыпліны¹⁵. Надава-
лася увага глыбокаму вывучэнню асноў марксізму-ленінізму, "Кароткага
курса гісторыі ВКП(б)". Важна было вырашыць праблемы з вучэбнымі і ін-
тэрнацкімі плошчамі: у біялагічным корпусе сканцэнтраваліся біяфак, гіст-
фак, рабфак, уся адміністрацыя, бібліятэка, студэнцкія арганізацыі. Там жа
некалькі аўдыторый былі заняты пад інтэрнат, што, натуральна, не спрыяла

нармальнаму навучанню. Студэнты гістфака, напрыклад, вымушаны былі займацца у хімічных лабараторыях і Заалагічным музеі¹⁶. Ва універсітэцкім гарадку, збудаваным адмыслова для БДУ, у той час размяшчаліся цалкам ці часткова інстытуты – педагагічны, медыцынскі, політэхнічны, народнай гаспадаркі. БДУ займаў 3 карпусы – біялагічны (суч. геафак), хімічны (суч. НДІЯП), фізіка-матэматычны (суч. рэктарат).

На шляху нармалізацыі атмасферы у калектыве БДУ, спустошаным палітычнымі рэпрэсіямі, Парфена Пятровіча чакалі цяжкасці. Многіх навукоўцаў насцярожвала тое, што ён прыйшоў з партыйных органаў. П.П. Савіцкі разумеў, што пераламіць гэтыя негатыўныя адносіны можна толькі уласным аутарытэтам¹⁷. Для выканання пазначаных задач пад кантроль былі узяты наведванне лекцый і агульная дысцыпліна. Пачалася барацьба з п'янствам сярод студэнтаў, крадзяжамі, грубасцю і г. д. Каб часткова вырашыць праблему з жыллём, прыйшлося заняць "ленінскія куткі" інтэрнатаў¹⁸.

Парфен Пятровіч не быў буйным навукоўцам, але як сціплы чалавек не выкарыстоўваў сваю пасаду для атрымання навуковых ступеней, а засяродзіў намаганні на арганізацыйных справах на карысць універсітэта. Так, ён садзейнічаў адкрыццю асобнага філалагічнага факультэта: 24 мая 1939 г. афіцыйна быў аб'яўлены набор студэнтаў у колькасці 60 чалавек. Для факультэта рэктар дамогся перадачы вучэбных плошчаў зачыненага Мінскага рабфака. Універсітэт атрымаў 9 вучэбных аудыторый і 178 інтэрнацкіх месцаў¹⁹. Клопат Парфена Пятровіча аб універсітэце праяўляўся як у вялікім, так і ў малым. Напрыклад, адкрыццё кніжнага кіёска, аб чым неаднаразова прасілі студэнты і супрацоўнікі, стала магчымым толькі з яго дапамогай²⁰.

У верасні адбылася падзея, што атрымала ў гісторыі назву "Уз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР". 3 нагоды дня 17 верасня ў БДУ адбыўся буйны мітынг. І раней абаронна-масавае работа не заставалася па-за увагай. Цяпер жа яна становілася амаль першаснай справай. Так, калі ў лютым 1939 г. у БДУ было 35 абарончых гурткоў з агульнай колькасцю больш за 700 чалавек, то ўжо ў верасні – 1300 чалавек. У БДУ дзейнічалі гурткі паветранай абароны, садзейнічання арміі, хімічнай абароны, "варашылаўскіх стралкоў", "варашылаўскіх кавалерыстаў", матацыклетны, планерны, кулямётчыкаў, аўташкола. Зімою студэнты вучыліся яздзе на лыжах за матацыкламі, машынамі, коньмі. За 1938–1939 гг. было падрыхтавана больш за 800 "варашылаўскіх стралкоў", 1539 значкістаў хімабароны, 170 студэнтаў авалодаці аўтамабілем, 130 – матацыклам, 280 – атрымалі значкі парашутыстаў, было падрыхтавана 52 коннікі. Па абаронных відах спорту ў БДУ праводзіліся міжфакультэцкія спаборніцтвы. У 1939 г. БДУ па абарончай рабоце сярод ВНУ заняў I месца²¹. 1939–1940 гг. вызначылі тэндэнцыю па пад'ёму універсітэта пасля папярэдніх крываваў чыстак, хаця ранейшыя навукоўцаў засталася мала. З мэтай павелічэння аутарытэту вучоных былі шырока адзначаны гадавіны навуковай і педагагічнай дзейнасці У.М. Перцава, М.М. Нікольскага. Важнай падзеяй ва універсітэце сталі выбары ў АН БССР. Вучоны Савет БДУ вылучыў кандыдатамі ў акадэмікі і члены-карэспандэнты прафесараў У.М. Перцава, М.Е. Макушка, М.А. Прыляжаева, М.С. Акулава, Ф.Г. Асіпенка, А.В. Гельфанда, І.А. Вятохіна, М.М. іванова, дацэнта М.Е. Кавалёва²².

У 1939/40 навучальным годзе не без намаганняў рэктара павялічыўся бюджэт БДУ і склаў 5762 тыс. рублёў. Гэта дазволіла, акрамя абнаўлення вучэбнага і навуковага абсталявання, пачаць у 1940 г. выданне часопіса "Вучоныя запіскі БДУ" з гістарычным, біялагічным, географічным, фізіка-матэматычным, хімічным, філалагічным выпускамі, а таксама адкрыць 10 лютага 1940 г. Гісторыка-археалагічны музей²³.

Увесь гэты час П.П. Савіцкаму даводзілася абараняць вучэбныя і інтэрнацкія плошчы. Неабходна было знаходзіць сродкі на рамонт інтэрнатаў,

значная частка якіх уяўляла тыповыя барачныя будынкi на знос па вул. Студэнцкай. У ліпені 1940 г. рэктар быў вымушаны звярнуцца да старшыні СНК СССР, каб не дапусціць далейшага скарачэння матэрыяльнай базы БДУ, паколькі галоўны корпус, прызначаны для гуманітарных факультэтаў, перадаваўся штабу БАВА, а бытавыя памяшканні – радыёзаводу. Лепшы інтэрнат да 1 верасня перадаваўся віленскім працоўным. СНК БССР рыхтаваўся забраць частку хімічнага корпуса БДУ. У інтэрнатах універсітэта не хапала месца для большай паловы навучэнцаў новага прыёму²⁴.

Нягледзячы на ўсе меры, узрасла колькасць прапушчаных заняткаў. Асаблівыя цяжкасці узніклі пасля пастановы СНК СССР "Аб усталяванні платнасці за навучанне у вышэйшых навучальных установах і аб змене парадка прызначэння стыпендыі студэнтам". За паўгоддзе неабходна было унесці 200 р. на стацыянары, 100 р. – на завочным аддзяленні. Студэнты, якія не маглі заплаціць, выключаліся. Ва ўніверсітэце, педінстытуце пратэст супраць гэтага набыў форму адкрытых хваляванняў. Справай заняліся органы НКУС БССР²⁵.

Усе гэтыя турботы клаліся на плечы рэктара. У рэдкія вольныя гадзіны, што з'яўляліся у яго, П.П. Савіцкі бываў на прыродзе, якую ён вельмі любіў. Менавіта з яго лёгкай рукі быў пашыраны і палепшаны батанічны сад на тэрыторыі ўніверсітэта. На апошнім паверсе у паўвежы біялагічнага корпуса па яго ініцыятыве была створана аранжарэя, у якой вырошчваліся экзатычныя кветкі і расліны. У сваім кабінэце у акне паміж шыбамі Парфен Пятровіч трымаў вулей. Калі у яго быў час ці з'яўляўся дрэнны настрой, ён любіў падоўгу стаяць і назіраць за пчоламі.

Кожны раз П.П. Савіцкі здымаў на лета дамок у вёсцы і жыў там з сям'ёй. хаця яму як рэктару і члену ЦК КП(б)Б належала адпачываць у адмысловых санаторыях. Але ён любіў самоту. Штогод на гэтай дачы рабіў градку і на ёй умудраўся вырошчваць столькі агародніны, што здзіўляў гаспадароў-сялян. Ён заўсёды марыў быць біёлагам, і любоў да прыроды перадаў сваім дзецям – Барысу, Вользе²⁶.

У чэрвені 1941 г. БДУ рыхтаваўся адзначыць сваё дваццацігоддзе. За гэты час універсітэт падрыхтаваў 5240 спецыялістаў. У ім працавала 6 факультэтаў: біялагічны (дэкан – праф. М.Е. Макушок), географічны (дэкан – праф. І.С. Жылінскі), гістарычны (дэкан – дац. А.П. П'янку), фізіка-матэматычны (дэкан – дац. Г.М. Сагаловіч), філалагічны (дэкан – праф. Ц.П. Ломцеў), хімічны (дэкан І.П. Маркоўка) і 33 кафедры. Планавалася стварэнне кафедры беларускай мовы, літаратуры, гісторыі Беларусі. У БДУ вучыліся 1337 студэнтаў і 69 аспірантаў. Педагагічнай і навуковай працай займаліся 17 прафесараў, 41 дацэнт, 42 старэйшыя выкладчыкі, 28 выкладчыкаў, 23 асістэнты. З іх 60 чалавек – выпускнікі БДУ²⁷. Перад новым наборам студэнтаў у рэктарат паступалі лісты ад выпускнікоў сярэдніх школ з Украіны, асобных абласцей РСФСР, з беларускіх школ, якія прасілі выслаць праграмы і правілы прыёму. Так, школьніца Таццяна Арцянюк з г. Сухумі рыхтавалася вывучыць беларускую мову, каб паступіць у БДУ²⁸. Такія факты сведчылі аб узрастанні прэстыжу БДУ у тагачасным СССР.

П.П. Савіцкі часта выступаў па радыё, пісаў у друку аб дасягненнях, якіх дабіўся адзіны ў рэспубліцы ўніверсітэт за 20 гадоў свайго існавання. У артыкуле "Шляхі развіцця ўніверсітэта" Парфен Пятровіч раскажаў аб яго стварэнні і гісторыі ў стылі свайго часу, але у матэрыяле не было ні слова аб "нацфашыстах" і "ворагах народа", што "развальвалі" ўніверсітэт²⁹.

Па ініцыятыве П.П. Савіцкага 7 сакавіка 1941 г. быў скліканы Вучоны Савет БДУ, на якім абмяркоўвалася пытанне пераходу на беларускую мову. Рэктар адзначыў, што ніякага апраўдання не можа быць таму факту, што ў апошнія два гады ўся дакументацыя ўніверсітэта і грамадскіх арганізацый вялася па-руску. Савет пастанаўіў перавесці на беларускую мову ўсё спра-

ваводства, грамадскую работу, насценгазеты і у наступным навучальным годзе выкладаць частку дысцыплін па-беларуску, засяродзішы увагу у першую чаргу на працы выкладчыкаў³⁰.

На 24–28 чэрвеня 1941 г. было намечана святкаванне 20-годдзя заснавання БДУ. Выкладчыкі атрымалі запрашэнні на юбілейную навуковую сесію, назначаную на 24–27 чэрвеня 1941 г.³¹ Але урачыстасці не адбыліся, бо пачалася вайна. Ужо 22 чэрвеня тыя студэнты і выкладчыкі, якія падлягалі прызыву, з'явіліся у ваенкаматы (іх было каля 450 чалавек)³². Іншая група гуртавалася вакол П.П. Савіцкага, які пастаянна знаходзіўся ва ўніверсітэце. Відавочна, што ніякіх планаў па дзеянню БДУ у надзвычайных абставінах не было. З дазволу рэктара дацэнт А.Н. Нахімоўская, якая выконвала абавязкі начальніка групы самаабароны, выдала вінтоўкі (верагодна, вучэбныя). З раніцы 24 чэрвеня Мінск стаў падвяргацца масіраваным бамбардзіроўкам, узнікла паніка, спынілі работу прадпрыемствы, пачаўся адыход насельніцтва. Бамбёжка горада працягвалася у наступныя два дні.

У гэтых абставінах П.П. Савіцкі здолеў недзе знайсці грузавік, на якім было вырашана вывезці бацькоў, жонку і дзяцей супрацоўнікаў універсітэта, якія знаходзіліся побач. Рэчаў з сабою не бралі. 24 чэрвеня штаб Заходняга фронту, кіруючыя партыйныя і дзяржаўныя органы паспешліва і таёмна выехалі на усход. П.П. Савіцкі ніякіх загадаў не атрымаў, аднак у Мінску вырашылі не заставацца: вечарам 25-га пакінулі горад. Па Магілёўскай шашы рушылі на усход. Ні рэчаў, ні прадуктаў не было. Харчаваннем дапамагалі сяляне. Група паступова змяншалася. Студэнты разыходзіліся па дамах, заставаліся у вёсках. У Магілёве П.П. Савіцкі як дэпутат Вярхоўнага Савета БССР знайшоў магчымасць уладкаваць рэшткі групы у цягнік, які даставіў людзей да ст. Сухінічы, а адтуль – у Маскву³³.

У армію П.П. Савіцкага не бралі з-за цяжкай хваробы, і неўзабаве ён атрымаў прызначэнне дырэктарам Педагагічнага інстытута у г. Ніжні Тагіл (Свярдлоўская вобл. РФ), дзе пасяліўся разам з сям'ёю. Умовы жыцця былі цяжкія. Каб забяспечыць сям'ю прадуктамі, П.П. Савіцкі пачаў вырошчваць агародніну, што істотна палепшыла іх становішча. Падчас працы у Ніжнім Тагіле Парфен Пятровіч наладзіў сувязь з пастпрэствам БССР, каб аднавіць работу універсітэта і расшукаць выкладчыкаў БДУ, раскіданых у эвакуацыі. 2 чэрвеня 1942 г. Бюро ЦК КП(б)Б абмеркавала пытанне аб аднаўленні Беларускага дзяржаўнага універсітэта у складзе трох факультэтаў – філалагічнага, гістарычнага і геаграфічнага. У гэты час ішлі жорсткія баі на франтах, і кіраўніцтва ССРСР не звяртала асабліваю увагу на адукацыйныя пытанні. Сітуацыя змянілася у канцы 1942 г. падчас контрнаступлення Чырвонай Арміі.

У студзені 1943 г. СНК БССР звярнуўся да СНК ССРСР з хадайніцтвам аб пачатку работы БДУ ужо у час вайны у сувязі з патрэбнасцямі гаспадаркі і культуры БССР у высокакваліфікаваных спецыялістах. Падкрэслівалася магчымасць сканцэнтраваць вакол універсітэта хаця б асноўную групу навукоўцаў як БДУ, так і іншых ВНУ Беларусі, што дазваляла захаваць ранейшыя кадры і падрыхтаваць новыя, каб пасля лягчэй аднавіць сетку ВНУ³⁴. Відавочна, была атрымана папярэдняя згода СНК ССРСР. На гэта ўплывалі і іншыя абставіны. Яшчэ у жніўні 1942 г. у акупіраваным Мінску дзейчы Беларускай народнай самадапамогі рабілі захады па адкрыццю універсітэта, тым больш што немцы дазволілі аднавіць працу школ і гімназій. Дзейнічала і Беларускае навуковае таварыства, створанае у чэрвені 1942 г. акупацыйнымі ўладамі³⁵. І было не так важна – супрацоўнічалі навукоўцы з ім ці не – важным быў сам факт існавання гэтай арганізацыі. Ва умовах не толькі ваеннай, але і ідэалагічнай барацьбы факт аднаўлення універсітэта меў выключнае значэнне для прапаганды і агітацыі.

У студзені 1943 г. П.П. Савіцкі быў адкліканы ў Маскву і 16 лютага 1943 г. прызначаны рэктарам універсітэта³⁶. 15 мая 1943 г. СНК СССР прыняў пастанову "Аб аднаўленні работы Беларускага дзяржаўнага універсітэта". Новым месцам яго дзейнасці была прызначана ст. Сходня Кастрычніцкай чыгункі пад Масквой (сёння ў межах горада). Пытанне аб прызначэнні рэктара не узнікла.

У гэтых цяжкіх абставінах зноў праявіўся выдатны арганізатарскі талент П.П. Савіцкага. Ён запрасіў у Маскву многіх беларускіх выкладчыкаў, пра якіх меў звесткі аб знаходжанні (у тым ліку і тых, хто не працаваў да вайны ў БДУ), размясціў іх у дачных і у пасялковых дамах. У будынку школы працавала адміністрацыя. П.П. Савіцкі арганізаваў збор ягад, грыбоў, лекавых траў, нарыхтоўку дроў, грамадскія агароды. Наладжанае ў сталовай трохразовае харчаванне (абавязковае для усіх) дапамагала падтрымаць сілы знясіленым, параненым, інвалідам, што прыезджалі ў БДУ. Рабоце рэктара дапамагалі сувязі з БШПР (Беларускі штаб партызанскага руху), што знаходзіўся тут жа, на Сходні. Праз яго П.П. Савіцкі здолеў дастаць ватнікі, валёнкі, коудры, падушкі і іншыя рэчы.

Студэнтаў прымалі на тыя ж факультэты, якія былі да вайны: гістарычны, філалагічны, фізіка-матэматычны, хімічны, біялагічны, географічны. Было пададзена больш за 200 заяў. Пад кіраўніцтвам М.Р. Ларчанкі камплектавалася бібліятэка, якой МДУ і іншыя ВДУ Масквы перадалі 18 тыс. кніг³⁷. П.П. Савіцкі ўзначаліў кафедру марксізму-ленінізму. 11 сакавіка 1944 г. ён стаў дацэнтам гэтай кафедры³⁸.

Афіцыйна заняткі пачаліся 11 кастрычніка 1943 г. у будынку школы, а некаторыя курсы займаліся ва аўдыторыях МДУ (1 курс фізмата, 1 і 2 – біяфака, 4 і 5 – гістфака). Спачатку ў БДУ вучыліся 289 студэнтаў, але набор працягваўся і пазней. Заняткі вялі 40 выкладчыкаў. Асноўную частку калектыву складалі навукоўцы, што працавалі ў БДУ да вайны: прафесары М.Е. Макушок, Ц.М. Годнеў, М.Ф. Ярмоленка, Ф.Г. Асіпенка, М.А. Прыляжаеў, А.І. Лур'е, У.М. Перцаў, М.М. Нікольскі, дацэнты М.Р. Ларчанка, У.І. Шэўчэнка, Ф.І. Фёдараў, Л.В. Шашкоў, А.Н. Нахімоўская, Л.М. Шнеерсон і інш. Працавалі ў БДУ маскоўскія вучоныя Б.А. Рыбакоў, А.А. Савіч, і.і. Палосін, К.В. Сіукоў, А.М. Панкратава³⁹.

14 снежня партыйны сход БДУ ў складзе 25 камуністаў абраў партбюро, сакратаром якога быў вылучаны і.П. Мележ (будучы беларускі пісьменнік), яго намеснікам – Л.М. Шнеерсон. 25–26 снежня ў зале Маскоўскай кансерваторыі адбылося урачыстае пасяджэнне Вучонага Савета БДУ, прысвечанае 25-годдзю БССР. Былі заслуханы навуковыя даклады, а таксама прамова П.П. Савіцкага "БДУ і яго роля ў падрыхтоўцы нацыянальных кадраў". У студзені 1944 г. прафесарска-выкладчыцкі склад універсітэта налічваў 65 чалавек, у тым ліку 4 акадэмікі, 18 прафесараў і 24 дацэнты⁴⁰.

У жніўні 1944 г. пасля вызвалення Беларусі ад нямецкіх захопнікаў закончыўся "сходненскі" перыяд дзейнасці. Першая група студэнтаў (26 чалавек) на чале з рэктарам прыбыла ў Мінск 11 жніўня. Універсітэт уяўляў сумнае відовішча. Яшчэ ў 1941 г. салдаты вермахта разрабавалі і бессэнсоўна панішчылі абсталяванне лабараторый і кабінетаў, бібліятэкі, музеяў. З вучэбных карпусоў у нармальным стане застаўся толькі фізіка-матэматычны (у час вайны там была тэлефонная станцыя). Памяшканні біялагічнага і хімічнага факультэтаў згарэлі пасля бамбёжкі ў 1944 г. Неабходна было усё ўзнаўляць.

У верасні са ст. Сходня прыбыў эшалон з работнікамі і студэнтамі універсітэта, для якіх зрабілі інтэрнат у хімкорпусе. Пад жыллё выкарысталі і баракі, пабудаваныя немцамі на тэрыторыі універсітэта. Фізмат размясціўся ў сваім даваенным корпусе. Хімікі і біёлагі займаліся ў будынку тэхнікума па вул. Віцебскай, д. 9. Усе астатнія факультэты – у школе № 2. Заняткі прахо-

дзілі у 2–3 змены. Асабліва цяжкай была зіма 1944–1945 гг.: ад холаду замярзалі чарнільніцы-непралівайкі. Студэнты таемна выкарыстоувалі мэблю як паліва для печы.

Але, нягледзячы на гэтыя цяжкасці, універсітэт працаваў. У верасні быў створаны факультэт журналістыкі, на якім пачалі вучобу ў большасці былыя студэнты Камуністычнага інстытута журналістыкі. У 1946 г. іх было ужо 146 чалавек. На 23 лістапада 1944 г. на 7 факультэтах займаліся больш за 700 студэнтаў⁴¹. Студэнты працавалі не толькі над аднаўленнем універсітэта. Яны дапамагалі падымаць з развалін Мінск. Калі у 1944 г. сесія Мінгарсавета прыняла рашэнне аб абавязковай рабоце кожнага навучэнца па 15 гадзін штомесячна на будаванні разбуранага горада, то студэнты ў адказ абавязаліся адпрацаваць больш. Важнай падзеяй, што сведчыла аб адраджэнні універсітэта, стала навуковая сесія БДУ 19–23 мая 1945 г., прысвечаная удзелу яго ў вырашэнні праблем народнай гаспадаркі, культуры Беларусі. Працавалі гісторыка-філалагічная, фізіка-матэматычная і хімічная секцыі. У жніўні 1945 г. адбыўся першы пасляваенны набор студэнтаў у складзе 420 чалавек⁴², сярод якіх было шмат былых франтавікоў, пра іх вельмі клапаціўся рэктар.

У гэты час зноў разгортвалася барацьба з новымі "ворагамі" – "безроднымі космополітамі", тымі, хто "преклоняется перед Западом" і г. д. 12 снежня 1946 г. Парфен Пятровіч пакінуў пасаду рэктара БДУ, на якой працаваў амаль 8 гадоў. У 1946 г. П.П. Савіцкі падаў заяву ў Акадэмію грамадскіх навук пры ЦК ВКП(б) у Маскве для напісання дысертацыі. У Маскве ён вучыўся адзін год. Вынікам стала закрытая абарона кандыдацкай дысертацыі па тэме "Оккупационный режим немецких захватчиков в Белоруссии" у сакавіку 1948 г.⁴³

У гэтым жа годзе П.П. Савіцкі вярнуўся ў Мінск. У БДУ, аднак, месца яму не знайшлося, і ён уладкаваўся працаваць загадчыкам кафедры марксізму-ленінізму Беларускага політэхнічнага інстытута. Толькі ў снежні 1949 г. яго прымаюць на палову стаўкі як сумяшчальніка на тую ж кафедру БДУ. Парфен Пятровіч займаецца праблемай марксісцкага вучэння аб войнах, друкуе артыкулы ў "Звяздзе". "Советской Белоруссии".

1 сакавіка 1949 г. П.П. Савіцкі быў узнагароджаны ордэнам "Знак Почета", які дадаўся да медаля "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг." Урэшце, былі адзначаны заслугі Парфена Пятровіча і перад універсітэтам. 30 кастрычніка 1951 г. ён быў узнагароджаны Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета БССР за поспехі ў падрыхтоўцы высокакваліфікаваных навукова-педагагічных кадраў за развіццё навукі і культуры Беларусі⁴⁴.

Аднак здароўе Парфена Пятровіча усё больш пагаршалася, абвастраліся даўнія хваробы, давала значь напружаная праца. 15 кастрычніка 1952 г. з ім здарыўся інсульт. У сувязі з дрэнным станам здароўя П.П. Савіцкі пакідае кафедру Беларускага дзяржаўнага універсітэта і ад'язджае ў Друскенікі ў санаторый "Беларусь". Здавалася, ягоныя справы палепшыліся. Аднак, вярнуўшыся 8 жніўня, ён згубіў прытомнасць і 11 жніўня 1954 г. памёр. Пахаваны Парфен Пятровіч Савіцкі па рашэнню ЦК КПБ на вайсковых могілках у Мінску⁴⁵.

БДУ меў для П.П. Савіцкага вялікае значэнне. Прадчуваючы, што доўга жыць не будзе, аднойчы ён сказаў, што сваю місію на гэтым свеце выканаў, захаваўшы універсітэт, і вельмі гэтым ганарыўся.

¹ Гл.: Архіў БДУ. Спр. 955. Арк. 2; Архіў Музея гісторыі БДУ.

² Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ.

³ Гл.: Архіў БДУ. Спр. 955. Арк. 2; Наш кандыдат у дэпутаты // За ленінскія кадры. 1938. 14 чэрв. № 11–12.

⁴ Гл.: Архіў БДУ. Там жа.

⁵ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ.

- ⁶ Гл.: Перцев В.Н. Апраудаем давер'е партыі; Годнеу Т.Н. Навуковыя работнікі аддадуць свае галасы; Шабуня. Галасую за Савіцкага; Чарняускі. Аддам свой голас за нашага кандыдата П.П. Савіцкага // За ленінскія кадры. 1938. 26 чэрв. № 13; Архіў БДУ. Там жа. Арк. 2.
- ⁷ Гл.: Архіў КДБ РБ. Спр. 7108-С. Арк. 3.
- ⁸ НА РБ. Там жа. Спр. 722. Арк. 33. Дудзінскі. Задачы новага вучэбнага года. Фердэр, Шмушковіч. Новы набор // За ленінскія кадры. 1938. 6 верас.; Дзёмін. Да вынікаў навучальнага года // Там жа. 1938. 4 ліп.
- ⁹ Дудзінскі. Задачы навучальнага года // Там жа. 1938. 6 верас.
- ¹⁰ Паулоускі Я. Згодна асабістага жадання // За ленінскія кадры. 1938. 6 верас.; Шыфрына. Каму даверана кіраўніцтва ўніверсітэтам; Паулоускі Я. Шкурніцтва // Там жа. 1938. 16 верас.
- ¹¹ НА РБ. Там жа. Спр. 706. Арк. 117.
- ¹² Елінсон С. Тыповы Статут ВНУ // За ленінскія кадры. 1938. 26 верас.; Беларуский государственный университет им. В.И. Ленина. Мн., 1971. С. 31–32.
- ¹³ НА РБ. Там жа. Спр. 706. Арк. 117.
- ¹⁴ НА РБ. Там жа. Спр. 722. Арк. 22, 33; Дудзінскі. БДУ – дзецішча рэвалюцыі // За ленінскія кадры. 1938. 7 лістап.
- ¹⁵ Гл.: Савіцкі П. Нашы задачы // За ленінскія кадры. 1938. 23 лют.
- ¹⁶ Гл.: Вандроуны факультэт // Там жа. 1939. 1 студз.
- ¹⁷ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ.
- ¹⁸ М. Ц. Дэзарганізатары вучобы. Фердэр. За чыстату быгавых пытанняў; Куксо. Яшчэ раз аб бібліятэцы // За ленінскія кадры. 1939. 3 сак.; НА РБ. Там жа. Спр. 726. Арк. 101.
- ¹⁹ Гл.: Дудзінскі. Адкрываецца філалагічны факультэт // За ленінскія кадры. 1939. 24 мая; НА РБ. Там жа. Спр. 726. Арк. 157, 171.
- ²⁰ Гл.: Лапуз, Мачуленка, Аксельрод, Завін // Арганізацыя у БДУ газетны кіес // За ленінскія кадры. 1938. 26 верас.; Кратка // Там жа. 1939. 14 сак.
- ²¹ Гл.: Ператворым БДУ у крэпасць абароны // Там жа. 1938. 11 кастр.; У дні зімовых канікул // Там жа. 1939. 21 студз.; Антонаў. Гатовы да абароны радзімы // Там жа. 1939. 23 лют.; Нашы падарункі зезду пераможцаў // Там жа. 1939. 14 сак.; Гладкі А. Вынікі абарончых спаборніцтваў // Там жа. 1939. 29 верас.; Першын А. За усесаюзнае першыства // Там жа. 1939. 26 лістап.; Маевский А. Беларуский университет – крепость обороны // Советская Белоруссия. 1939. 2 нояб.
- ²² Гл.: Юбілейны вечар // Там жа. 1939. 30 лістап.; Махнач М. Вядомы вучоны // Звязда. 1940. 30 чэрв.; Да выбараў у АН БССР // За ленінскія кадры // 1939. 26 лістап.
- ²³ Гл.: НА РБ. Там жа. Спр. 731. Арк. 9; Вучоныя запіскі БДУ // За ленінскія кадры. 1941. 17 студз.; Гімельштэйн Р. Адкрыўся Гісторыка-археалагічны музей // Чырвоная змена. 1940. 16 лют.
- ²⁴ Гл.: НА РБ. Там жа. Спр. 726. Арк. 101, 105; Спр. 732. Арк. 3; Спр. 727. Арк. 73; Перад уступнымі экзаменамі у ВНУ // Звязда. 1940. 23 ліп.
- ²⁵ Гл.: НА РБ. Там жа. Спр. 716. Арк. 36; Спр. 735. Арк. 52; Гл.: Кожушков А.И., Яновский О.А. Указ. тв. С. 60; НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 740. Арк. 409-а-410; Там жа. Спр. 749. Арк. 2; Там жа. Ф. 4. Воп. 21. Спр. 2097.
- ²⁶ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ.
- ²⁷ Гл.: НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 751. Арк. 139–154; Спр. 822. Арк. 7–10; Савіцкі П. Дзецішча ленінска-сталінскай нацыянальнай палітыкі // За ленінскія кадры. 1941. 21 мая.
- ²⁸ Гл.: Перад новым наборам // Там жа. 1941. 17 крас.
- ²⁹ Гл.: Савіцкі П. Шляхі развіцця ўніверсітэта // Там жа. 17 студз.; У юбілейнай камісіі // Там жа. 25 сак.
- ³⁰ Гл.: НА РБ. Там жа. Спр. 736. Арк. 43–44.
- ³¹ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ.
- ³² Гл.: Кожушков А.М., Чудаев М.Ф. Беларуский государственный университет в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1984. С. 9.
- ³³ Архіў Музея гісторыі БДУ.
- ³⁴ Кожушков А.М., Чудаев М.Ф. Указ. тв. С. 9–10.
- ³⁵ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мн., 1993. С. 118; 139–140; ЭГБ. Т. 1. Мн., 1993. С. 355–356.
- ³⁶ Архіў БДУ. Спр. 955. Арк. 16; Кожушков А.И., Яновский О.А. Указ. тв. С. 63.
- ³⁷ Вновь за учебу // Советская Белоруссия. 1943. 14 июля; Возобновление БГУ // Там жа. 1943. 26 июня.
- ³⁸ Гл.: Архіў БДУ. Там жа. Арк. 5, 13.
- ³⁹ Гл.: Кожушков А.И., Яновский О.А. Указ. тв. С. 64; Архіў Музея гісторыі БДУ; Кожушков А.И., Чудаев М.Ф. Указ. тв. С. 10.
- ⁴⁰ Гл.: Кожушков А.И., Яновский О.А. Указ. тв. С. 64.
- ⁴¹ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ; Кожушков А.И., Яновский О.А. Указ. тв. С. 65–66.
- ⁴² Гл.: БГУ в новом учебном году // Советская Белоруссия. 1945. 7 авг.
- ⁴³ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ; Архіў БДУ. Там жа. Арк. 2, 6.
- ⁴⁴ Гл.: Там жа. Арк. 4, 10, 16.
- ⁴⁵ Гл.: Там жа. Арк. 13, 14; Архіў Музея гісторыі БДУ.

В.А. СЯХОВІЧ

ДАЛУЧЭННЕ УНІЯТАУ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ ДА ПРАВАСЛАУЯ У 1794–1795 гг.

Тэрыторыі, атрыманыя Расійскай імперыяй пры другім падзеле Рэчы Паспалітай, утварылі асобнае генерал-губернатарства на чале з Ц.І. Туталміным, у складзе якога апынуліся Ізяслаўская, Брацлаўская і Мінская губерні. Апошняя з іх аб'яднала новадалучаныя беларускія землі. 13 красавіка 1793 г., яшчэ да зацвярджэння другога падзелу сеймам Рэчы Паспалітай 11 ліпеня 1793 г., Кацярына II выдала указ, згодна з якім усе тры новыя губерні склалі адну праваслаўную Мінскую епархію; на чале яе, як і раней, заставаўся Віктар Садкоўскі, узведзены пры гэтым у сан архіепіскапа¹.

У 1793 г., ужо з першых часоў дзейнасці Мінскага архіепіскапа, да яго пачалі звяртацца некаторыя уніяты, жыхары Кіеўшчыны, з просьбай аб далучэнні да праваслаўя. Баючыся узяць на сябе адказнасць, ён звярнуўся да пецярбургскага мітрапаліта Гаурыла, каб той дазволіў яму прыехаць у Пецярбург для вырашэння гэтага пытання. Такая паездка адбылася². Вынікам яе стала з'яўленне імператарскага указа ад 22 красавіка 1794 г., які выклікаў карэнную змену у адносінах да уніяцкага пытання. У дакуменце гаварылася: «Яе імператарская вялікасць, даведаўшыся, што жыхары губерняў: Брацлаўскай, Ізяслаўскай і Мінскай... выказваюць цяпер шчырае іх жаданне вярнуцца да сапраўднай іх мацеры, царквы праваслаўнай, найвысачэйша загадаць пажадала прызначанаму у тых губернях на пасаду генерал-губернатора пана... Туталміну у выкананні такога святога намеру верных яе падданных падаваць, у чым належыць, ад свецкага кіраўніцтва абарону і дапамогу; а свяцейшаму правячаму сінду прадастаўляе даручыць праасвяшчэннаму архіепіскапу Мінскаму, ізяслаўскаму і брацлаўскаму, каб ён абнародаваў сваю пастырскую грамату, выклікаючы пражываючых у епархіі ягонаў да вяртання у праваслаўе...»³.

Грамата ад імя архіепіскапа Віктара, аб якой тут гаворыцца, была ўжо складзена і прыкладалася да рэскрыпту, дадзенаму таго ж 22 красавіка генерал-губернатару Ц.І. Туталміну. У рэскрыпце выказваліся зусім новыя погляды у параўнанні з ранейшымі намерамі расійскага ўрада захоўваць недатыкальнасць усіх веравызнанняў на новадалучаных землях: у ім прама гаворыцца аб «выкараненні уніі», аб яўляецца, што «уз'яднанне» ёсць «надзейнейшы сродак для зацвярджэння народа у аднадумстве і спакоі і што супраціўленне яму з боку католікоў і уніятаў будзе лічыцца крымінальным злачынствам, якое падлягае суду і цягне за сабой секвестр маёмткі. У гэтым самым рэскрыпце Ц.І. Туталміну прадпісвалася не весці па справах аб далучэнні перапіскі з уніяцкім мітрапалітам Растоцкім, як гэта было раней, а накіроўваць жадаючых прыняць праваслаўе да мінскага праваслаўнага архіепіскапа і толькі паведамляць Растоцкаму⁴.

17 мая 1794 г. выйшау новы імператарскі указ, у якім патрабавалася ад губернатарау забяспечыць нагляд паліцыі за тым, каб у схіленні уніятау не было перашкод з боку іншавярных памешчыкаў альбо святароў; сіноду ж загадвалася накіраваць на дапамогу В. Садкоўскаму патрэбную колькасць святароў з іншых епархій⁵.

У той час, калі складаліся гэтыя акты, пачалося паўстанне Тадэвуша Касцюшкі, якое папярэднічала апошняму падзелу Рэчы Паспалітай. Расійскі дарэвалюцыйны даследчык С. Рункевіч у «Псторыі Мінскай архіепіскапіі (1793–1832 гг.) зауважае, што «шчаслівы указ» 22 красавіка 1794 г. і указы, якія выйшлі адразу за ім, сваёю нечаканай паспешнасцю даюць права бацьчыц у іх утоены «палітычны інтарэс», выкліканы нараджаючымся мяцяжом⁶. Аналагічныя погляды на гэтую праблему выказваў і беларускі гісторык М.М. Нікольскі. Ён таксама адзначае, што у час паўстання памешчыкі абапіраліся на уніяцкае духавенства⁷. Пацвярджэннем таго, што гэта не засталася па-за увагай расійскага кіраўніцтва, можа служыць высылка двух уніяцкіх святароў у Ноугарад-Северскую губерню за удзел у «польскім мяцяжы»⁸.

Менавіта у гэтых абставінах архіепіскап Віктар і яго духавенства распачынаюць «справу уз'яднання». Абнародаванне у Мінскай губерні граматы, якая заклікала уніятаў прымаць праваслаўе, адбылося у маі і наступных месяцах 1794 г. Гэтая падзея, як піша С. Рункевіч, «не мела амаль зусім удачных вынікаў», бо «у Мінскай губерні для справы уз'яднання былі такія неспрыяльныя умовы, што для барацьбы з імі патрабавалася пакласці асабліва шмат сіл і энергіі»⁹.

У пачатку 1795 г. В. Садкоўскі паведаміў сіноду, што яму цяжка здолець справу далучэння уніятаў сваімі сіламі. У адказ на гэта была створана камісія для пошуку сродкаў садзейнічання «уз'яднанню», якая складалася з пецярбургскага мітрапаліта Гаурыіла, канцлера Безбародкі і генерал-губернатора Туталміна¹⁰. Камісія вырацавала праект, згодна з якім Мінская епархія значна змяншалася ў памерах за кошт таго, што з яе выдзялялася адна самастойная епархія (Брацлаўская) і адна вікарная (Жытомірская). У гэтым дакуменце, зацверджаным імператарскім указам ад 12 красавіка 1795 г., прадугледжвалася стварэнне ва ўсіх трох епархіяў па аднаму мужчынскаму і аднаму жаночаму манастыру. Для размяшчэння кожнага з іх павінен быў выкарыстоўвацца будынак аднаго з лепшых уніяцкіх манастыроў, прычым манахі, якія там знаходзіліся, размяркоуваліся па іншых манастырах. Акрамя таго, было вырашана паслаць у вышэйназваныя епархіі праваслаўныя царкоўныя кнігі па зніжанаму кошту¹¹.

У той час, калі рабіліся гэтыя распараджэнні, Рэчы Паспалітай ужо не існавала (у пачатку 1795 г. быў зацверджаны акт падзелу яе паміж Расіяй і Аустрыяй). Адначасова са знішчэннем Рэчы Паспалітай звальнялася належная да яе уніяцкая іерархія, глава якой, мітрапаліт Растоцкі, адмовіўся прыносіць прысягу расійскаму ўраду¹². Кафедра уніяцкага мітрапаліта і усе уніяцкія епіскапіі на тэрыторыях, перайшоўшых пад уладу Расіі пры друпм і трэцім падзелах, ліквідаваліся. Уніяцкім іерархам было дадзена права выбраць месцазнаходжанне па-за межамі Заходняй Расіі і прызначалася пенсія. Пенсію атрымалі і усе уніяцкія святары, якія пазбавіліся прыходаў пасля прыняцця іх прыхаджанамі праваслаўя. Астатнія уніяты падпарадкоуваліся уніяцкаму архібіскупу беларускаму Лісоўскаму, але пры гэтым было заяўлена, што гэтае падпарадкаванне толькі часовае і не павінна перашкаджаць «уз'яднанню»¹³. Як зазначыў у сувязі з гэтым прафесар Санкт-Пецярбургскай духоўнай акадэміі М.В. Каяловіч, «...урад, відавочна, трымаўся ранейшай думкі знішчыць унію ва ўсёй Заходняй Расіі»¹⁴.

Далучэнне уніятаў у Мінскай губерні працягвалася у 1795 г. і знаходзілася пад непасрэдным кантролем мінскага губернатара Няплюева, які атрым-

лівау рапарты аб ходзе гэтага працэсу ад сваіх падначаленых і праваслаўнага духавенства. У іх паведамляецца аб цяжкасцях, якія узніклі на шляху «уз'яднальнікаў». Напрыклад, у сяле Завішчыцах Пінскай акругі шляхціц Колб не аддаваў ключы ад царквы, заяўляючы, «што ён уласным коштам тую паставіў»¹⁵. Аканом Бартноўскі у сяле Купяцічы той жа акругі не выканаў загад аб скліканні сялян для прачытання ім граматы архіепіскапа і быў абвінавачаны ў «застрашваннях» сялян¹⁶. Супраціўленне падобнага роду аказвалі і уніяцкія святары¹⁷. Праваслаўны ігумен у лісце да Няплюева нават абвінавачвае уніяцкае духавенства ў напісанні ад імя губернатара ордэра для «рассейвання незлічоных у народзе шкоднасцей»¹⁸. Нягладка адбывалася і перадача праваслаўным базільянскага Навадворскага манастыра¹⁹. У розных мясцінах стаўленне простага народа да пераходу ў праваслаўе было неаднолькавым. Жыхары сяла Купяцічы, якое знаходзілася ва ўладанні бенедыктынаў, выказалі жаданне стаць праваслаўнымі і прызнаваліся нават, што і цяпер у начны час тайна ходзяць на маленні на месца былога праваслаўнага манастыра, пры гэтым сяляне патрабавалі змены ўладальнікаў, якія «апошныя дзяруць да грунта, адымаюць»²⁰. У той самы час благачынны Пастаўскай акругі паведамляў: «Хаця ж больш і ездзілі з участковым прыставам ... па розных сёлах, але ні ў чым не маем поспеху; ды і тыя прыходы, якія самі добраахвотна далучыліся, у царкву не ходзяць і з адправамі хрыстовымі невядома куды звяртаюцца, хаця ж амаль штодзённа угаворваем іх, але яны таго не толькі каб разумець, але нават і слухаць не хочуць». Урэшце святар заўважае, што «калі не будзе найстражэйшага на тое ўказа, дык усяляк іх добраахвотна далучаць немагчыма»²¹.

Нельга абысці маучаннем метады, якімі часам карысталіся тыя, хто здзяйсняў «уз'яднанне». Нярэдкамі былі выпадкі, калі праваслаўныя святары і свецкія ўлады пераводзілі уніятаў у праваслаўе супраць іх волі, выкарыстоўваючы закрыццё уніяцкіх храмаў, забарону уніяцкім святарам адпраўляць набажэнствы і г. д. Падобныя «дробныя злужыванні і насіліі» адзначае нават М.В. Каяловіч. Яны, па яго словах, «прымалі вельмі арыгінальны характар, жыва нагадваючы справы Заходняй Расіі ў часы польскага панавання»²².

У пачатку 1796 г. мінскі архіепіскап Віктар вымушаны быў паведаміць сіноду, што «уз'яднанне» «па некаторых немалаважных прычынах прыпынілася». Яго вынікі былі зафіксаваны ў «экстрактах» для сінода. Першы «экстракт» ад 6 чэрвеня 1795 г. налічваў усяго 34 далучаныя прыходы з 3 святарамі і 15 030 прыхаджанамі. Першае месца па колькасці далучаных займала Давідгарадоцка-Мазырская акруга. За ёй ішлі акругі: Слуцкая, Пінская, Бабруйская, Барысаўская і, урэшце, Мінская. Другі «экстракт», датаваны 10 студзеня 1796 г., сведчыў аб далучэнні яшчэ 60 прыходаў з 12 святарамі і 64 923 прыхаджанамі. Найбольшы лік далучаных прыходаў давалі Давідгарадоцкая з Мазырскай (38) і Пінская (22) акругі. З гэтых лічбаў бачна, што найвялікшая колькасць уніятаў, перайшоўшых у праваслаўе, адзначаецца ў паўднёвых раёнах, памежных з Украінай, дзе, як вядома, унія не мела глыбокіх каранёў і пераход у праваслаўе насіў масавы характар. Агульны вынік далучэння уніятаў у Мінскай губерні да 30 студзеня 1796 г. склаў 94 прыходскія царквы, 30 прыпісных, 39 капліц, 15 святароў і 79 953 прыхаджаніна²³.

«Уз'яднаньня» уніяцкія прыходы з яўляліся 1/5 часткай усіх, што тут знаходзіліся²⁴; большасць святароў з гэтых прыходаў перайсці ў праваслаўе не пажадалі. Даючы ацэнку «уз'яднанню» 1794–1795 гг., М.М. Нікольскі адзначаў, што поспех яго быў «вельмі няпэўнай якасці, чыста папяровы»²⁵. Для большасці уніятаў пераход у праваслаўе насіў вымушаны і фармальны характар. Гэта пацвердзілася далейшым ходам падзей, калі з прыходам да ўлады Паўла і «уз'яднаучыя» мерапрыемствы былі прыпынены на дзяржаўным узроўні.

- ¹ Гл.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. (Далее ПСЗ-I). СПб., 1830. Т. 23. № 17 113.
- ² Гл.: Коялович М. О. История воссоединения западно-русских униатов старых времен. СПб., 1873. С. 353–355.
- ³ Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильно, 1889. Т. 16. С. 7–8.
- ⁴ Гл.: Там же.
- ⁵ Гл.: Там же.
- ⁶ Рункевич С. История Минской архиепископии (1793–1832 гг.). СПб., 1893. С. 271.
- ⁷ Гл.: Никольский Н. М. История русской церкви. Мн., 1990. С. 288.
- ⁸ Гл.: ПСЗ-I. Т. 23. № 17 345.
- ⁹ Рункевич С. Указ. соч. С. 243.
- ¹⁰ Гл.: Коялович М. О. История воссоединения... С. 368.
- ¹¹ ПСЗ-I. Т. 23. № 17 318; Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далее НГАБ). Ф. 136, воп. 1, спр. 542, арк. 6–13.
- ¹² Гл.: Коялович М. О. История воссоединения... С. 371.
- ¹³ ПСЗ-I. Т. 23. № 17 384; 17 391.
- ¹⁴ Коялович М. О. История воссоединения... С. 371.
- ¹⁵ НГАБ. Ф. 136, воп. 1, спр. 571, арк. 35; ф. 295, воп. 1, спр. 2, арк. 46.
- ¹⁶ Гл.: Там же. Ф. 295, воп. 1, спр. 2, арк. 33 адв., 34–36, 41, 42.
- ¹⁷ Гл.: Там же. Ф. 136, воп. 1, спр. 571, арк. 8–68; ф. 295, воп. 1, спр. 2, арк. 27 адв., 28, 31, 31.
- ¹⁸ Там же. Ф. 295, воп. 1, спр. 2, арк. 43.
- ¹⁹ Гл.: Там же. Арк. 39, 40, 46, 49.
- ²⁰ Там же. Арк. 33 адв.
- ²¹ Там же. Арк. 51 адв.
- ²² Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. СПб., 1884. С. 306–307.
- ²³ Гл.: Рункевич С. Указ. соч. С. 263, 403.
- ²⁴ Гл.: Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и уни в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. Вильно, 1885. С. 168.
- ²⁵ Никольский Н. М. Указ. соч. С. 289.

К.А. РЭВЯКА

ВЫКАРЫСТААННЕ СЛАНОУ У ГАНІБАЛАВАЙ ВАЙНЕ (218–201 гг. да н. э.) (ПА СВЕДЧАННЯХ ГРЭКА-РЫМСКІХ АУТАРАУ)

Прыручаных, адамашненых і выдрэсіраваных магутных сланоу у старажытнасці выкарыстоувалі у многіх войнах. Аб гэтым сведчаць шматлікія грэчаскія і рымскія аутары: Палібій, Лівій, Апіян, Дыядор, Флор і іншыя даследчыкі антычнасці – А. Неміроўскі, І. Кавалёў, Т. Момзен, А. Тойнбі і інш. Вучоныя XX ст. назвалі сланоу – магутную зброю старажытнасці – “антычнымі танкамі”. Шырока выкарыстоувалі іх у войнах карфагенскі палкаводзец Ганібал і яго бацька Газдрубал. Ганібал, будучы у Іберыі (Іспанія), наводзіў сланамі жах на мясцовых жыхароў, а у хуткім часе пакарыў іх (Лів., XXI, 5, 10). Ганібал з дапамогай сланоу разбурыў саюзна рымлянам горад Сагунт у Іспаніі, перайшоў раку Эбра і, сеючы раздоры паміж плямёнамі, пазбавіў іх адзінства у барацьбе з пунійцамі (карфагенянамі). Так, у паходзе на Рым пры пераправе праз раку Эбро, па словах Лівія (XXI, 5, 15), “многіх патапіла рака; другіх цячэнне занесла да непрыяцеля, дзе іх раздавілі сланы”. Так сланы дапамаглі не толькі пры пераправе Эбро, але і апустышылі палі, і на працягу некалькіх дзён карфагеняне падпарадкавалі племя карпетанаў у іспаніі (Лів., XXI, 5, 16).

Разбурыўшы непакорны саюзна рымлянам г. Сагунт, Ганібал, рыхтуючыся у паход на Рым, умацоўваў тыл. Пакідаючы іспанію, ён назначыў свайго брата Газдрубала з арміяй і сланамі яе намеснікам (Лів., XXI, 22, 3). На шляху да італіі армія Ганібала дайшла да ракі Радан (Рона), праз якую неабходна было пераправіць жывёл-веліканаў. “Сланы заучасна усе былі сабраны на беразе; затым самы сярэдзіты з іх, прыведзены у ярасць сваім праважатым, кінуўся за ім. Праважаты убег у ваду, слон рушыў за ім туды і сваім прыкладам уцягнуў усё стада у раку; а калі жывёлы дайшлі да глыбокіх мясцін і згубілі брод, то само цячэнне ракі аднесла іх да другога берага”. Ёсць і другое сведчанне Лівія (XXI, 28, 5–12) пра тое, што сланы былі перапраўлены на другі бераг на плытах, пакрытых зямлёю. Сланы у паходзе

ішлі з конніцай, а сам палкаводзец з лепшымі атрадамі пяхоты замыкаў шэсце (Лів., XXI, 34, 5).

Армія Ганібала дайшла да Альпаў. Горцы, якія ніколі не бачылі сланоў, даволі ваража сустрэлі воінаў: нападзілі на іх з мэтай рабаўніцтва. Сланы ж запавольвалі шэсце ў гарах, асабліва ў тых месцах, дзе іх прыходзілася весці па вузкіх крутых дарогах, “але затое яны стваралі бяспечнасць той частцы войска, у якой ішлі, так як ворагі, ніколі не бачыўшыя гэтых жывёл, баяліся падыходзіць да іх блізка” (XXI, 35, 3).

Вузкія горныя сцежкі пераадоўваліся з вялікімі цяжкасцямі, а ў некаторых мясцінах велічныя скалы наглуха загароджвалі шлях. Лівій (XXI, 37) дае апісанне такіх мясцін. Рымляне “запалілі вялікае вогнішча, а потым, калі яно выгарала, залілі раскалены камень воцатам. Аб такім спосабе разбурэння скал пры дапамозе воцату гаворыць і Пліній Старэйшы ў “Натуральнай гісторыі” (XXIII, I, 57)². Жалезнымі кіркамі і лапатамі яны разломлівалі патрэскауюся ад сілы агню скалу і рабілі праходнай дарогу, па якой маглі спусціцца не толькі грузаныя абозныя жывёлы, але і сланы (Лів., XXI, 37, 3). Чатыры дні былі страчаны на разбурэнне скалы. За гэты час узнікла пагроза для жывёлы, якая магла загінуць ад голаду. Прайшоўшы ў даліну, “коней пусцілі пасвіцца, а стаміўшыся людзям быў дадзены адпачынак” (Лів., XXI, 37, 6). Так Ганібал здзейсніў пераход з Іберыі (іспанія) ад Новага Карфагена да падножжа Альпаў за пяць месяцаў, а на пераадоўванне Альпаў – 15 дзён (Лів., XXI, 38, 1). У яго да пераходу было 100 тыс. пяхоты і 20 тыс. конніцы (Лів., XXI, 38, 2; Паліб., III, 56, 43), а засталася пасля пераходу толькі 20 тыс. пяхоты, 9 тыс. конніцы і некалькі баявых сланоў. Змучаныя, галодныя, знясіленыя воіны Ганібала раскінулі свой лагер на раўніне (Паліб., III, 50–56³; Лів., XXI, 32–37; Ароз., IV, 14, 3–4⁴). Момзен правільна заўважыў, што “калі б рымляне паставілі дзе-небудзь недалёка ад Турына, а яны гэта маглі зрабіць, корпус з 30 тыс. нязмучаных і гатовых да бою салдат і калі б яны адразу прымусілі ворага прыняць бой, то вялікія задумы Ганібала наўрад ці мелі б поспех”⁵. Але рымлян не было там, дзе ім неабходна было б быць, і яны не парушылі такі неабходны для варажай арміі адпачынак.

Знясіленыя людзі і жывёлы (коні, сланы, вярблюды) павінны былі ваяваць з рымлянамі. Гледзячы на ўсё гэта, Ганібал сказаў, што больш за ўсё яго хвалюе неабходнасць жорсткага змагання, а можа узнікнуць думка, быццам бы Ганібала перамаглі Альпы (Лів., XXI, 40, 10). Першая сустрэча Ганібала з рымлянамі адбылася ў баі пры рацэ Ціцын, дзе геройскі праявіў сябе Публій Карнэлій Сцыпіён Афрыканскі, будучы пераможца Ганібала (Паліб., X, 3, 4; Лів., XXI, 46, 5–9), але на даным этапе першае пабоішча даказала, што пунійская конніца пераўзыходзіць рымскую і, зыходзячы з гэтага, пабоішча на адкрытых палях для рымлян небяспечна (Лів., XXI, 47, 1). Сланы Ганібала з конніцай і пяхотай фарсіравалі раку, а астатняе войска перайшло ўброд. Пераправа была аблегчана тым, што пры гэтым сланоў паставілі ў адзін рад, каб аслабіць напор ракі (Лів., XXI, 47, 4).

Ганібал, атрымаўшы першую перамогу пры Ціцыне, адкрыў шлях далей па Італіі ў прадгор’ях Альпаў да ракі Трэбіі. Зусім непрадбачана рымляне папалі ў засаду, “дзе сланы напіралі ўжо на сярэдзіну пярэдняй лініі рымлян, а палкаводзец Ганібала Магон нечакана з засады прывёў у такое замаяшанне рымлян, што яны не маглі адбіць націск сланоў. І усё ж такі, як паведамляе Лівій (XXI, 55, 10), рымляне з усіх бакоў некаторы час паспяхова адбівалі сланоў, а “лёгкая пехацінцы закідалі іх дроцікамі і заставілі уцячы, а потым, праследуючы бягучых сланоў, калолі іх пад хвост, дзе скура тонкая, і таму раніць іх было лягчэй”. Раз’юшаныя сланы пачалі кідацца на сваіх воінаў. Ганібал прыказаў адвесці іх з сярэдзіны на левы край, дзе знаходзіліся дапаможныя атрады галаў, якія адразу кінуліся ў бегства, а рымляне выратаваліся толькі тым, што дабеглі ў сваю калонію Плацэнцыю.

Лівій (XXI, 56. 6; 58, 11) адзначае, што “у карфагенян непагадзь і невыносныя халады загубілі многа людзей, уючных жывёлін і амаль усіх сланоу”. Аб гэтым паведамляюць таксама Палібій (III, 74) і Апіян (Ганіб., 7, 28)⁶. Пунійцы у хуткім часе занялі Плацэнцыю і на працягу двух дзён заставаліся у засадзе на гэтым месцы. Сланы як асноўная вайсковая сіла Ганібала былі страчаны ім пры пераходзе праз Альпы, пазней Апеніны і багністыя балоты Тразіменскага возера. Як паведамляе Палібій (III, 74, 10), “Ганібал ехаў на адзіным уцалешым слане, які узвышаўся над вадой; галава у палкаводца была цяжкай ад недасыпання, начной сырасці і балотнага паветра. Лячыцца не было ні месца, ні часу, і ён аслеп на адно вока”, правае (Лів., XXII, 2, 11; Карн., Неп., Ганіб., 4, 3)⁷.

Згодна Палібію (III, 74, 10), загінулі усе сланы Ганібала, акрамя аднаго. Па Лівію (XXI, 58, 11), сем уцалешых сланоу загінулі пасля зімоўкі пры пераправе праз Апеніны. З Іспаніі Ганібал прывёў 37 сланоу (Еутроп., III, 8, 2). Застаўшыся без адзінага слана, палкаводзец страціў моцны козыр у барацьбе з рымлянамі. Але у Карфагене вырашылі аказаць дапамогу Ганібалу. Лівій (XXIII, 13, 7) адзначае, што “у сенаце амаль адзінадушна пастанавілі папоўніць войска Ганібала у колькасці 4 тыс. нумідзійцаў, 40 сланоу і 1 тыс. талантаў срэбра”.

Ганібал шырока выкарыстоўваў сланоу пры аблозе гарадоў, наводзячы жах на жыхароў. “Так, ён аднойчы адрэзаў ад горада Казіліна жыхароў, якія выйшлі з горада і спрабавалі прарвацца: пусціў на іх сланоу і загнаў перапалоханых назад у горад. Забітых было многа...” (Лів., XXIII, 13, 7). Лівій працягвае, што, мабыць, гэта былі тыя сланы, якіх толькі што прыслалі у Італію Ганібалу па рашэнню карфагенскага сенаата.

Пунійскія сланы у барацьбе з рымлянамі сталі важнай зброяй. Аб гэтым зазначае і Лівій (XXIII, 29, 14), што, “гонячы з сабою сланоу, пунійцы баяліся, каб не пакінуць такую важную зброю праціўніку”. Так, брат Ганібала Магон, адпраўляючыся у Іберыю (Іспанію), рыхтаваўся адправіць у Італію 12 тыс. пехацінцаў, паўтары тысячы коннікаў і 20 сланоу (Лів., XXIII, 32, 5). Абставіны заставілі Магона накіравацца спачатку у Італію, таму што амаль уся Іберыя была у рымскіх палкаводцаў. Так, у хуткім часе на дапамогу брату Ганібалу к гораду Нола “прышоў з Бруція Ганон з падмацаваннем з Карфагена і са сланамі” (Лів., XXIII, 43, 6). І усё ж такі рымляне пры Ноле атрымалі першую перамогу над Ганібалам (Лів., XXIII, 46, 2–4): “У гэты дзень было перабіта 5 тыс. ворагаў, у палон узята 600, захоплена 19 штандараў і два сланы, а чатыры сланы былі забіты у баі; рымлян было забіта менш тысячы”.

Поспех быў у рымлян і у Іберыі (Іспаніі). Па сведчаннях Лівія (XXIII, 49, 11), у 215 г. да н. э. там жа рымляне перабілі ворагаў больш, чым было саміх рымлян, а у палон узята звыш трох тысяч, штандараў – 59, коней – каля тысячы і 7 сланоу, а 5 сланоу былі забіты у час бітвы. У хуткім часе, летам 215 г. да н. э., у адным з пабоішчаў “...ворагаў было забіта болей 13 тыс. чалавек і у палон узята больш двух тысяч, а таксама 49 сланоу і два штандары” (Лів., XXIII, 49, 13). Пасля такіх падзей амаль усе народы Іспаніі перайшлі да рымлян.

Амаль усе ваенныя аперацыі карфагенян на усіх франтах праходзілі з прыцягненнем сланоу. У Іспаніі у Мунды (паблізу Кардовы) было забіта 39 гэтых жывёл. (Лів., XXIV, 42, 1–3). Сланы удзельнічалі і у баях за Сіцылію. У пунійскага палкаводца Гімількона, які высадзіўся у Гераклеі Мінойскай (паўднёвы бераг Сіцыліі), было 25 тыс. пяхоты, 3 тыс. коннікаў і 12 сланоу (Лів., XXIV, 35, 3). Тут жа у баях за горад Агрыгент, акрамя воінаў, загінулі 8 сланоу (Лів., XXV, 41, 7).

У маршы Ганібала па Кампаніі ішлі 33 сланы (Лів., XXVI, 5, 3). Рымскі консул Фульвій з арміяй і трыма сланамі дайшоў да самага вала Капуі і прарваў пунійскую лінію абароны. Рымляне з адчаем вялі бой перад валам

Капуі і забілі сланоу, якія узбіраліся на вал. Забітымі сланамі завалілі роу і жорсткае пабоішча зноу прадаужалася (Лів., XXVI, 6, 1–3). У рымскі лагер раптоуна уварваліся іспанцы і нумідзійцы са сланамі, якія з шумам разбурылі палаткі, патапталі мулау, разагналі коней, і пачалася вялікая суматоха (Лів., XXVI, 8–9). І усё ж такі у ваенных дзеяннях на Сіцыліі былі значныя поспехі рымлян, якія узрадавалі іх. Лівій (XXVI, 21, 9) піша, што Марцэл нават справіў трыумф на Альбанскай гары, а потым з авацыяй увайшоў у горад з багацейшай дабычай. У гонар перамогі над карфагенянамі вялі 8 сланоў, а удзельнікі шэсця ішлі ў залатых вянках.

Вайна прадаужалася. Ганібал сустрэўся ў бойцы з рымлянінам Марцэлам пры Герданеі і Кануззі. У гэтых баях сланы, раз’юшаныя дроцікамі, кінуліся на сваіх воінаў і забілі больш, чым ворагаў. Па сведчаннях Лівія (XXVII, 14, 14), загінулі каля 8 тыс. воінаў і 5 сланоў. Гэтая перамога каштавала рымлянам вельмі дарага: загінулі 1800 легіянераў і больш за 1300 саюзнікаў. Пасля гэтага Ганібал рушыў на поўдзень Італіі, у вобласць бруццяў.

У гэты час брат Ганібала Газдрубал у Іспаніі пры Бекуле даволі паспяхова вёў ваенныя аперацыі з прымяненнем сланоў. Лівій (XXVII, 18, 20) і Палібій (X, 39, 7) паведамляюць, што “...спалоханыя і раз’юшаныя сланы кінуліся на ворага. Перабіта было каля 8 тыс. чалавек”. Пасля гэтых падзей Газдрубал ідзе на Італію з падмогай брату Ганібалу тым жа шляхам праз Альпы. Да прыходу ў Італію Газдрубала рымляне паспяхова вялі вайну з Ганібалам у Луканіі. Лівій (XXVII, 42, 7) сведчыць, што рымляне узялі ў палон больш за 700 чалавек, 8 тыс. было забіта, 9 штандараў узята, 4 сланы забіты, а 2 захоплены ў палон. Ваенныя дзеянні ў Ганібалавай вайне падыходзілі да заканчэння, але наперадзе чакалася вырашальнае пабоішча пры рацэ Метаур у Італіі (Умбрыя). У гэтай вобласці брат Ганібала Газдрубал спадзяваўся аб’яднацца з арміяй Ганібала і разграміць ненавісны Рым. Але лес распарадзіўся інакш. Рымляне, перахваціўшы планы Газдрубала, адпраўлены ім пасланцамі, прымусілі яго прыняць бой. У гэтай вырашальнай бітве удзельнічалі і сланы (Лів., XXVI, 48, 5–7). Па сведчаннях Апіяна (Ганіб., 52), іх было 15. Лівій (XXVII, 48, 9; 49, 1–2), апісваючы пабоішча, распавядае, што “пры першым націску сланы змяшалі пярэднія рады рымлян і заставілі іх адступіць... Бой разгараўся, узмацніліся крыкі, і ужо нельга было упраўляць сланамі, яны кідаліся паміж рымскімі і карфагенскімі войскамі, як бы не разумеючы, чые ж яны. У выніку “большасць сланоў перабілі не вораг, а самі ж важакі. У кожнага з іх былі долата і малаток; калі сланы прыходзілі ў ярасць і пачыналі кідацца на сваіх, важак паміж вушэй ставіў долата і біў па яму з усіх сіл. Гэта самы хуткі спосаб умярцвіць велічнага звера. калі з ім ужо няма ладу. Газдрубал першым выкарыстаў гэта на справе...” (Лів., XXVII, 49, 2). На усім працягу Ганібалавай вайны шырока прымяняліся сланы, якія, як і воіны, гнулі ў пабоішчах. Лівій (XXX, 6, 9) апісвае і такі выпадак: рымляне падпалілі лагер карфагенянаў, у якім згарэлі 8 сланоў, а захоплены ў палон 6 сланоў.

Напрыканцы Ганібалавай вайны рымляне ў баях з карфагенскім палкаводцам Магонам многа разоў сустракаліся з магутнай зброяй – сланамі (Лів., XXX, 6; 18, 10; 18, 15). У барацьбе рымлян з пунійцам Магонам, братам Ганібала, загінулі 22 знакамітых рымскіх коннікаў, якія разам з некалькімі цэнтурыёнамі былі растаптаны сланамі (Лів., XXX, 15). І усё ж такі рымляне перамаглі толькі таму, што быў цяжка паранены пунійскі палкаводзец Магон. У апошніх баях Ганібалавай вайны на тэрыторыі Афрыкі рымскі палкаводзец Сцыпіён Афрыканскі вымушаны быў унесці змены ў размяшчэнне сваіх воінаў, улічваючы сланоў пунійцаў. Лівій (XXX, 33, 1–5) адзначае, што ў бітве пры Заме кагорты Сцыпіёна былі выстаўлены не ў адну суцэльную лінію, але так, каб паміж маніпуламі заставаліся шырокія прамежкі, па якіх пунійскія сланы маглі прайсці, не парушаючы баявога парадку. У пераходах

паміж маніпуламі ён паставіў капейшчыкаў, якія пры нападзенні сланоў павінны былі схавацца за радамі воінаў альбо разбежыцца направа ці налева, ачысціўшы сланам дарогу, дзе яны пападуць пад дроцікі з двух бакоў. Так Ганібал разлічваў узмацніць страх, паставіўшы ўперадзе сланоў, якіх было 80. Раней ён ніколі не выводзіў такую колькасць сланоў у бой (Лів., XXX, 33, 4). За сланамі былі дапаможныя атрады лігураў, галаў і іншых воінаў.

Неспадзявана з боку рымлян раздаліся гукі труб і ражжоў, падняўся незвычайны крык, ад якога сланы павярнулі на сваіх – на маураў і нумідаў, якія не вытрымалі. Саюзнік рымлян Масініса дабавіў ім страху, пазбавіўшы варожы фланг падтрымкі кавалерыяй. “Некалькі сланоў удалося пагнаць на ворага. Ідучы скрозь капейшчыкаў, параненыя, яны разбуралі усё навокал. Капейшчыкі адскоквалі к маніпулам, каб не быць растаптанымі, далі дарогу сланам і з абодвух бакоў перадавой кідалі ў іх свае дзіды і дроцікі. Сланы павярнулі на сваіх, і тыя вымушаны былі уцякаць разам з коннікамі, якія стаялі на правым флангу (Лів., XXX, 33, 14–16). Рымляне пераўзыходзілі ворага колькасцю і упэўненасцю ў сабе, адзначае Лівій (XXX, 34, 13). Яны прымусілі уцякаць карфагенскую конніцу і сланоў, пацягнулі перадавую і змагаліся на другой лініі. У апошнім пабоішчы пры Заме пераможцы-рымляне захапілі 132 штандары, 11 сланоў; загінулі 20 тыс. карфагенскіх воінаў. Рымляне страцілі каля паўтары тысячы воінаў (Лів., XXX, 35, 3).

Яшчэ ў старажытнасці знаўцы ваеннага мастацтва высока ацанілі заслугі карфагенскага палкаводца Ганібала за яго выключнае майстэрства арганізацыі наступлення і абароны. І усё ж такі не ваеннае майстэрства Ганібала і не яго незвычайная зброя (сланы) у вайне вызначалі пераможцу. Перамог Рым і яго сацыяльна-эканамічная і палітычная сістэма, якую ўзначальваў палкаводзец Сцыпіён, атрымаўшы за перамогу ганаровы тытул “Афрыканскі”. Сцыпіён Афрыканскі ад імя Рыма і прадыхтаваў Карфагену першапачатковыя умовы міру, пры заключэнні якога ў пратаколах (Лів., XXX, 37, 3; 43, 11) была запісана адна з галоўных умоў: карфагеняне “аддадуць прыручаных сланоў і прыручаць больш іх не будуць”. Большую колькасць гэтых сланоў паслалі ў Рым, дзе яны былі выкарыстаны ў грамадскіх відовішчах і ў вайне з Македоніяй (Лів., XXX, 36, 4). Частку сланоў рымляне аддалі свайму саюзніку ў Афрыцы Масінісу.

Незвычайную і магутную зброю старажытнай гісторыі – сланоў, якіх вучоныя называюць “антычнымі танкамі”, – рымляне упершыню убачылі ў войнах з Карфагенам.

¹ Ливий Т. История Рима от основания Города: В 3-х т. М., 1991. Т. 2. (Тут і далей у дужках спасылкі на указ. творы. Пер. аўтара. – К.Р.)

² Плиний Старший. Естественное. Об искусстве / Пер. с лат. Г.А. Тароняна. М., 1994

³ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах: В 3-х т. / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. М., 1995. Т. 1.

⁴ Orosius P. // *Historiarum adversus Paganos Libri*. Lipsiae, 1889.

⁵ Моммзен Т. История Рима. М., 1936. Т. 1. С. 542.

⁶ Аппиан. Римские войны / Пер. под ред. С.А. Жебелева. СПб., 1994.

⁷ Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах / Пер. с лат. и коммент. Н.Н. Трухиной. М., 1992.

⁸ Евтропий. Краткая история от основания Города. М., 1997.

А.А. ЛЕВШЕВИЧ

РУМЫНО-ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ (1829–1845 гг.)

Важной составной частью румыно-французских отношений периода 1829–1845 гг. являются культурные связи между народами Дунайских княжеств и Францией. Без их рассмотрения история взаимоотношений между государствами и народами не может быть выяснена всесторонне. Их развитие не могло не оказывать влияния на формирование общественного мнe-

ния, а значит, в какой-то мере и на политику правительств. Развитию связей между Дунайскими княжествами и Францией содействовали языковая и этническая общности населения.

Введение в научный оборот ранее неизвестных материалов из архивов позволяет по-новому раскрыть содержание и характер румыно-французских связей. Следует отметить, что ряд историков затрагивали некоторые аспекты румыно-французских культурных связей на отдельных этапах развития. Но их изучение с 1829 по 1845 г. предпринимается впервые. Характерной чертой культурного развития Дунайских княжеств в рассматриваемый период было увеличение элементов светской культуры, утверждение которых проходило медленно. Сохранение феодальных отношений обеспечивало церкви незыблемость ее авторитета. Идеи французского Просвещения пробуждали интерес к научным знаниям среди прогрессивных представителей общественности. В 20–40-е годы XIX в. в Дунайских княжествах появились переводы французских учебников и научных трудов. Например, Элиад в 1832 г. перевел арифметику Франкэра, а Г. Плейшоану – грамматику Фурнье¹. Такие издания были необходимы в связи с расширением системы образования. Их появление диктовалось потребностями производства в условиях развития капиталистического уклада в рассматриваемый период.

В Валахии и Молдове существовало очень уважительное отношение к французской культуре среди просвещенных слоев населения. В обоих княжествах имелись пансионы, где дети из состоятельных семейств могли получить образование на французском языке. Наиболее убежденные франкофилы ходатайствовали перед правительствами Дунайских княжеств о переводе всего обучения в высших школах Бухареста и Ясс на французский язык. Но образование на французском языке получали не только в действующих пансионах. Часто боярских детей отправляли учиться за границу, в том числе и во Францию. Уже в 1828 г. в Париже обучалось более 20 студентов из Валахии, происходивших из знатных семейств Бибеску, Влэдойану, Ленш, Филипеску².

Кроме них, за счет государства на обучение во Францию направлялись наиболее проявившие себя в учебе выпускники первых национальных школ. Так, например, после смерти способного математика И. Пандели во Францию направляется П. Познару³. В 1931 г. из 20 семей, практикующих в Валахии, 7 врачей имели парижские медицинские дипломы⁴.

В Париже образуется довольно значительная колония румынских студентов, которым в дальнейшем была уготована большая роль в общественной и политической жизни родины. Многие воспитанники французских учебных заведений, восприняв идеи Великой французской революции, являлись проводниками либеральных и радикальных взглядов. Воздействие французской культуры на мировоззрение и вкусы поколений являлось важным моментом в формировании общественного мнения. «Сестра наша великая стояла у истоков всех наших больших свершений политики», «Париж зажег огонь румынской национальности в своих школах, объединил и оказал поддержку. Влияние французское у нас в крови» – так думали многие представители интеллигенции в Молдове и Валахии.

Благодаря содействию французского правительства в рассматриваемый период в Дунайских княжествах были открыты семь французских школ, в которых неимущая молодежь получала средства на образование из кассы французского консула. В 1829 г. и в Молдове, и в Валахии появились газеты «Курьерул Ромынеск» («Румынский курьер») и «Албина Ромыняскэ» («Румынская пчела»). Издавали их известные просветители И. Элиаде-Рэдулеску и Г. Асаки. Газеты приобрели важную роль в процессе социальных и политических преобразований. Они выходили на двух языках – румынском и французском. На их страницах часто можно было встретить статьи и замет-

ки, посвященные различным событиям общественно-политической жизни Франции.

Французские дипломаты оказывали газетам в случае необходимости не только моральную, но и материальную поддержку. Появление первых румынских газет не могло не вызвать восторга в среде тех, кто за это давно боролся и тех, кто об этом давно мечтал. Валашские студенты, обучавшиеся в Париже, даже направили в Бухарест специальное письмо, в котором писали: «... Небесполезным будет вам описать всю радость, испытанную нами при выходе первой газеты, напечатанной у нас на родине ... И как бы то ни было, каждый настоящий румын должен вам быть признателен за ваше доброе начало»⁶.

Важное значение для развития культурных связей имели переводы на румынский язык лучших французских литературных произведений. Работа переводчиков была сложна и «равноценна работе писателя, ибо для переводчика она состояла в борьбе со словом и зачастую, как остроумно замечает Л. Влага, со словом отсутствующим»⁷. Читатель в Дунайских княжествах мог познакомиться не только на французском, но и на родном языке с произведениями Вольтера, Мольера, Монтескье, Ламартина. Хорошими переводами любителей французской словесности радовали известные писатели В. Александри, К. Негруци и некоторые другие.

Под влиянием французских энциклопедистов, особенно Д. Дидро и его знаменитой «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», просветитель Г. Асаки в Молдове в 1839 г. заложил основу литературного сообщества с целью создания многотомного «Лексикона», который мыслился им «как первая книга единой румынской нации», содержащая множество сведений справочного характера, однако это начинание, к которому Асаки предполагал привлечь «собратьев из всех трех румынских княжеств», не получило официальной поддержки, поэтому свет увидел только первый том, который и явился первым румынским трудом энциклопедического характера⁸.

Асаки довольно высоко ценил из всех литературных жанров классицистскую басню с ее общечеловеческим содержанием, общефольклорной формой, лучше всего поддающуюся адаптации в национальной среде, поэтому молдавский просветитель избрал образцом для подражания творчество французского писателя Лафонтена. В 1846 г. на основе сочинений выдающихся французских мыслителей, таких как Монтескье, Вольтер, Дидро, Декарт, Паскаль, была составлена книга К. Негруци «Элементы политического права», хотя автор указывал и на то, что в книге имеются и «собственные теории» применительно к Дунайским княжествам⁹.

К. Негруци являлся горячим поборником введения конституции по типу действовавшей во Франции во времена Великой французской революции. Книга быстро завоевала популярность у читателей Валахии и Молдовы. Благодаря освоению передовой французской литературы такими писателями, как М. Когэлничану, В. Александри, А. Руссо, в их художественных произведениях происходит процесс усиления реалистических тенденций и демократизма.

В 40-е годы XIX в. появились журналы «Архива ромыняскэ» и «Магазин историк пентру Дачия». На их страницах не раз выступали М. Когэлничану, В. Александри, А. Руссо, К. Негруци, И. Элиаде-Рэдулеску, Д. Скавински против перегибов, особенно в Валахии, где латинизаторы пытались изгнать из родного языка давно и прочно вошедшие в его строй славянизмы, начали «борьбу» с кириллицей под тем предлогом, что латинский язык следует излагать на латинском же алфавите. У трезвомыслящих писателей и общественных деятелей усилия по «очищению» языка и его офранцуживанию вызывали глубокую тревогу. Ибо нередко «очистители» сами не очень-то хорошо владели французским языком, чтобы могли давать какие-либо рекомендации¹⁰.

Наряду с литературой развивается и театральное искусство. В январе 1834 г. Валашское литературное общество на свои средства организует школу вокальной музыки, декламации и литературы, в которой бесплатно преподаются музыка, румынский язык и танцы. В августе того же года ученики школы впервые дают спектакли перед публикой. Показателен тот факт, что первой была поставлена французская пьеса Вольтера «Магомет, или Фанатизм». Успех первого спектакля превзошел все ожидания¹¹.

В 1833 г. итальянец Момоло строит в Бухаресте деревянный театр, в котором с 1835 г. стали играть ученики школы вокальной музыки¹². Большое место в репертуаре занимали французские пьесы. Театры Молдовы добились еще больших успехов и в этом в первую очередь заслуга Г. Асаки. В Молдове, так же как и в Валахии, создается «Общество филармонической консерватории» (1836 г.), которое в феврале 1837 г. подготавливает первый спектакль. Впоследствии спектакли стали регулярными, и жители Молдовы могли ознакомиться как с французскими, так и с местными пьесами.

Национальным театрам пришлось выдерживать борьбу с модными французскими труппами, с одной стороны, и жесткой цензурой, кромсавшей пьесы – с другой. Особой популярностью на сцене Ясского театра пользовались произведения Мольера. В Ясском театре играли французская и румынская труппы. Среди актеров открылись подлинные таланты – Пани, Теодорини, Лукиан, Габриэла. Театр с удовольствием посещался зрителями. Велик вклад Ясского театра в пропаганду передового французского искусства в XIX в.¹³

Изобразительное искусство, как и культура Дунайских княжеств в целом, все более приобретало светский характер. Развитие мирских черт в искусстве шло в сочетании с усвоением народных традиций и художественного влияния ряда стран, в том числе и Франции. В живописи, развивавшейся ранее на основе иконописи, происходит постепенный переход к портрету и картине.

Большую роль в развитии живописи в Молдавском княжестве сыграл Г. Асаки, который был знатоком французской живописи. Его работы в форме аллегорических картин и портретов, выполненных с незаурядным мастерством, отражали быт и нравы общества того времени. Валашский художник Б. Иаковеску, увлеченный патриотическими идеями, делал зарисовки со старых французских гравюр, посвященных румынской тематике, чтобы потом их воплотить в своих лучших картинах.

Поскольку специализированных художественных заведений в Дунайских княжествах не было, нередко молодые художники направлялись для получения образования во Францию, где учились у местных маститых мастеров. Многие румынские художники поддерживали дружеские отношения с видными прогрессивными деятелями Дунайских княжеств, такими как Ч. Болик, Н. Бэлческу и др. Характерные черты изобразительного искусства находили проявление и в архитектуре, развивавшейся вместе с ростом городов.

Румынские градостроители внимательно следили за достижениями архитекторов Франции. Большую роль в развитии румыно-французских связей в сфере культуры сыграли французы Ж. Вайян, Ф. Кольсон, М. Лоренсо, Р. Перрен. Их статьи и книги, посвященные истории и культуре Дунайских княжеств, знакомили французского читателя с жизнью Молдовы и Валахии.

Особо следует отметить капитальный труд по истории Дунайских княжеств Ж. Вайяна, который долгое время жил в Валахии и был преподавателем в Бухаресте. Основное внимание французского исследователя было сосредоточено на политической, административной и финансовой деятельности, а социально-экономическим аспектам было уделено меньше внимания.

Прогрессивные французские журналисты охотно представляли страницы своих газет представителям Валахии и Молдовы, помещали материалы, в которых резко критиковались правительство и правящие классы Дунайских княжеств. Передовые деятели французского общества приветствовали стремление молдаван и валахов к свободе и независимости. Молодые валахи и молдаване поддерживали контакты с прогрессивными французскими историками Э. Кине и Ж. Мишле в Париже. Французские власти беспокоило состояние умов румынских молодых людей, которые находились у них в стране.

Очень интересовалось этим и русское правительство. И те и другие опасались революционных взглядов учащейся молодежи. В данном случае настроения французских и русских официальных кругов совпадали.

По их мнению, румынские студенты объединились для изучения конституционных принципов и по возвращении на родину «будут стремиться к распространению принципов, которыми они руководствовались во время получения образования»¹⁴. Таким образом, румыно-французские культурные связи в рассматриваемый период успешно развивались.

В данной статье лишь кратко упоминается о некоторых интересных явлениях, свидетельствующих о многогранности этих связей. Но эти явления необходимо рассматривать в более широком контексте. Дальнейшее изучение материалов может помочь осуществлению этой задачи.

¹ См.: Iorga N. Istoria Romanilor. V. VIII. București, 1938. P. 367.

² См.: Eliade P. Histoire de L' esprit public en Roumanie au dix- neuvieme siecle, t I. L'occupation turque et les premiers princes indigenes (1821–1828). Paris, 1905. P. 243.

³ См.: Ibid. P. 225.

⁴ См.: Eliade P. La Roumanie au XIXe siecle, t. II. Les trois presidents plenipotentiaries (1828–1834). Paris, 1914. P. 263–264.

⁵ См.: Breazu I. Școala Romania din Franta. Sibiu, 1930. P. 3.

⁶ См.: Eliade P. Opt. cit., t. II. P. 266.

⁷ См.: Blaga L. Gindirea romaneasca în Transilvania în secolul ai XVIII-lea. București, 1966. P. 129.

⁸ См.: Budai-Deleanu I. Scrieri lingvistice. Cluj, 1970. P. 163.

⁹ См.: Булгару М. Д. Московский университет и развитие общественно-политической мысли в Молдавии в первой половине XIX века // Вестник МГУ. Философия. 1980. № 1. С. 47.

¹⁰ См.: Istoria gindirii sociale și filosofice în Romania. București, 1964.

¹¹ См.: Cornea P., Pacurariu D. Curs de istoria literaturii romine. București, 1963. P. 186.

¹² См.: Filitti I. Principatele romane de la 1828 la 1834. Ocupatia ruseasca și Reguelamentul organic. București, 1934. P. 36.

¹³ См.: Massoff I. Teatrul Rominesc, V. I. București, 1961.

¹⁴ См.: АВПРФ. Консульство в Бухаресте. 1846. Д. 766. Л. 22–23 об.

И.И. ЯНУШЕВИЧ

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕРКВИ И РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ 1922–1927 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ БЕЛАРУСИ)

Лето 1922 г. знаменовало начало нового, более толерантного, но по сути имеющего прежнюю цель – полное уничтожение религии и церкви – этапа государственно-церковных взаимоотношений. Политическое руководство СССР, проведя в первой половине 1922 г. практически полное ограбление храмов, уничтожив подавляющее большинство священнослужителей и прихожан, оказавших открытое сопротивление изъятиям церковных ценностей, перешло к установлению тотальной регламентации церковной жизни и более жесткому контролю над духовенством и религиозными общинами. Единично управляющая государством партия стремилась максимально ограничить деятельность всех общественных союзов, объединений, не связанных с укреплением существующего режима. Не имелось никаких законодательных регламентаций их деятельности, что в условиях тяжелой внутрен-

ней и внешней обстановки вело к усилению небольшевистских "нэпмановских" сил. Наступление на своих идеологических врагов Кремль начал с введения ограничений на всякого рода съезды, собрания, конференции.

3 августа 1922 г. ВЦИК издает декрет "О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними". В Декрете регламентировались практически все аспекты деятельности общественных организаций. Безапелляционностью выделялся 6-й пункт декрета "О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов ...", в котором говорится: "В утверждении может быть отказано, если утверждаемое общество или союз по своим целям или методам деятельности противоречит Конституции РСФСР и ее законам"¹. Общий надзор и решение спорных вопросов возлагались на НКВД, постановления которого были обязательны к исполнению без подтверждения ЦИК Белоруссии.

Существование любой организации, как известно, требует определенных средств для ее функционирования. Так называемые членские взносы в религиозных общинах не должны были носить регулярный характер. Мог производиться разовый сбор средств для определенных целей – на отопление, охрану, поддержание чистоты и т. д. Религиозная община могла открывать счета в банках, занося средства на имя отдельных граждан, т. к. церковь и ее организации декретом "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" были лишены прав юридического лица. Существенно сократить доходы религиозных общин должно было запрещение всяческих принудительных сборов на храмы. Лицам, уличенным в подобном деянии, согласно ЦК РСФСР грозили привлечением к принудительным работам сроком от 6 месяцев до 2 лет.

Целью развернувшейся кампании было установление контроля властей за оппозиционными силами и максимальное сокращение численности их организаций, в частности религиозных общин. ВЦИК и СНК в Постановлении от 3 августа 1922 г. требовали регистрации в двухнедельный срок со времени опубликования Декрета в прессе: "Общества и союзы, не зарегистрированные в указанный срок, подлежали ликвидации"². Что касается религиозных общин, то этот срок был невыполнимым. Если в городе религиозным общинам представлялось возможным выполнить все требования по регистрации, то в сельской местности в условиях разбросанности большинства церквей, удаленности их от райцентров уложиться в такие сроки было весьма проблематично. Не последнее место, по словам одного из главнейших антирелигиозников страны Ем. Ярославского, занимал и вопрос денежного вознаграждения, когда за сохранение икон, крестов, иной церковной утвари, скорейшую регистрацию комиссары получали немалые взятки.

В январе–феврале 1923 г. в СНК Белоруссии поступали многочисленные жалобы от выборных приходов о нежелании ликвидационного отдела НКЮ регистрировать их общину. И главной причиной их опоздания с подготовкой документов указывалось отсутствие информации о решении ВЦИК от 10 августа 1922 г. Специального постановления СНК Белоруссии о продолжении приема документов от приходов не было. На межведомственном уровне было принято решение о продлении срока регистрации. Согласно Декрету ВЦИК от 10 августа 1922 г. для регистрации религиозной общины необходимо было составить опись имущества и заключить договор об аренде здания, а также предоставить устав, списки верующих, членов приходского совета и т. д. Опись имущества храма производили представители Центральной Комиссии по отделению церкви от государства. Договор заключался между выборной пятеркой членов приходского совета и ликвидационным отделом НКЮ ССРБ, чаще всего в лице помощника прокурора⁴.

Договор включал три основных направления – экономическое, политическое и пути ликвидации общины. Члены пятерки обязывались беречь пере-

данное им "народное достояние" и пользоваться им исключительно соответственно его прямому назначению. За пропажу или порчу взятого у государства имущества в случае доказанности органами НКВД хищения выборные приходы несли уголовную ответственность. Если же подобное происходило без злого умысла, то необходимо было просто возместить нанесенный ущерб. Пятерки также обязывались из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храмов и находящихся в них предметов, по ремонту, отоплению, оплате долгов и т. п. По постановлению НКВД, НКФ и НКЮ БССР от 17 марта 1924 г. № 38 "О получении возмещения убытков за сгоревшие храмы с принадлежащим им имуществом религиозных культов" все религиозные здания подлежали обязательному страхованию за счет верующих. В то же время постановление разъясняло, что верующие могут заявить о своих правах на получение страховых сумм, так как вносят страховые премии, но указанные страховые суммы ни в коем случае не подлежат выдаче группам верующих, ибо они не являются владельцами, а получают имущество здания во временное пользование, владельцем указанного имущества является государство"⁵. Данные мероприятия были направлены не только на дополнительный сбор средств для казны и постепенную самоликвидацию религиозных зданий, но и против возможности возведения новых. А так как верующие теряли и страховые взносы, и страховые премии, то сбор необходимых для строительства средств был весьма проблематичным.

Следующий стратегический момент договора был отражен в уставе православных религиозных общин: "Так как Церковь Христова аполитична, никакое вмешательство в политические дела или политическую пропаганду недопустимо ни со стороны приходских советов, ни со стороны служителей культа"⁶. На членов пятерки возлагалась обязанность принимать все меры к тому, чтобы в богослужебном помещении ни в коем случае не происходили "политические собрания враждебного типа", "раздачи или продажи книг, брошюр, посланий, направленных против Советской власти или ее отдельных представителей". За нарушение этих требований община немедленно ликвидировалась, виновные привлекались к строгой "революционной ответственности"

Между тем со второй половины 1922 г. во многих случаях власти проводили закрытие храмов без всяких предварительных переговоров с верующими, основываясь на решениях партячеек, собраний рабочих, чаще всего иного вероисповедания. Закрытие домовых церквей по стране в целом началось еще с 1919 г. Закрывались небольшие церкви в местах лишения свободы, больницах, богадельнях и т. д. В Белоруссии этот процесс активизировался после постановления АПО ЦБ КП(б)Б 10 октября 1922 г., в котором указывалось: "Считать необходимым закрыть домовые церкви", которые в связи с ликвидацией многих храмов превращались в большие приходы"⁸. Причиной для закрытия церквей в период осень – зима 1922–1923 гг. часто становилось их нахождение в одном здании с каким-либо государственным учреждением и тем более учебным. Подобные молитвенные помещения передавались в ведение советских учреждений. Так поступили и с церковью Вознесения на улице Широкой в Минске, помещение которой было отдано медфаку БГУ в феврале 1923 г.

Вялотекущее противостояние властей и церкви было прекращено 20 февраля 1923 г. постановлением Центральной Комиссии по отделению церкви от государства и школ от церкви: "Прекратить с сегодня заключение договоров с общинами. Все здания, храмы, не имеющие договоров об аренде, должны быть опечатаны". Такое решение было принято по указу из Москвы в момент особенно сильного обострения взаимоотношений между ГПУ – НКВД и руководством РПЦ с целью давления на находящегося под

стражей на Лубянке патриарха Тихона. Однако такие репрессивные методы исполнительной власти наряду с широким проведением антирелигиозной пропаганды приводили к множеству конфликтов с верующими. Местные власти, стараясь избежать недоделок, начали практически повсеместное закрытие домов культов.

Дальнейшая эскалация взаимоотношений могла привести к серьезному конфликту власти с верующими. ЦБ КП(б)Б с целью прекращения самостоятельности на местах вынуждено было 21 мая 1923 г. направить укомам письма с требованием: "При намерении начать антирелигиозную кампанию по изъятию домов культов предварительно запросить согласие ЦБ"¹⁰. Так как закрытие храмов в этот период проходило чаще всего на основании "требования рабочих масс" либо из-за недостатка помещений для "культурно-просветительской работы", то наибольшее негодование населения вызвали простой зданий опечатанными без использования или же отдача их в аренду предпринимателям-иноверцам.

Во второй половине 1923 г. отчетливо проявились противоречия в руководстве антицерковной политикой между различными ведомствами. И в ЦК РКП(б), и в ОГПУ, и в НКВД, и в НКЮ имелись свои, во многом отличающиеся друг от друга, рецепты. V (до 1922 VIII) отдел НКЮ, который должен был регулировать все административно-хозяйственные взаимоотношения государства и церкви, постепенно утрачивал возможность влиять на проведение церковной политики на местах. Его функции переходили к органам НКВД. 30 апреля 1924 г. постановлением ЦИК и СНК БССР из компетенции Наркомюста функции отдела культов передавались в ведение НКВД. В частности, им вменялось в обязанность "общее наблюдение за правильным применением декретов об отделении церкви от государства, регистрация религиозных общин и заключение с ними договоров об отдаче им в пользование молитвенных домов, разработка материалов и данных всех ведомств, имеющих отношение к культам и религиозным объединениям всех направлений"¹¹. На всесоюзном уровне такие изменения произошли в августе 1924 г. V отдел НКЮ упразднился. Всю дальнейшую политику в области религии и церкви определяли и проводили ВЦИК, НКВД и ОГПУ. ВЦИК и созданный при его председателе Секретариат по делам культов, разрабатывавший и принимавший законодательные акты, инструкции и циркуляры, выносили окончательные решения по вопросам регистрации религиозных обществ и групп, закрытию и дальнейшему использованию молитвенных зданий и культового имущества. Большое значение управлению церковной политикой придавал ЦК КП(б)Б. АПО ЦК КП(б)Б, считая проблему стратегической, стремилось взять ее под свой единоличный контроль.

Особо жестко ЦК КП(б)Б ставил вопрос о перегибах в отношении церкви осенью 1924 г. Неурожай 1923–1924 гг. приводил к массовому недовольству населения, в том числе и антирелигиозной политикой властей. Секретарь ЦК РКП(б) В. Молотов в письме в парторганизации 5 сентября 1924 г. указывал, что "меры административного воздействия могут дать лишь резко отрицательный результат. Необходим решительный отказ от таких административных мер, как огульное закрытие церквей, преследование Крестных ходов и т. д."¹² Учитывая сложившуюся неблагоприятную обстановку в сельском хозяйстве Белоруссии, указания Москвы исполнялись практически безоговорочно. В период с осени 1924 г. до первой половины 1925 г. храмы почти не закрывались. В то же время отсутствие единого центра управления вопросами религии и церкви в союзном и в республиканском масштабах приводило к несогласованности действий различных ведомств. Местные профсоюзы, идя по пути антирелигиозной атаки, иногда проводили ее в уродливых формах, принимая постановления об исключении граждан из своих рядов по причине происхождения из духовного сословия или о заме-

не обычных дней отдыха другими. ЦК КП(б)Б в декабре 1924 г. вынужден был отменить планируемую Наркоматом труда и руководством профсоюзов замену с начала 1925 г. шести религиозных праздников революционными и счел необходимым временно остановить старый порядок праздников.

1925–1927 гг. внешне выглядели как годы затишья на антирелигиозном фронте, шла позиционная борьба. Но именно в этот период заметно усиливается тенденция сосредоточения всех мероприятий, связанных с практическим осуществлением церковной политики, в руках ОГПУ и НКВД. В середине 20-х годов происходит сначала едва заметная переориентация в области регулирования жизнедеятельности религиозных организаций в обществе "строящегося социализма" на меры административно-командные, направленные на максимально возможное ограничение их деятельности и полное вытеснение на периферию общественной жизни, изоляцию от основной массы трудящихся и замыкание рамками отправления богослужений, обрядов и церемоний.

Большевики в своей градации общества относили церковников к самой низкой категории, что нашло свое отражение в главном Законе Советской власти – Конституции 1918 г. В 65-й статье священники объявлялись "слугами буржуазии". Как лица, занимающиеся непроизводительным трудом, они не могли пользоваться полными гражданскими правами¹³. Священники, так же как и другие "классовые враги", полностью лишались возможности принимать участие в управлении страной: "Духовенство не избирает и не может быть избрано в Советы", – гласила все та же 65-я статья Конституции. Священники лишались возможности оказывать какое-либо минимальное воздействие на политическую жизнь страны под угрозой "высшей меры революционной законности" либо других жестоких санкций. С первых дней установления большевистской власти православное духовенство было привлечено к принудительной трудовой повинности. ВЦИК своим постановлением от 8 апреля 1920 г. внес уточнение, которое было издевательством и насмешкой не только над самими священниками, но и над всеми верующими: "Если выполнение трудовой повинности и церковного богослужения совпадало, то богослужение необходимо было перенести"¹⁴.

Духовенство подвергалось всевозможным ущемлениям семейно-бытового характера: их дети не могли получить образование выше начального, за обучение вынуждены были платить непомерно высокий налог, большие препятствия возникали при решении квартирных вопросов. И декрет "Об отделении церкви от государства и школы от церкви", и инструкция о проведении его в жизнь полностью лишали церковь всех построек, зданий монастырей, общежитий монахов и монашек и т. д. Постановлением ВЦИК от 3 января 1919 г. все культовые сооружения передавались в ведение местного совдепа и его жилотдела, который сдавал их в пользование на общем основании. Расплывчатая формулировка "на общем основании" давала местным властям поле для широкой самодеятельности. Священнослужители как "нетрудовой элемент" наделялись жилплощадью в последнюю очередь. Оплату за проживание жилотдел снимал с них по высшему тарифу. К 1927 г. церковное имущество после многочисленных чисток и изъятий не представляло никакой ценности.

Если в 1925–1926 гг. исполкомы после проверок и разбирательств со старым приходским советом разрешали регистрацию религиозной общины с их новыми руководителями, то с лета 1927 г. под различными благовидными предлогами сроки растягивались на неопределенное время. Власти боялись открытой конфронтации с верующими. В то же время существующие церковно-приходские общины владели жалкое материальное положение. Особенно обострилась ситуация в конце 1926–1927 гг., когда по стране в целом пошло массовое изъятие средств через принудительные займы,

всякого рода страховки, налоги и т. д. Неуплата положенных сумм или отказ от подписки на займ частному лицу грозили жесткими репрессивными санкциями властей, церковному приходу – ликвидацией. В 1927 г. Госстрахом был резко увеличен страховой взнос, особенно богослужебных зданий, которые облагались дополнительными налогами. Увеличивалась рента земли, налог с ремонта, с содержания имущества, с продаж предметов культа, возрастало число косвенных налогов. Размер налогообложения не должен был превышать 0,5 % от рыночной стоимости богослужебного здания, причем оценивались только голые стены без украшений и художественной росписи. Реально за храмы платили примерно вместо положенных 2 р. 30 к. по 32 р., что чрезвычайно усложняло ремонт храмов, большинство из которых последние 10–12 лет не реставрировались. Однако они не закрывались. Верующие, собственными силами производя ремонтные работы, а порой даже строя новые богослужебные здания, препятствовали их закрытию. В результате число религиозных общин в 1926–1928 гг. не только не уменьшалось, а возрастало примерно на 10 % в год.

Сложившееся положение не устраивало большевиков. Однако ужесточить административные меры в 1927 г. они еще не могли, так как действиям властей препятствовало усилившееся за годы НЭПа крестьянство. В деревнях распространялись антиправительственные листовки: "Семь лет они (большевики) у нас уже господствуют. Сколько братьев и сынов наших пошло на тот свет. Сколько уничтожено добра, сожжено строений, забрано ваших коров и лошадей"¹⁵. Справедливое возмущение народа вызывала принудительная продажа хлеба государству по очень низким фиксированным ценам. Грабеж крестьянства привел к сокращению поступления сельхозпродуктов на рынок, что способствовало росту цен и спекуляции. БССР как регион, потребляющий хлеб, оказалась в особо трудном положении: хлеба в республике в 1927 г. было заготовлено только 25 % от необходимого количества, что вызывало недовольство горожан. Наряду с распространением слухов о введении карточной системы постоянно возрастало число безработных, увеличивалось недоверие к большевикам. Население искало спасение в религии. С одной стороны, в таких условиях резкие административные меры в отношении религиозных общин могли только усугублять сложившуюся ситуацию, с другой – укрепление церковных организаций представлялось большевикам как реальная угроза их режиму. Высшее церковное управление, клир, церковно-приходские советы приспособились выживать даже в тех экстремальных условиях, которые создала Советская власть за десятилетие своего существования. В руководстве ЦК РКП(б), ВЦИКа, СНК не было единства в определении путей дальнейшего развития народного хозяйства, общественно-политического строя. Возникали разногласия и по религиозному вопросу. Оппоненты Сталина предлагали ослабить давление на церковные организации и, не прибегая к жесткой конфронтации с верующими, ослабить внутривластную обстановку. Вождь и его сторонники заявляли, что победы можно достичь только благодаря максимально возможному административному ограничению деятельности церковно-приходских советов, увеличению налогового бремени, штрафных санкций.

¹ Гидулянов В. П. Церковь и государство по законодательству РСФСР: Сб. Указаний и Распоряжений с разъяснениями VIII Отдела НКЮ / Под ред. П.А. Красикова. М.: Типография ГПУ, 1923. С. 26.

² Там же. С. 25.

³ См.: Алексеев В. А. Штурм небес отменяется? М., 1922. С. 25.

⁴ См.: ГА Минской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 38. Л. 70.

⁵ Собрание Указаний БССР за 1924. № 4. Ст. 51.

⁶ ГА Минской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 11 об.

⁸ НА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 478. Л. 107.

⁹ ГА Минской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 32.

¹⁰ НА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 639. Л. 40.

¹¹ Там же. Оп. 21. Д. 42. Л. 88.

¹² Там же. Д. 5. Л. 92.

¹³ См.: Советские Конституции: Справ. М., 1963. С. 13.

¹⁴ Гидулянов В. П. Указ. пр. С. 29.

¹⁵ НА РБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 42. Л. 88.

А.Б. БАГДАНОВІЧ

ТЭНДЭНЦЫІ ЭТНАКУЛЬТУРНАГА РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСАУ У СЯРЭДНЕВЯКОУІ

Адным з найбольш важных, а часам і вызначальных кампанентаў этнічнай самасвядомасці таго ці іншага народа ў сярэднявекі была рэлігійная прыналежнасць. Значную ролю ў культурным развіцці усходнеславянскіх плямён з канца X ст. адыгрывала менавіта пануючая рэлігія – хрысціянства. Пераход у новую веру быў звязаны са зменай культурных традыцый, разглядаўся ў пэўнай ступені і як змена этнічнай прыналежнасці, што ў сваю чаргу выклікала трансфармацыю светапогляду ў цэлым. Менавіта ў той час закладваліся асновы сучаснай беларускай ментальнасці.

У перыяд да Хрышчэння Русі ў 988 г. у кожнага з плямён існавалі значныя адрозненні ў звычаях і традыцыях. Паганскія вераванні плямён таксама былі вельмі разнастайнымі. Першым крокам да уніфікацыі рэлігіі усходніх славян была спроба вялікага князя кіеўскага Уладзіміра Святаслава стварыць адзіны пантэон паганскіх багоў. Аднак сапраўдны пералом наступіў толькі з хрысціянізацыяй Русі. Гэта падзея, безумоўна, стала адной з важнейшых у працэсе развіцця этнічнай самасвядомасці ва усходніх славян. Хрысціянства сцвярджала адзіныя нормы паводзін, садзейнічала развіццю літаратурнай мовы на усёй тэрыторыі Русі.

Прыняцце хрысціянства, распаўсюджванне пісьменнасці і фарміраванне агульнай літаратурнай мовы спрыялі пэўнай кансалідацыі усходнеславянскага насельніцтва ў сацыяльна-палітычную і культурную супольнасць.

На думку А.А. Шахматава, Ю.У. Брамлея, Б.А. Рыбакова, Д.С. Ліхачова, а таксама шэрага сучасных беларускіх вучоных¹, гэты перыяд характарызуецца фарміраваннем старажытнарускай, ці усходнеславянскай, народнасці. Існуе і іншы пункт гледжання, адпаведна якому ўжо тады этнічная дыферэнцыяцыя зайшла так даўка, што казаць аб фарміраванні агульнай народнасці не даводзіцца².

Сярод назваў плямён, якія насялялі тэрыторыю Беларусі, вылучаюцца лакальна-геаграфічныя найменні: крывічы, радзімічы, дрыгавічы. Менавіта яны узгадваюцца ў "Повести временных лет". На гэтым этапе лакальныя формы этнічнай самасвядомасці спалучаліся з фарміраваннем больш шырокіх уяўленняў аб этнічнай прасторы. Старыя родаплемянныя назвы паступова пераставалі выкарыстоўвацца, хаця ў летапісах і узгадваліся аб такіх этнасацыяльных супольнасцях, як дрыгавічы, крывічы, радзімічы, напрыклад, пад 1149, 1162, 1169 гг.

Аднак фарміраванне этнарэлігійнай супольнасці новага узроўню праходзіла няпроста. Ва умовах феадальнай сістэмы ў XII – сярэдзіне XIII ст. пад уплывам пэўных знешніх і унутраных фактараў працэс этнічнага развіцця усходнеславянскага насельніцтва ў новых дзяржаўных утварэннях набывае свае адметныя рысы. З другой паловы XIII ст. стала узмацняцца тэндэнцыя да сацыяльна-эканамічнай, палітычнай кансалідацыі беларускіх і літоўскіх зямель, якая скончылася ўтварэннем новай поліэтнічнай дзяржавы – Вялікага княства Літоўскага. Уваходжанне Беларусі ў склад ВКЛ значна паскорыла тэмпы фарміравання беларускай народнасці. У XIV–XVI ст. вызначаюцца яе адметныя рысы: моўныя, культурныя, рэлігійныя, географічныя, дзяржаўна-палітычныя, сацыяльна-эканамічныя.

Большая частка насельніцтва Беларусі да сярэдзіны XVI ст. заставалася праваслаўнай, а праваслаўныя епархіі уваходзілі у склад кіеускай мітраполіі. Праваслаўных цэркваў мітраполіі (яна ахоплівала землі Беларусі, Украіны, часткова Літвы і Польшчы) у XVI ст. налічвалася некалькі тысяч. Афіцыйна мітрапаліта зацвярджаў канстанцінопальскі патрыярх. Але фактычна выбар заходнерускіх мітрапалітаў вызначалі вялікія князі літоўскія, якія разлічвалі на іх палітычную лаяльнасць. Пры гэтым часта ўлічвалася меркаванне членаў Рады паноў.

Развіццё этнасу разам з рэлігійнымі і палітычнымі фактарамі вызначаюць і сацыяльна-эканамічныя умовы. Важную ролю у наладжванні грамадскага жыцця і кансалідацыі беларускага этнасу адыгралі гарады, многія з якіх у XV–XVI ст. здабылі Магдэбургскае права. Узростанне эканамічнага значэння гарадоў спрыяла расшырэнню іх адміністрацыйных функцый. Яны ператвараліся ў важныя цэнтры асветы і культуры. У буйных гарадах Беларусі атрымалі шырокае распаўсюджванне дробнатаварная вытворчасць, рамяство. Рамеснікі выконвалі работу не толькі па заказу, але і прадавалі сваю прадукцыю на мясцовых, рэгіянальных, знешніх рынках.

Сярод гарадскога насельніцтва Беларусі традыцыйна былі распаўсюджаны урбанімы. У літаратурных крыніцах XVI–XVII ст. часта сустракаюцца тэрміны "мешчанін брэсцкі", "мешчанін маглёўскі"⁴. Купцы і рамеснікі найчасцей вызначаліся ў актах таго часу па месцы іх пастаяннага жыхарства альбо дзейнасці: "купец полацкі", "гарбар віцебскі"⁵. Відавочна, у вольных гараджан усведамленне сябе асобай катэгорыяй жыхароў ВКЛ дасягала пэўнага узроўню. Такім чынам, урбанімы былі таксама распаўсюджаны, як і канфесійныя. Саслоўная самасвядомасць гараджан спалучалася з іх этналагічнымі і агульнаэтнічнымі уяўленнямі.

У XVI ст. сфарміраваўся "палітычны народ" – шляхта ВКЛ, якая стаяла на пазіцыях дзяржаўнага патрыятызму і называла сябе "літвінамі", што ў дадзеным гістарычным кантэксце вызначала сацыяльна-палітычную кансалідацыю асноўнага прывілеяванага саслоўя Беларусі і Літвы незалежна ад этнічнага і рэлігійнага статуса. Этнічная самасвядомасць сялян выступала як фонавая прыкмета (супрацьпастаўленне "мы – яны"), таму самасцвярджанне беларусаў перад іншымі этнічнымі групамі і праяўлялася ў формуле "мы – тутэйшыя".

Каталіцкая царква пачала сваю актыўную дзейнасць у Вялікім княстве Літоўскім пасля Крэўскай уніі 1385 г., калі атрымала шырокія імунітэтыя правы і карысталася падтрымкай вышэйшай улады. Трэба адзначыць, што тэрыторыя Віленскага епіскапства з самага пачатку ахоплівала амаль усе землі Беларусі⁶. Каталіцкія епіскапы Літвы і Беларусі заўжды прысутнічалі ў Радзе паноў ВКЛ. Акрамя таго, каталіцкая царква атрымала значныя зямельныя ўладанні ад вялікіх князёў літоўскіх і літоўскай знаці, і ў хуткім часе яе зямельныя надзелы значна перавышалі зямельныя надзелы праваслаўнай царквы⁷. Такое становішча, безумоўна, закранала інтарэсы праваслаўнага духавенства і ускладняла унутрыпалітычныя адносіны, чым карысталіся суседзі, напрыклад палякі. Справа часам даходзіла нават да узброеных сутычак. Так, у "Хроніцы" Яна Длугаша 1389–1390 гг. адзначаецца: "Кароль польскі Уладзіслаў (Ягайла. – А.Б.), хвалючыся за лёс сваёй Бацькаўшчыны – Літвы, якая разаралася міжусобнай вайной і ўзаемным няладдзем паміж літоўцамі і рускімі", сабраў вялікае войска палякаў і "... у пачатку лютага... накіраваў яго на Бярэсце, Камянец-Літоўскі і Гародню (у гэты час гарады, падуладныя Вітауту. – А.Б.), ... з якіх на Літву часта здзяйсняліся напады"⁸. (Тут і далей – пераклад аутара.)

У той жа час праваслаўная царква фактычна была інтэгравана ў агульнапалітычную сістэму Рэчы Паспалітай і таксама атрымлівала некаторыя вялікакняжацкія прывілеі. Час ад часу выраўнялі і правы праваслаўных феа-

далау. Так, выдадзены у 1447 г. вялікім князем Казімірам Агульназемскі прывілей гарантавау праваслаўным феадалам сацыяльна-эканамічныя правы, роўныя з правамі феадалаў-католікаў. Але на практыцы праваслаўным феадалам было цяжка заняць значную дзяржаўную пасаду⁹. Трэба адзначыць пэўную царкоўна-рэлігійную талерантнасць, якая у значнай ступені была абумоўлена поліэтнічным характарам ВКЛ і даволі устойлівымі традыцыямі усходнеславянскага насельніцтва. Прынцыпы шляхецкай роўнасці незалежна ад канфесійнай прыналежнасці замацаваны ў Статуце Вялікага княства Літоўскага 1588 г. Так, у раздзеле 3, артыкуле 12 ідзе размова аб выключным праве шляхты – ураджэнцаў ВКЛ – займаць пасады земскія і дворныя, атрымоўваць маенткі, двары, землі: "Все ми и потомки наши, великие князи литовские, давати будем повинни только Литве, Руси, Жомойти, родичом старожитным и уроженцом Великого княжества Литовского и иных земель тому князству належачих"¹⁰. У артыкуле 104 чацвёртага раздзела пералічваюцца патрабаванні да прэтэндэнта на дзяржаўную пасаду: паміж іншым ён павінен быць "Уроженцем Великого княжества, оселому родичу Великого княжества, письмо, руское умеющему"¹¹.

Паступова усталёўваецца і этнічная мяжа паміж беларускімі і літоўскімі землямі. У пасланні Вітаўта цэсару Свяшчэннай Рымскай імперыі Сігізмунду, накіраваным з Брэста 11 сакавіка 1420 г., вялікі князь даказваў, што Жамойць і Аукшайцыя з'яўляюцца літоўскай зямлёй, насельніцтва гэтых зямель – адзіны народ, які мае агульныя традыцыі, адзіную мову і па сутнасці адзіную тэрыторыю, толькі адну частку называлі верхняй, а другую – ніжняй зямлёй¹².

У канцы XV – пачатку XVI ст. царкоўна-рэлігійная палітыка вышэйшай улады ВКЛ стала адной з галоўных прычын, якая абвастрала яго адносіны з Рускай дзяржавай. Рэлігійныя супярэчнасці ў Вялікім княстве Літоўскім спрабавалі выкарыстаць кіруючыя колы Маскоўскай Русі, якія спрыялі пераходу цэлага шэрага удзельных князёў у падданства вялікага князя маскоўскага. У заходнееўрапейскіх і мясцовых крыніцах тэрміны "рускі народ", "Русь" працягвалі часам выкарыстоўвацца ў шырокім кантэксце, нягледзячы на паступовае зацвярджэнне больш вузкага этнапалітычнага паняцця "маскавіты". Напрыклад, вядомы беларускі асветнік і друкар Ф. Скарына працаваў "... для таго, абы братия моя русь, люди посполитые чтучи могли лепей разумети"¹³. Дзейнасць Ф. Скарыны, які пакінуў нам 22 прадмовы і 25 сказанняў да выданных ім на працягу 1517–1522 гг. царкоўных кніг, тры вершы, два гімны, пасхалію да "Малой падарожнай кніжыцы"¹⁴, спрыяла і развіццю этнічнай самасвядомасці беларусаў. Ён пісаў: "Понеже от прирождения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя, птицы, летающие по въздуху, ведають гнезда своя; рыбы, пливающие по морю и в реках, чуютъ виры своя; пчелы и тым подобная боронятъ ульев своих, – тако ж и люди, игде зродился и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають"¹⁵.

У першай палове XVII ст. умацняецца тэндэнцыя да выцяснення беларускай мовы з грамадскага і дзяржаўнага жыцця, што ў значнай ступені было абумоўлена працэсамі развіцця новага дзяржаўнага утварэння – Рэчы Паспалітай – і умацаваннем пазіцый каталіцкай царквы ў Кароне і Вялікім княстве Літоўскім. Не магла не адбіцца на стане этнічнай самасвядомасці беларусаў і Брэсцкая царкоўная унія 1596 г. У выніку частка насельніцтва, якая прыняла каталіцтва, стала называць сябе "палякамі", праваслаўныя, як і значная частка пераведзенага ў унію гарадскога і сельскага насельніцтва, працягвалі ідэнтыфікаваць сябе як "рускія", захоўваючы этнагістарычную традыцыю. Спецыфіка Беларусі заключаецца ў тым, што на фарміраванне этнічнай самасвядомасці і этнасу ў цэлым моцна паўплывалі унутрыпалітычныя і этнарэлігійныя фактары.

- ¹ Гл.: Этнаграфія беларусаў: Гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя / В. К. Бандарчык, І. У. Чаквін, І. Г. Углік і інш. Мн., 1985. С. 5; Чаквін І. У. Беларусы // Этнаграфія Беларусі: Энцыкл. Мн., 1989. С. 60; Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Мн., 1991. С. 65–70; Загарульскі Э. М. Заходняя Русь: IX–XIII ст.: Вучэб. дапам. Мн., 1998. С. 218–219; Штыхаў Г. В. Кіеўская Русь // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. Мн., 1999. Т. 8. С. 254.
- ² Гл.: Урбан П. У сьвятле гістарычных фактаў. (У сувязі з брашурай Абэцэдарскага Л. С.) Мюнхен: Нью-Йорк. 1972. С. 13–14; Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. Мн., 1990. С. 56; Запруднік Я. Беларусь на гістарычных скрываўнях. Мн., 1996. С. 22.
- ³ Гл.: Повесть временных лет: В 2 ч. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод. С. 206–207.
- ⁴ НГАБ. Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 254. Л. 238. Об. 239.
- ⁵ Там жа. Д. 247. Л. 802.
- ⁶ Гл.: Галенчанка Г. Я. Духавенства // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарый / БелСЭ. Мн., 1989. С. 482.
- ⁷ Гл.: Ochmański J. Biskupstwo wileńskie w średniowieczu. Poznań, 1990. S. 80.
- ⁸ Długosz J. Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego=Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Warszawa, 1981. Ks. 10: 1370–1405. S. 255.
- ⁹ Гл.: Kosman M. Historia Białorusi. Wrocław; Krakow; Gdańsk, 1979. S. 76.
- ¹⁰ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарый / БелСЭ. Мн., 1989. С. 118.
- ¹¹ Там жа. С. 215.
- ¹² Гл.: Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae: 1376–1430 / Conectus opera A. Prochaska. Cracoviae, 1882. S. 467.
- ¹³ Скарына Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія. Мн., 1990. С. 37.
- ¹⁴ Гл.: Коршунаў А. Ф. Творчая спадчына Францыска Скарыны // Скарына Ф. Указ. тв. С. 7.
- ¹⁵ Скарына Ф. Указ. тв. С. 45.

В.В. БЕСПРОЗВАННЫИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ В ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА НА ВОЕННОЙ КАФЕДРЕ БГУ

Основным содержанием деятельности профессорско-преподавательского состава военной кафедры Белорусского государственного университета при подготовке офицеров запаса из числа студенческой молодежи является военно-патриотическая работа, которая имеет глубокие традиции.

Приказом Реввоенсовета СССР № 670 от 4 ноября 1926 г. введена в действие "Инструкция о порядке прохождения учащимися высших учебных заведений высшей допризывной военной подготовки и отбывания ими по окончании ВУЗа действительной военной службы", на основании которой была образована военная кафедра Белгосуниверситета. Приказ был подписан заместителем наркома по военным и морским делам, председателем РВС СССР И. С. Уншлихтом.

Инструкция состояла из 2 частей:

1. О прохождении высшей допризывной военной подготовки;
2. О прохождении действительной военной службы лицами, успешно прошедшими допризывную военную подготовку.

Положения первой части определяли задачи допризывной военной подготовки, предварительную подготовку учащихся высших учебных заведений для замещения должностей начального состава запаса Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА); военно-промышленных предприятий – квалифицированными рабочими. Допризывная военная подготовка включала теорию военного дела, изучаемую в зимний период в течение 4 учебных курсов и 2-месячную летнюю практику, проводимую в период специальных лагерных сборов. Высшую допризывную военную подготовку обязаны были пройти все учащиеся, включая лиц женского пола¹.

В процессе теоретической подготовки, рассчитанной на 180 ч, изучались тактика, материальная часть оружия и ряд специальных предметов в зави-

симости от профиля высшего учебного заведения. Начиная с 1936 г. основной формой работы со студентами стали практические занятия в кабинетах, тире и в поле. Нештатным преподавателем на военной кафедре университета в 1926–1931 гг. был Г.К. Жуков, служивший в то время в Белорусском военном округе. В 1940 г. на кафедре велась подготовка офицеров запаса по артиллерии и пехоте, а также готовились медицинские сестры запаса. В 1941 г. занятия по военной подготовке в университете были прерваны до 1943 г.

В послевоенные годы военная кафедра БГУ продолжала готовить офицеров запаса из числа студентов по необходимым военно-учетным специальностям. В 1986 г. на ее базе проходили показательные занятия начальников военных кафедр высших учебных заведений Советского Союза.

С 1955 по 1960 г. военную кафедру БГУ возглавлял Герой Советского Союза генерал-майор А.В. Кирсанов. В настоящее время военная кафедра университета, которой руководит полковник В.С. Трофимычев, готовит офицеров запаса по 13 специальностям. Заместителями начальника кафедры являются полковники А.Р. Шкуров и А.Д. Миронов. Учебные циклы кафедры сегодня возглавляют полковники С.Л. Федотков, Н.Г. Лазарев, В.В. Талерёнок, А.В. Лашук.

Методы и формы обучения на военной кафедре должны быть максимально приближены к условиям подготовки слушателей Военной академии Республики Беларусь. Однако следует учесть, что обучение и воспитание студентов на военных кафедрах проводится на базе знаний и навыков, полученных на гражданских кафедрах, и существенно различается от условий подготовки войск и слушателей военного вуза. Студенты, в отличие от военнослужащих, не живут по армейскому распорядку, а приходят на кафедру раз в неделю, на 8–9 ч, и поэтому их обучение и воспитание проводится без тесного контакта с войсками. До минимума ограничено и количество полевых занятий. За два года учебы студенты только один месяц находятся в условиях армейской жизни при прохождении стажировки в войсках.

Основными задачами военной кафедры являются: разработка частной методики военно-патриотического воспитания на различного вида занятиях; определение их воспитательных целей и организация обмена опытом военно-патриотической работы во внеучебное время, проведение экскурсий в музеи и воинские части, выпуск фото- и стенных газет, проведение бесед и информационных и др. Гибкость и оперативность мероприятий позволяют расширить диапазон эффективности военно-патриотической работы, придать ей конструктивную направленность.

Знания исторических фактов не просто аккумулируются личностью, но также обобщаются в определенную осознанную теорию, т. е. через историческое образование можно формировать соответствующие представления об окружающих проблемах развития общества на разных его этапах и роли граждан-патриотов в их решении. Сложившаяся в Вооруженных Силах система гуманитарного и воинского воспитания обеспечивает формирование необходимых морально-психологических и боевых качеств. Познакомиться с армейской жизнью в 1999/2000 учебном году пожелали 503 студента четырнадцати факультетов университета. Из них 104 проходят подготовку офицеров-артиллеристов, 78 – войск ПВО, 20 – химических войск, 201 – мотострелковых войск. 80 парней получают в будущем специальности офицеров-психологов и воспитателей, 20 – военных юристов. С недавних пор по решению Министерства обороны на военную кафедру принимаются и женщины. Как в учебное, так и во внеучебное время приоритеты отводятся военно-патриотическому воспитанию студенческой молодежи, используются как традиционные, так и новые формы работы, способствующие формиро-

ванию у будущих офицеров дисциплинированности и исполнительности, а также необходимых морально-психологических качеств.

Постоянно отслеживается дальнейший путь наших выпускников, которые связали свою судьбу с Вооруженными Силами и другими воинскими формированиями Республики Беларусь. Ряд из них находятся на ответственных должностях: полковник С.И. Лавшук – начальник отдела военного образования Министерства обороны, полковник Г.П. Шавров – заместитель начальника штаба РВиА Вооруженных Сил, полковник А.Н. Важник – заместитель начальника Военной академии РБ, полковники В.В. Талерёнок, А.В. Лашук – выпускники географического факультета университета – начальники циклов кафедры.

Преподаватели факультетов университета, пройдя обучение на военной кафедре, с уважением относятся к людям в погонах. Среди офицеров-преподавателей, работающих на военной кафедре, награждены за свой доблестный воинский труд орденами полковники В.С. Трофимычев, А.Р. Шкуров, А.В. Лашук, подполковники В.А. Жолнеркевич, А.М. Елинский; медалями – подполковники П.П. Трухан и В.Н. Басич.

Слагаемыми успеха в деле подготовки офицеров запаса являются прежде всего славная история и богатые традиции кафедры, у истоков которой стоял ее первый начальник М.М. Петров. Образование он получил в Полтавском кадетском корпусе, затем учился в артиллерийском училище. В 1914 г. поступил в Академию генштаба, принимал участие в Первой мировой войне. В 1924 г. был назначен помощником начальника объединенной Белорусской военной школы им. ЦИКа БССР; приказом Реввоенсовета СССР № 565 в сентябре 1926 г. назначен военным руководителем БГУ по проведению военного обучения пролетарского студенчества на основе декрета Совнаркома и ЦИК СССР от 20 августа 1926 г.

В настоящее время в Белгосуниверситете создана и успешно функционирует стройная система военного патриотического образования. Многие из учебных дисциплин, в первую очередь исторического и культурологического характера, помогают решать задачи воспитания в духе патриотизма, гражданственности. При подготовке к службе в войсках акцент делается на глубокое знание военной психологии и педагогики, истории, социологии и других гуманитарных наук. Воспитание студентов на исторических традициях является одним из приоритетных направлений в деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры, одна из основных задач которого – придать этой работе динамизм, конкретность, целенаправленность и системность.

Исторические процессы, произошедшие в нашем обществе за последние 10 лет, внесли коренные изменения в содержание, методы и формы воспитательной работы. Острее встали вопросы гражданственности и любви к Родине – Республике Беларусь. Патриотическая работа в учебно-воспитательных учреждениях республики базируется на национальных истоках духовного возрождения, культурно-историческом наследии, славном прошлом нашей родины.

Правовой основой системы военно-патриотического и героико-нравственного воспитания молодежи являются Конституция Республики Беларусь, законы «О Вооруженных Силах Республики Беларусь», «О всеобщей воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащего», а также распоряжение Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по патриотическому воспитанию»². Однако существуют серьезные проблемы в деле военно-патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

Во-первых, назрела необходимость более целенаправленно разъяснять молодежи реалии внешней и внутренней политики государства, геополити-

ческого положения республики в Европе, прививать молодым людям умение самим правильно оценивать происходящие события. В пропагандистской работе возрастает значение диспутов об ответственности каждого за укрепление обороноспособности страны, поднятие престижа воинской службы. Большая роль должна отводиться допризывной подготовке, работе ветеранских и молодежных организаций, исполнительной и законодательной властей по усилению военно-патриотического воспитания молодежи.

Во-вторых, Госкомитету по делам молодежи Республики Беларусь, другим государственным учреждениям необходимо рассматривать военно-патриотическую работу как часть системы патриотического воспитания и на этой основе организовывать и проводить работу в вузах.

В-третьих, военно-патриотическое воспитание должно включать систематическую, целенаправленную работу по формированию у воинов Вооруженных Сил высокого сознания, морально-психологических, героико-нравственных качеств, необходимых для защиты Отечества.

В последнее время ученые НАН Беларуси, общественность страны приступили к активному поиску путей духовного возрождения нашего общества. Во многих вузах Республики Беларусь проблемы гражданского и патриотического воспитания студентов ставятся и решаются на должном уровне, увязаны с учебным процессом, педагогической практикой, краеведческой деятельностью. В условиях вуза военно-патриотическая работа должна иметь двуединую направленность: формировать гражданское сознание и вырабатывать у студентов навыки работы с людьми.

В феврале – марте 2000 г. автором и доцентом А.Н. Кононовым было проведено анкетирование студентов исторического, философского, экономического и юридического факультетов. На вопрос: «Ваше отношение к военной подготовке в процессе учебы на военной кафедре?» – лишь 7 % респондентов ответили отрицательно. Такие результаты социологического исследования свидетельствуют о зрелости молодого поколения. Следует отметить, что сегодня высшая школа является основным социальным институтом, который может поднять престиж воинской службы. Без единства народа и армии любая военная доктрина становится формальностью.

¹ См.: Инструкция по организации и проведению учебного процесса на военных кафедрах высших и средних специальных учебных заведений. Мн., 1998.

² См.: Распоряжение Президента Республики Беларусь № 365 от 2 декабря 1997 г. рп «О некоторых мерах по патриотическому воспитанию молодежи». Мн., 1997.

А.Н. ШУМАН

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ГЕГЕЛЯ КАК ИСЧИСЛЕНИЕ ИМЕН И КАК ОБЩИЙ МЕТОД ФИЛОСОФИИ

Отличительная особенность философии Гегеля состоит в триадической структуре каждого ее понятия. Например, понятие «семья» включает следующую триаду – «право», «моральность», «нравственность» и само в свою очередь входит в триаду – «семья», «гражданское общество», «государство». В статье предпринята попытка объяснения данной ключевой особенности на основании диалектической логики – особого формального метода построения подобных триад, разработанного самим Гегелем.

Гегелевская диалектическая логика представляет собой направление традиционной логики, а именно модификацию или расширенный вариант системы Аристотеля, ибо в ней, как и в аристотелевской силлогистике, рассматриваются исключительно отношения, удовлетворяющие аксиоме силлогизма (если все A суть B и все B суть C , то все A суть C). От данного классического варианта диалектической логики следует отличать ее марксистский вариант, в рамках которого она не является логическим учением, поскольку не имеет определенных правил вывода и вовсе не исследует логических отношений. Диалектический материализм выдает законы диалектики за законы материального бытия. Логика же Гегеля наряду с аристотелевской силлогистикой и онтологией С. Лесьневского – виднейшего представителя львовско-варшавской школы аналитической философии – может трактоваться как исчисление имен. В таком виде она обретает существенную методологическую функцию и статус как метатеории, так одновременно и логического языка для философского дискурса. Идея использовать исчисление имен в качестве логического метода для освещения философских тем принадлежит С. Лесьневскому. С этой целью им разрабатывалась онтология как исчисление, основанное на обобщенной пропозициональной логике с добавлением логической константы «есть», хронология – исчисление временных высказываний и стереология – исчисление пространственных высказываний. Подобное разветвленное исчисление имен выгодно отличается от остальных формальных методов, выполняющих роль логической теории «позитивной» философии, – скажем, от логического атомизма Рассела, теории описания состояния Карнапа и т. д. Диалектическая система, рассматриваемая в виде исчисления имен, была использована Гегелем в качестве общего философского метода.

Она получила окончательное оформление в работе Гегеля «Наука логики». Дальнейшая систематизация ее основных принципов и законов была осуществлена его последователем К. Фишером в работе «Система логики и метафизики, или Наукоучение», где была исчерпывающе изложена структура диалектической логики, а также исправлен ряд незначительных логиче-

ских ошибок, допущенных Гегелем. Будучи системой традиционной логики, диалектическая логика, с одной стороны, отличается от математической тем, что не абстрагируется от содержания посылок своих выводов, но с другой – приближается к современной неформальной логике, в которой семантика также принципиально не является фиксируемой; фиксируются только правила вывода в виде схем рассуждения. В настоящее время интерес к диалектической логике возобновляется в рамках интенциональных, паранепротиворечивых и неформальных логик.

Гегелевская диалектика начинается с утверждения, что логическая наука и есть чистая спекулятивная философия, под которой понимается осмысление и дискурсивное отображение движения от абстрактного к конкретному, от «непосредственности» к «опосредствованию», и называется диалектическим становлением, интерпретация такого становления в форме логического процесса спецификации всеобщего понятия, или дефиниции понятия единичного, есть предложенное К. Фишером существенное уточнение данной базисной категории диалектической логики и спекулятивной философии вообще. Диалектическое становление начинает истолковываться в качестве движения от всеобщего имени к имени единичному. Например, «квадрат» есть единичное имя только как результат становления, берущего начало от всеобщего имени «пространство». Спецификация же «пространства», т. е. его диалектическое развитие вплоть до понятия «квадрат», основывается на том семантическом факте, что пространство содержит в себе возможность поверхности, поверхность – возможность плоскости, та – возможность четырехугольника, четырехугольник – возможность параллелограмма и уже тот в свою очередь – возможность квадрата. Каждое последующее понятие может получить дефиницию лишь благодаря предшествующему. К примеру, «квадрат есть прямоугольный и равносторонний параллелограмм», «параллелограмм есть четырехугольник, у которого противоположные стороны параллельны» и т. д. В каждом новом определении, начиная с понятия поверхности, последующее детерминируется так, что образуется одно единственное определение, специфицирующееся с каждым шагом. Исключительно такого вида дефиниционная спецификация, которую К. Фишер называл «самовоплощением», может обозначаться словом «понятие» (в приводимом случае – это «понятие квадрата»). Другими словами, понятие есть единство своих определений, в нем всеобщее совершенно специфицировано или определено. Отсюда каждое понятие несет в себе особую диалектическую историю.

Таким образом, диалектическая логика изучает диалектическое становление в спецификации всеобщего имени или дефиниции единичного. В силу всего вышесказанного данная логика с необходимостью провозглашается логикой содержательной, поскольку исследует не суждения вообще, не только их логическую форму, но стремится учитывать содержание, разбирая суждения, имеющие вид определений. Так, если в формальной логике суждения «квадрат белый» и «квадрат есть некий параллелограмм» логически равноценны (по количеству оба суждения неопределенные, по качеству – утвердительные, по модальности – ассерторические и, наконец, категорические по отношению), то в диалектической логике первое высказывание вообще не является логическим суждением, тогда как второе им является. В связи с тем что роль метода философии должно выполнять «...осознание формы внутреннего движения философского содержания»¹, искомым методом и выступает диалектическая логика, прослеживающая становление содержания в постепенной спецификации исходных понятий или имен. Имманентное развитие понятия есть самостановление самого содержания, следовательно, знание закономерностей подобного становления обеспечивает также универсальным методом и теорию познания. К этому

единству логики, метафизики и теории познания добавляется онтология. Содержательная логика совпадает с онтологией потому, что логическая немислимость есть реальная невозможность, а логическая необходимость есть необходимость реальная. При таком способе понимания природы содержательной логики высвечивается отличие диалектической системы от трансцендентальной логики Канта. В рамках его «критической философии», которая, по мысли Гегеля, «уже превратила метафизику в логику», логическим определениям не приписывается объективное значение.

Понятия диалектической логики «самовоплощаются» в реальной действительности, они всегда являются истинными. Существует, например, только одно представление «квадрат», которое истинно, все остальные ошибочны, оно и образует «понятие квадрата» (чтобы мыслить квадрат как понятие, мы представляем «прямоугольный и равносторонний параллелограмм»). Данному истинному представлению принадлежит целое множество потенциальных определений, причем в том случае, если одним определением больше либо меньше – представление ошибочно. На том основании, что вещь не больше и не меньше, чем сумма ее определений, в моменте единичности понятие есть вещь, а вещь есть понятие. Так, в вышеприведенном примере «квадрат» – это понятие и вещь в равной степени. Отсюда Гегелем делается вывод: «...мышление в своих имманентных определениях и истинная природа вещей составляют одно содержание»².

Признание за диалектическим становлением неформальной семантической модели диалектической логики ведет к отказу от закона противоречия. Вследствие того что пересечение объема некоторого понятия и его дополнения не дает пустого множества, в диалектической логике отрицается общезначимость данного закона, когда p и $\neg p=0$. В этом смысле диалектическая логика есть первый образец логики паранепротиворечивой, поскольку внутри такой логической теории тавтологиями (противоречиями) одновременно могут выступать как высказывания (имена), так и их отрицания. К примеру, не может считаться пустым пересечение классов «параллелограмм» и «не-параллелограмм» – при топологической операции взятия внутренности множества «параллелограмм» и «не-параллелограмм» будут обладать одинаковым значением истинности (до завершения диалектического движения дефиниционной спецификации понятия «квадрат»). Переходя с алгебраического языка на философский уместно воспроизвести гегелевское выражение: «...противоречащее себе не переходит в нуль, в абстрактное ничто, а по существу лишь в отрицание своего особенного содержания»³. Так, в контексте понятия «квадрат» особенное содержание понятия «параллелограмм» отрицается. Понятие «квадрат» содержит больше, чем понятие «параллелограмм», так что оно включает в себя каким-то образом и понятие «не-параллелограмм» (параллелограмм не есть прямоугольная и равносторонняя фигура, но таковой считается квадрат). Дефиниционная спецификация понятия «квадрат» – это различение всеобщим понятием «параллелограмм» самого себя и определение им себя в своем отчуждении (в виде «прямоугольного и равностороннего»). В продвижении к единичности неопределенность (непосредственность) всеобщности устраняется, погружаясь в опосредствование, в дефиниционную спецификацию.

Каждое понятие содержит в себе три момента: всеобщность (*Allgemeinheit*), или «в-себе-бытие» – *A*; особенность (*Besonderheit*), или «вне-себя-бытие» – *B*; единичность (*Einzelheit*), или «для-себя-бытие» – *E*.

1. Всеобщность есть основание, которое включает в себя все определения в соответствии со своими семантическими возможностями. 2. Особенность есть общее, получившее некоторое определение, некоторую спецификацию – она представляет собой ближайшее определение, которое должно получить понятие. 3. Единичное есть окончательная определен-

ность особенного; она уже не может быть специфицирована точнее, так как в этой завершенной дефиниции все семантические возможности уже исчерпаны. Например, «квадрат» – это полностью специфицированный «четырёхугольник». Но «четырёхугольник» может стать «квадратом» только в том случае, если он – «параллелограмм». Очевидно, что «четырёхугольник», «параллелограмм» и «квадрат» относятся друг к другу как всеобщее (А), особенное (В) и единичное (Е).

Понятие единичного мыслится, поскольку оно развивается и отображается в дефиниционной спецификации. В единичности понятия имеет место индивидуализация – исключение субъектом из себя всего другого, иначе говоря, из различения появляется абсолютная отрицательность рефлексии понятия внутри себя. Единичность соединяет в себе особенное и всеобщее и представляет собой определение через род (А) и видовое отличие (В). Согласно Гегелю, «в качестве единичности понятие положено как суждение»⁴. Так, прямоугольник (Е) есть прямоугольный (В) параллелограмм (А).

Понятие получает дефиницию, если оно определено посредством всех своих потенциальных предикатов, которые развиваются шаг за шагом от всеобщего к особенному. При этом все мыслимые варианты дефиниционной спецификации протекают по строго заданному набору схем рассуждений или правил вывода. Эти специфические схемы рассуждения (умозаключения) выработаны в диалектической логике не столько для того, чтобы преобразовывать одни понятия в другие, сколько для того, чтобы аксиоматически задать сам процесс дефиниционной спецификации. Часть диалектической логики, изучающая схемы рассуждения, как отмечал Фишер, освещает «тотальность» понятия, поскольку в соответствии с гегелевской диалектикой «все есть умозаключение». Существуют три группы схем рассуждения, каждая из них насчитывает три правила вывода.

Первую группу умозаключений составляют «умозаключения наличного бытия», иначе называемые «умозаключениями качества». В данном типе вывода связь между моментами понятия представляется в том виде, какова она есть непосредственно.

1. *Категорическое умозаключение первой фигуры*: единичное определяется как всеобщее, потому что оно есть особенное. $V=A$, $E=B$; следовательно, $E=A$ ($E-B-A$). Например, «параллелограмм есть четырёхугольник, квадрат есть параллелограмм; следовательно, квадрат есть четырёхугольник». Данная фигура является общей и утвердительной. В выводе опосредствуется категорическое суждение $E=A$.

2. *Категорическое умозаключение третьей фигуры*: посредством спецификации особенного на единичные моменты особенное определяется как частично подпадающее под всеобщее и частично под его дополнение. $E=A$, $E=B$; следовательно, некоторые $V=A$ ($B-E-A$). Например, «квадрат есть четырёхугольник, квадрат есть равносторонняя фигура; следовательно, некоторые равносторонние фигуры четырёхугольники». В выводе опосредствуется частное суждение «некоторые $V=A$ ».

3. *Категорическое умозаключение второй фигуры*: всеобщее содержит в себе определения, которые не подходят единичному, т. е. определяемому понятию. – единичное исключает из себя особенное в силу своего собственного всеобщего. $V=A$, $E \neq A$; следовательно, $E \neq B$ ($E-A-B$). Например, «все ромбы – остроугольные параллелограммы, квадрат не есть остроугольный параллелограмм; следовательно, квадрат не есть ромб». В выводе опосредствуется отрицательное суждение $E \neq B$.

Непосредственность схем рассуждений *первой группы* связана с тем, что три вышеназванных умозаключения не являются равноправными. Данной группе чисто аристотелевских силлогизмов свойственно доминирование позиции первой схемы: $E-B-A$. Категорическое умозаключение первой

фигуры предстает в качестве единственной схемы, полностью удостоверяющей саму себя. И действительно, в первой группе умозаключений только те модусы двух остальных фигур дают правильные выводы, которые сводятся через обращение посылок к первой фигуре. Поэтому вывод категорического умозаключения третьей фигуры с необходимостью частный, а второй – отрицательный.

Вторую группу схем рассуждений образуют «умозаключения рефлексии», или «умозаключения количества».

1. *Умозаключение дедукции*: в силу распределения особенного, имеющего характер целокупности, во всеобщем единичное определяется как всеобщее. $B^1, B^2, \dots, B^n = A; E = B^1, B^2, \dots, B^n$; следовательно, $E = A (E - B - A)$. Например, «четыреугольник, у которого противолежащие стороны параллельны (параллелограмм, прямоугольник и т. д.), есть четырехугольник; квадрат есть четырехугольник, у которого противоположные стороны параллельны: следовательно, квадрат есть четырехугольник». В данном выводе необходимо универсальное заключение. Субъектом вывода оказывается уже не просто индивидуальный термин, а единичность как результат диалектического становления. В этом состоит отличие схемы умозаключения дедукции от категорического умозаключения первой фигуры.

2. *Умозаключение индукции*: если особенное равно совокупности всех единичных моментов (имеет место полная индукция) и единичности входят в объем всеобщего, то особенное определяется через всеобщее; в случае же неполной индукции, когда особенное превышает по объему совокупность единичных моментов, особенное лишь частично подпадает под всеобщее – заключение с необходимостью имеет частный характер. $E^1, E^2, \dots, E^n = A; E^1, E^2, \dots, E^n = B$; следовательно, $B = A (B - E - A)$. Пример полной индукции: «Четыреугольник, у которого противоположные стороны параллельны (квадрат, ромб, прямоугольник и т. д.), есть четырехугольник; четырехугольник, у которого противоположные стороны параллельны, есть параллелограмм; следовательно, параллелограмм есть четырехугольник». Пример неполной индукции: «Квадрат и ромб суть четырехугольники, квадрат и ромб суть параллелограммы; следовательно, вероятно, что параллелограмм есть четырехугольник».

3. *Умозаключение аналогии*: в качестве среднего термина выступает всеобщность, существенное сходство, содержащееся в единичности и репрезентирующееся через нее, благодаря чему можно восходить от единичного момента к особенному. Вывод по аналогии объединяет дедуктивное и индуктивное заключения: он индуктивно использует понятие единичного и дедуктивно строит вывод посредством положения об однородности всех единичных, т. е. посредством всеобщего понятия единичного. В таком выводе единичное значимо как однородное со всеми другими единичными – выполняет функции репрезентанты своего вида. $B^1, B^2, \dots, B^n = A; E^1, E^2, \dots, E^n = A$; следовательно, $E = B (E - B - A)$. Например, «четыреугольник, у которого противоположные стороны параллельны (параллелограмм), есть четырехугольник; равносторонний и прямоугольный четырехугольник, у которого противоположные стороны параллельны (квадрат), есть четырехугольник; следовательно, квадрат есть параллелограмм».

Выводы третьей группы схем рассуждений называются «умозаключениями необходимости». К ним относятся:

1. *Дивизивное (расчленяющее) умозаключение*: род различается на виды, каждый вид различается на свои подвиды; следовательно, род различается на перечисленные подвиды. $B^1, B^2 = A; E^1, E^2 = B^1; E^3, E^4 = B^2$; следовательно, $E^1, E^2, E^3, E^4 = A (E - B - A)$. В качестве вывода используется прогрессирующая спецификация. Дивизивный вывод завершен, если всеобщее (род) совершенно разъяснено во всех своих возможных определениях, если

в заключение имеет место тождество объемов субъекта (единичного) и предиката (всеобщего). Например, «параллелограмм различается на прямоугольный и косоугольный, прямоугольный параллелограмм различается на равносторонний и неравносторонний (квадрат и прямоугольник), косоугольный – на равносторонний и неравносторонний (ромб и ромбоид). Следовательно, параллелограмм различается на квадрат, прямоугольник, ромб и ромбоид».

2. *Гипотетическое умозаключение*: вначале раскрывается условие, под действием которого может находиться особенное как определяемое понятие, далее – из тождества единичного и особенного, понятие особенного определяется в качестве действительного следствия предлагаемого основания, т. е. как действительно подпадающее под это всеобщее. Если A , то B есть A ; следовательно, есть B . В развернутом виде: гипотеза $B=A$, имеем $E=A$, значит, $E=B$; следовательно, $B=A$ ($B-E-A$). Например, «если существует параллелограмм, то существует равносторонний параллелограмм; параллелограмм существует; следовательно, существует равносторонний параллелограмм».

3. *Дизъюнктивное умозаключение*, или умозаключение полного подведения (Subsumtion), т. е. дефиниции: понятие получает определение во всех своих особенных моментах. Подведение завершено, если единичное определено посредством окончательно специфицированного всеобщего, когда подведено все особенное, $B^1, B^2=A$, значит, $E=$ или B^1 , или B^2 ; имеем E не $=B^2$; следовательно, $E=B^1$ ($E-A-B$). Например, «равносторонние и неравносторонние параллелограммы суть параллелограммы, квадрат или равносторонний, или неравносторонний параллелограмм; квадрат не есть неравносторонний параллелограмм; следовательно, квадрат есть равносторонний параллелограмм». Очевидно, что со спецификацией всеобщего в дивизивном выводе одновременно проходит дефиниция единичного в дизъюнктивном.

В основании системы схем рассуждений, построенной выше, лежит общий принцип классификации умозаключений. Во-первых, система правил вывода должна исчерпывающе, в неформальной аксиоматической форме, отобразить диалектическое становление (спецификацию всеобщего и дефиницию единичного). Во-вторых, упорядочение типов правил вывода должно вестись в соответствии с тем, какой участок диалектического становления отображается тем или иным правилом вывода. К примеру, категорическое умозаключение первой фигуры наиболее «непосредственно», формально описывает семантическую модель дефиниционной спецификации. Тогда как дизъюнктивное умозаключение предполагает наиболее глубокую осведомленность о данной семантической модели. Полученную таким образом систему схем рассуждений можно использовать с целью строгой классификации любого философского знания, что и было осуществлено Гегелем при создании философской системы, до сих пор изумляющей своей логической стройностью. Так, в свете того что «логическая идея» соответствует моменту всеобщности для себя (A), «природа» – моменту особенности для себя (B), а «конечный и абсолютный дух» – моменту единичности для себя (E), общий метод содержания гегелевской «Энциклопедии философских наук» отвечает схеме первой формы умозаключения: $E-B-A$. Природа при этом полагается в качестве среднего термина, и это – «первое явление мыслящей себя идеи», связывающее дух с логическим через природу. «Второе явление мыслящей себя идеи» есть такая диалектическая ситуация, при которой средним термином служит дух ($B-E-A$), и «третье явление» – когда в качестве среднего термина берется логическая идея ($E-A-B$). Последний вид рассмотрения является самым совершенным, но и наиболее сложным. Ни второй, ни третий виды рассмотрения не были осуществлены Гегелем.

«Первое явление мыслящей себя идеи» определяется как процесс снятия «отрешения» абсолютного знания, т. е. как попытка вернуть «сознание», достигшее формы спекулятивного понятия (уровня, на котором перечисленные схемы рассуждения являются общезначимыми), на ступень абсолютного духа. Дialeктическое становление вплоть до снятия «отрешения» проходит по ступеням следующих трех форм «откровения» (Offenbarung):

1. Вначале абсолютный дух как сущий-в-себе («логическая идея») превращается в инобытие природы. На этом уровне в описательном виде задается неформальная семантическая модель, т. е. ряд не связанных между собой умозаключений вида $E-B-A$.

2. Абсолютный дух приходит в лице конечного духа к частичному тождеству непосредственности и опосредствования. Исходные умозаключения оказываются принципиально преобразуемыми в умозаключения вида $B-E-A$.

3. Абсолютный дух становится чистым для-себя-бытием. Умозаключения уже могут получать вид $E-A-B$, а все понятия оказываются окончательно специфицированными. Итак, полагая в самом себе определенные различия и созидая тем самым предмет в качестве чего-то внешнего по отношению к себе, в качестве того, что имеет форму бытия-для-другого, дух не теряется во всей этой внешности и преобразуется посредством самооткровения в конкретное для себя – в полностью специфицированные единичные понятия. В преодолении инобытия абсолютный дух окончательно открывается самому себе, наполняя собой всю действительность.

Возможность использования диалектической логики в качестве неформально-дедуктивного метода при построении всего философского знания говорит о практической ценности данной системы содержательной логики, имеющей вид исчисления имен. Такая возможность выражает не только преимущества использования данного типа исчисления имен в качестве метода «позитивной» философии, но и логическую актуальность гегелевской логики.

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Философское наследие. М., 1970. Т. 1. С. 84.

² Там же. С. 93.

³ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. М., 1971. Т. 2. С. 35.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. М., 1972. Т. 3. С. 112.

И.А. БЕЛОУС

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ НЕОПРАГМАТИЗМЕ

В статье предпринята попытка рассмотреть ранний этап творчества известного американского философа, представителя неопрагматизма Ричарда Рорти. На данном этапе своего творчества мыслитель занимается главным образом проблемами аналитической философии, пытается подвести итоги развития этой традиции, начиная с 30-х и до начала 60-х годов XX ст., с точки зрения так называемой «антикантианской революции». Суть этой революции Р. Рорти связывает с работами по логике и философии таких мыслителей, как У. Куайн, Р. Селларс, предложивших отказаться от различия между «спонтанностью» и «рецептивностью» опыта, как это было сделано И. Кантом в «Критике чистого разума», и «схемой» и «содержанием» в трактовке данных мыслителей применительно к феноменам языка.

Обращаясь к «вечным» проблемам философии, Р. Рорти решает их с позиций прагматизма, предлагая синтезировать методы исследования, разработанные аналитической философией, и методы литературно-философской эссеистики.

Творчество Р. Рорти носит новаторский характер для современной философской мысли. Грандиозность проекта новой философской стилистики и идеологии, предлагаемого ученым, а также его честолюбивая мечта преодолеть «раскол культуры» на гуманистическую и естественно-научную, европейскую и американскую – все это заставляет философа направлять усилия на сближение «сциентски» ориентированной аналитической философии с литературно окрашенной европейской философской мыслью, используя при этом жанр эссеистики.

Интерпретация творчества Р. Рорти требует нестандартных подходов. Применение к его творчеству обычных дескриптивистских методов создает значительные трудности, ибо стиль его дискурса сочетает в себе одновременно и риторику, и рационалистическую аргументацию. Наличие риторики превращает философию Рорти в «закрытую систему», сопротивляющуюся как внутренней, так и внешней рациональной критике. В силу этого ее нельзя ни опровергать, ни развивать далее, исходя из сформулированных в ней принципов, как это происходит, к примеру, с открытыми системами (данный термин используется в попперовском смысле). Трудности усугубляются еще и тем, что основной массив его работы – это «деструкция» предшествующего философского знания, осуществляемая на основе сплава идей прагматизма, аналитической философии и европейского нигилизма, что затрудняет поиск позитивных моментов среди большого массива проделанной им разрушительной работы.

Нельзя не согласиться с точкой зрения Р. Рорти о том, что к его творчеству более подходит метафизическая реконтекстуализация. Но, на наш взгляд, именно стандартный подход, опирающийся на такие критерии, как рациональность и объективность, позволяет наиболее полно осветить данный этап философского творчества мыслителя и показать его отношение к аналитической философии. Применяя данный подход, мы оставляем в стороне стилистические прыжки и метафорические изыски философской мысли Р. Рорти.

Взгляды философа формировались в значительной мере под влиянием аналитической философии и в ее рамках, он во многом «эксплуатировал» наработки представителей этой традиции, таких как У. Куайна, Р. Пантема, Д. Девидсона. Многие их идеи он использует применительно к теории репрезентации и философии языка. «Поэтические» интерпретации Р. Рорти так или иначе связаны с переосмыслением им того, что принято называть основой философии – проблем эпистемологии и философии сознания. Без учета всех этих моментов, а также содержащейся в его трудах полемики с аналитическими и академическими философами пропадает «исходная платформа» философии Р. Рорти.

Путь, по которому идет современная философская мысль, был задан еще Г. Фреге и Б. Расселом. Данный тип ориентируется на мечту И. Канта, отводившего философскому знанию особое место в культуре. Философия выступала своего рода оценщицей всех других форм культуры, объясняя свою привилегию тем, что она обладает знанием неких «фундаментальностей» этих культур.

Как и неопозитивисты, аналитики в целом следуют традиции, берущей свое начало в философии И. Канта, видя в философии некий логический и внеисторический корпус знания, своеобразный автономный сектор культуры, позволяющий оценивать все остальные ее формы. Аналитическая философия и феноменология искали «основания» всех наук и пытались критиковать их. Такие попытки вызвали скорее недоумение тех, под чью деятельность подводились основания или чья деятельность критиковалась.

В силу этого «лингвистический поворот», который совершила аналитическая философия, по мнению Р. Рорти, предполагает возрождение кан-

товских вопросов, поставленных еще в «Критике чистого разума». Строгость и аналитичность, которым отдавали предпочтение большинство философов данной традиции (У. Куайн, Р. Пантем и др.), нашли свое отражение в проведении огромного количества различий, т. е. оснований опыта, отразившихся в языке в виде следующих антиномий: теоретически-эмпирического, случайного – необходимого и т. д.

Данные антиномии по сути восходят еще к кантовским поискам подлинных оснований научного знания и тех существенных различий, с помощью которых можно отличить одни основания от других. Следствием таких усилий выступает интенсивная полифемия или, иначе говоря, умножение конкурирующих и зачастую прямо противоположных друг другу философских проблем. Внешним результатом данных усилий явилось размежевание представлений аналитической философии на множество групп в зависимости от толкования им критериев и оснований научного знания. Аналитическая философия, таким образом, распалась на кланы, конкурирующие между собой закрытые группы. «Во взаимосвязанных центральных областях аналитической философии – эпистемологии, философии языка и метафизики, – пишет Р. Рорти, – сегодня существует столько парадигм, сколько насчитывается главных философских факультетов... Их поле в наши дни – джунгли конкурирующих между собой исследовательских программ, которые по мере того, как проходят годы, по-видимому, будут иметь все больший период полураспада»¹ (тут и далее перевод с англ. автора. – О. Б.). Мыслитель полагает, что аналитическая философия в XX в. приходит к своему логическому завершению, она распадается на множество закрытых систем, имеющих непродолжительный период существования и рассматривающих узкие проблемные области.

Аналитик мечтает о научности, но его мечта, по утверждению американского мыслителя, построена на вере. Речь идет о возможности обоснования всех явлений, наблюдаемых в мире, с помощью разума и веры в возможность создания универсального словаря, описывающего и отражающего все происходящие в мире процессы и пытающегося их объяснить. По мнению Р. Рорти, такая вера и составляет главный стержень идеологии оправдательности или фундаментализма. Динамикой этой идеологии является поиск явных и четких критериев знания, проведение операции отделения истинного от ложного.

Прагматизация опыта Н. Гудменом, показ несостоятельности догматов эмпиризма У. Куайном, аргументы К. Селларса относительно социальной нагруженности любых презентаций опыта и, наконец, атаки Д. Дэвидсона на референциальную теорию значений – все это нанесло удар по представлению, согласно которому оправдание знания возможно лишь с помощью апелляции к каким-то основаниям, не входящим в лингвистический каркас². Вышеназванные философы показали, что знание не обладает твердыми основаниями, так как «данные» опыта не репрезентируют «подлинности». Исходя из вышесказанного, Рорти делает вывод о том, что ни когерентная, ни корреспондентная теория Истины невозможны. Таким образом, в последние десятилетия канон аналитической философии действительно расшатывался изнутри: в ее рамках было накоплено множество таких результатов, которые нарушили главную связку аналитической философии: «Решение проблем – познание – знание».

Критические аргументы, направленные против фундаментализма, носят, по мнению Рорти, непроверяемый характер. Они и позволяют ему сделать вывод относительно объекта философской деятельности: то, что люди часто принимают за «философскую проблему», в действительности представляет собой не что иное, как продукт бессознательного принятия посылок, которые встроены в словарь, и ту традицию, в которой эта проблема формируется.

В процессе своей эволюции понятие «логический анализ» обернулось как бы против себя самого; в силу этого оно обречено на медленное самоубийство. К этому также ведет критика «научного» языка, которую производили Л. Витгенштейн (в своих поздних работах)³, У. Куайн, Т. Кун и др. Итогом всего вышеперечисленного явилось то, что аналитическая философия оказалась без генеалогии и чувства перспективы. Для преодоления сложившейся ситуации она нуждается в радикальной «терапии», под которой подразумевается элиминирование и разрушение жесткого каркаса предыдущей философской традиции, идущей от Декарта и Канта. В первую очередь данная «терапия» должна быть применена к так называемым «вечным» проблемам философии (поиск абсолютной истины, психофизиологическая проблема и др.).

Основной характеристикой современной эпохи с точки зрения неопрагматизма является крах идеологии оправдательности, или фундаментализма. Данный крах показал невозможность построения какого-либо знания, базирующегося на вере в миф, в том числе и о существовании Абсолютной Истины в качестве основного научного критерия научного знания.

Процесс разрушения аналитической философии происходил как бы изнутри, ибо деление ее на множество закрытых систем, изучающих определенные области научного знания, не способствовало целостности данной традиции. Несмотря на то, что она (аналитическая философия) пыталась выйти за пределы предшествующей философской традиции, идущей от Декарта, и преодолеть метафизику с помощью математических и логических методов, эта попытка оказалась несостоятельной и привела к глубокому кризису.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что аналитическая философия находится сегодня в глубоко кризисной ситуации, в которой виновата, по мысли американского философа, только она сама, так как не смогла осуществить свои изначальные установки по преодолению «псевдопроблем» философии, а именно поиска Абсолютной Истины и точных репрезентаций.

Р. Рорти пытается рассматривать различия между аналитической и другими направлениями философии, исходя из метафилософских позиций. Он отстаивает взгляд, согласно которому аналитическая философия становится разновидностью дисциплины, которую можно найти в других областях гуманитарного знания. Таким образом, он расценивает работу аналитиков как свободное литературное творчество, которое имеет некоторые стилевые и языковые особенности, и предлагает считать равнозначными философские взгляды тех мыслителей, которые претендуют на научность, и тех, которые на это не претендуют. Аналитическая философия, по мнению Р. Рорти, не имеет особого предмета, метода, функций: она исторична, а язык, который она использует, наполнен метафорами. «Терапию», которая излечит ее от серьезных «недугов», нужно применять в первую очередь по отношению к гносеологизму, унаследованному от европейской традиции (имеется в виду декартовско-кантианский канон).

Главным симптомом кризиса, о котором столько говорит мыслитель, является появление специфических отражательных терминов, примером чему может служить определенный языковой аппарат – «сознание», «знание», «теория», «репрезентация», «полиферация» и др. Гносеологизм проявляется в представлении о философии как «зеркале природы», главной функцией которого выступает точное отражение всех существующих процессов. По мнению предыдущей философской традиции, наш ум содержит множество репрезентаций, некоторые из которых являются истинными, некоторые – нет. Задача философии – с помощью правильных методов выявить истинные репрезентации и элиминировать неточные, отнести последние к ре-

шению очередной «вечной» проблемы, то есть сделав еще один маленький шаг к достижению Абсолютной Истины.

На первом этапе аналитическая философия сама боролась против гносеологизма, разыскивая наиболее сильные аргументы против него и пытаясь подорвать его основы (описать и проследить ход данной борьбы не является нашей целью). Однако полностью побороть гносеологизм ей так и не удалось, так как она продолжала смотреть на свой предмет как на обладающий специфическим знанием, недоступным для других наук и обладающим внеисторическим и универсальным словарем для описания всех культурных явлений.

Таким образом, по мнению Р. Рорти, аналитическая философия должна рассматриваться не как специфически новое знание, а как один из вариантов кантианской философии, так как она «все еще устремлена на констатирование вечного, некоей нейтральной модели изучения, и, таким образом, создает каркас для исследования всей культуры»². Хотя все сказанное Р. Рорти в адрес аналитической философии выполнено в деконструктивистском ключе, оно, на наш взгляд, имеет и ряд позитивных моментов: анализ менталистского языка, исторические экскурсы и обзор современного состояния дел в других областях философии. С целью очищения философского знания от гносеологизма Р. Рорти предпринимает попытку девальвировать рациональное, обращаясь к историческому аргументу, считая его необходимым и достаточным. Он утверждает, что давний спор между фундаментализмом и антифундаментализмом уже окончательно решен в пользу последнего.

Очень часто Р. Рорти упрекает таких представителей аналитической философии, как У. Куайн и К. Селларс, в том, что они не порвали с неопозитивизмом. Но, на наш взгляд, не сделал этого и сам Р. Рорти. Он исходит из допущения, что если неопозитивистам и аналитикам, которые были за ними, не удалось указать на нити, связывающие знание с предметом, то идею нитей следует вообще отбросить. Рорти мыслит по принципу «или – или»: либо жесткий эмпиризм и сциентизм, либо метафоризм. Разочарование в гносеологических возможностях разума у мыслителя связано с разочарованием в эмпиризме и верификационизме. Р. Рорти напоминает еретика, который, обнаружив изъяны в религии отцов, отверг все возможные религии, но свое секулярное воззрение строит только по оппозиции к верованиям последних. Нельзя не согласиться с мыслителем в той части его рассуждений, которые касаются критики аналитического типа философствования – его замкнутости, локальности по отношению к другим системам и т. п. Однако вряд ли он оказывается прав, когда говорит о полной девальвации рационального с помощью историцистского аргумента.

Подводя итоги, можно констатировать, что, подвергая критике аналитическую философию за строгую приверженность логике и математике, Р. Рорти в то же время использует в своей философии целый ряд наработок мыслителей, принадлежащих к этой традиции, а именно: любой человеческий опыт прагматизирован, любая репрезентация опыта всегда социализирована, в том числе и то, что было наработано аналитическими философами в области языка. Таким образом, можно говорить о том, что и сам мыслитель оказался в плену у данной традиции, так как, несмотря на всю свою критику, он по сути использует методы самой же аналитической философской традиции.

¹ Rorty R. The post-philosophical culture. The texts for summer school. Mn., 1993. P. 182.

² Rorty R. The consequence of pragmatism. Minniapolis, 1988. P. 98.

³ Rorty R. The american scholar. New York, 1982. Vol. 51. P. 182.

⁴ См.: Витгенштейн Л. Логические исследования. Мн., 1994.

⁵ См.: Рорти Р. Философия и зеркало природы. М., 1999.

С.С. САГАЙДАК

СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ ОСНОВА МОТИВАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мотивация – процесс выбора между различными возможными действиями, регулирующий, направляющий человека на достижение определенных целей и поддерживающий эту направленность. Кроме того, мотивация – состояние направленности личности на определенные цели. Итак, сущность мотивации включает в себя две взаимодополняющие характеристики: статическую (состояние субъекта на данном временном отрезке) и динамическую (процессуальную)^{1,2}.

Основная проблема мотивации человека согласно современным концепциям состоит не в том, откуда черпать энергию, а в том, как ее экономно расходовать, то есть управлять имеющимися источниками психической энергии. Вероятно, среди тех, кого традиционно считают ленивыми, иначе говоря, те, кому “не хватает мотивации”, много людей, растрачивающих свою энергию или тормозящих ее по каким-либо причинам: за мотивационным дефицитом, как правило, скрывается регулятивный дефицит.

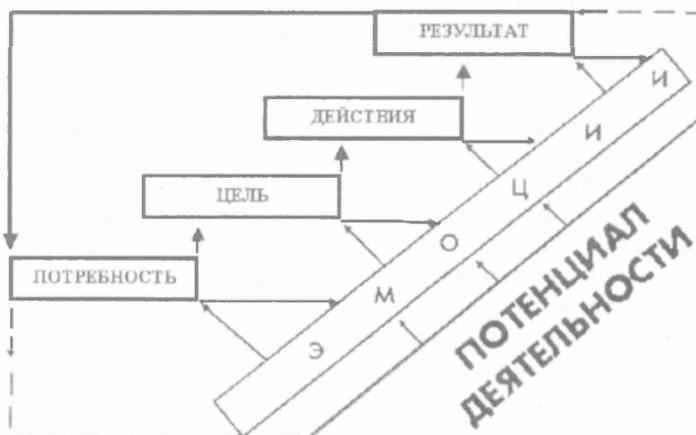
Без психологического анализа функциональной динамики эти факторы предстают в виде ряда несвязанных проявлений. Когда мотивационные образующие рассматриваются со стороны своих содержательно-предметных характеристик, чаще всего их место в процессах психологической детерминации ограничивается выполнением функции запуска деятельности; затем деятельность как бы катится по рельсам своей структуры, а мотивация остается вне рамок рассмотрения. При динамическом анализе необходимо рассматривать мотивацию относительно деятельности в ее актуальных и потенциальных формах с учетом вариативности поведения на всех стадиях – от формирования потребности до достижения результата.

Современные исследования в данной области характеризуются наличием многочисленных, часто противоречащих друг другу теоретических концепций, разнообразием методических приемов, широтой охвата изучаемых явлений. Различные методологические подходы при исследовании мотивации деятельности рассматривают, как правило, ее содержательный аспект, почти не уделяя при этом внимания динамической стороне, связанной с **энергетической регуляцией** интенсивности, темпа, целенаправленности деятельности. Возникает необходимость построения структурно-элементной основы динамического аспекта мотивации деятельности с целью дополнения и упорядочения существующей методологии.

Схематичное изображение динамического аспекта мотивации деятельности (рисунок) отражает суть энергетической регуляции интенсивности и целенаправленности деятельности. Необходимо отметить, что приведенная схема несколько упрощенно рассматривает динамический аспект данного процесса. В реальности мотивация зачастую имеет сложную разветвленную **систему циклов**: потребность может меняться как при уточнении

цели, так и на стадии выполнения действий; в свою очередь цель изменяется сообразно новым действиям или изменившейся потребности; вариативность может проявиться и в наборе действий. Конечно же, динамичен и результат – например, оценка его личностью.

Актуальную форму деятельности составляет цепочка “потребности – цель – действия – результат” (цикл актуальной формы мотивационного процесса отмечен на рисунке утолщенными линиями). Эмоциональный компонента взаимодействует со всеми элементами цепочки, придавая им позитивно- либо негативно-оценочную значимость; в свою очередь она подвержена влиянию потенциала деятельности (пунктирные линии на рисунке иллюстрируют взаимодействия актуальной формы с потенциальной). Кроме того, потенциал деятельности, варьируя эмоциональную составляющую, воздействует на цель, действия и результат.

Структурно-элементарная основа динамического аспекта мотивации деятельности

Потенциал деятельности – неявная форма, образующаяся из нереализуемых потребностей (по несовпадению временных либо целевых аспектов). Если значимость таких потребностей велика – это может привести к гашению актуальной формы деятельности в любом из звеньев цепочки вплоть до полной ее остановки, переформированию актуальной потребности и началу нового **мотивационного процесса**.

Он осуществляется гармонично и успешно при последовательном разворачивании всех звеньев цепочки актуальной формы деятельности. На стадии достижения результата происходит переход к формированию новой потребности и новому витку мотивационного процесса.

Рассмотрение динамического аспекта мотивации позволило исключить из схемы понятие “мотив”, т. к. он рассматривается с точки зрения задач, в которые включается человек. Поэтому мотив для данного действия заключается в отношении к задаче, к цели и обстоятельствам – условиям, при которых действие возникает. Более того, он заложен и в потребности как источник побуждения и в цели, поскольку существует стремление ее достигнуть, и в результате деятельности, который становится для действующего лица субъективно новой целью его действий. Итак, понятие “мотив” в динамическом аспекте мотивации присутствует неявно и рассматривается в качестве той энергетической подпитки, которая определяет интенсивность разворачивания всей цепочки схемы.

В приведенной схеме важна демонстрация проявлений эмоциональной чувствительности на всех этапах мотивационного процесса. Акцентирование мотивационно-эмоциональных аспектов деятельности осуществлялось многими психологами. Так, П.В. Симонов при рассмотрении информацион-

ной природы мотивационных явлении утверждал, что степень эмоционального напряжения зависит от силы формирующейся потребности⁵. Л.И. Божович отмечала, что мотивация обеспечивается связью поставленных человеком целей с его высшими чувствами⁶. В.К. Вилюнас рассматривал эмоции в динамике мотивации как универсальный механизм, который подключается к процессу регуляции деятельности и на основе накапливаемого опыта оповещает индивида о достижимости целей и оправданности действий⁷. К.А. Абульханова-Славская полагала, что уровень активности, ее устойчивость зависят от согласованности и оптимальных сочетаний эмоционального и мотивационного компонентов⁸.

Необходимо отметить, что динамическое соподчинение и непрерывность развертывания всех звеньев мотивационного процесса имеют исключительное значение для социально-психологической устойчивости личности. Устойчивость **деятельности** и жизнедеятельности личности – это прежде всего устойчивость **мотивации** этой личности, а следовательно, непрерывность последовательного развертывания процесса.

Выводы:

1. Исследование динамического аспекта мотивации чрезвычайно важно, поскольку оно отражает суть мотивационно-энергетической регуляции интенсивности и целенаправленности деятельности.

2. Мотивационные процессы осуществляются не только на начальном этапе деятельности, но имеют свою специфику на всех уровнях и по всему ходу ее выполнения, следовательно, необходим ее динамический анализ относительно мотивации.

3. Структурно-динамической основой мотивации деятельности является цепочка “потребности – цель – действия – результат” при взаимодействии ее элементов с эмоциональной компонентой и учете неявного влияния потенциальных аспектов деятельности.

¹ См.: Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976. С. 48–49.

² См.: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 33.

³ См.: Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности. М., 1998. С. 45.

⁴ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999. С. 467.

⁵ См.: Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975. С. 88–89.

⁶ См.: Божович Л. И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972. С. 7–44.

⁷ См.: Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990. С. 7.

⁸ См.: Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980. С. 128.

О.А. СТАЦЕНКО

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

Проблема взаимоотношения власти и интеллигенции всегда была в центре общественного внимания. И хотя эта проблема неоднократно поднималась великими мыслителями, в то же время вопрос актуален и для современного исследователя перспективой поиска продуктивной формулы взаимодействия этих двух аспектов культуры.

Правдивостью пронизано высказывание С. Булгакова о том, что «история страны, история ее удач и неудач есть в известной степени исторический суд над интеллигенцией»¹. Люди вообще ответственны за то, что вокруг них происходит, а тем большая ответственность у тех, кто обладает достаточным багажом знаний, помноженным на нестандартность мышления и разносторонность личности, интеллектуальность, т. е. на интеллигенцию. Именно она, сохраняя в своем знании опыт прошлого пути человечества и оценивая его, обладает такими отличительными чертами, которые способствуют духовному становлению общества: терпимостью, рассудительностью, созидательностью, бдительностью.

Одна из главных сторон интеллигенции – терпимость, т. е. умение слушать и понимать точку зрения инакомыслящего и причины, побудившие его придерживаться таковой. Терпение, понимаемое как признание возможности существования иной истины (хотя этой категории людей присуща и доля сомнения в абсолютной верности своего видения проблемы), – некий антидогматический иммунитет.

Рассудительность – несколько замедленная реакция на происходящее вследствие того, что любое действие оценивается не только эмоционально, но и главным образом через анализ разума. При «горячем сердце – холодная голова».

Созидательность – направленность на совершенствование. При неоднозначности ситуации – активный поиск правильного ответа с ориентацией на его гуманистический смысл.

Осторожность – следование библейской заповеди «не навреди». Действие не должно быть безрассудным, импульсивным, оно рассчитывается, планируется и предполагаются последствия его.

Таким образом, мы видим социокультурную общность, сведушую в прошлом, способную трезво оценивать настоящее и предполагать варианты будущего. Общность, являющуюся катализатором прогресса цивилизации. Но именно черта новаторства побуждала философов, социологов и историков поднимать вопрос о конфликте между интеллигенцией и властью, как между процессами «развития», «обновления» и «стабильности», «устойчивости».

П. Струве принадлежит мысль о том, что интеллигенция не столько социальный слой, сколько функция вечного несогласия, бунта, революционности.

Э. Шилз, признавая наличие у интеллигенции функции отрицания, объяснял ее появление тем, что интеллигенция, вырабатывая новые ценности, отказывается от старых, чем наносит удар по институтам общества, которые их охраняют. На наш взгляд, оппозиционность по отношению к власти не следует трактовать как враждебность, а скорее как критичность, причем конструктивную. Цель ее – не разрушение, а улучшение, своевременное предвидение пагубных ошибок и желание не упустить время для их исправления. В идеале власть должна уметь слушать и слышать, дабы использовать продукты умственной деятельности людей во благо всего общества, и в то же время давать интеллигенции почувствовать ее востребованность, действенность.

Взаимодополнение власти и интеллигенции объяснил К. Мангейм, говоря, что власть (элита в области политики и организации) «создает интеграцию многочисленных волевых импульсов», а «функция элиты в области знания, эстетики и религии – сублимировать духовные энергии, не полностью использованные обществом в ежедневной борьбе за существование. Эти элиты приводят в движение... тенденции, которые не получили бы на данном уровне должного развития без более или менее сознательного управления».

Возможность мирного сосуществования власти и интеллигенции появляется тогда, когда их функции четко обозначены, деятельность направлена и найдены параметры взаимовлияния. Безусловно, такое взаимодействие возможно при высокоразвитых демократических институтах и устойчивой правовой базе.

Интеллигенция способна гуманизировать политику двумя способами: *опосредованно и непосредственно*. Опосредованный способ влияния происходит через формирование общественного мнения и сознания. Именно представители интеллигенции учат и воспитывают молодое поколение, формируют вкус и закладывают гуманистические начала в способ мышления. Именно через коммуникативные средства происходит формирование общественного мнения взрослых людей, их отношения к политике, ее методам. Чрезвычайно важен для развития общества его культурный фундамент, от которого зависит, насколько прочно будет само государственное здание и насколько свободно и комфортно будут чувствовать себя в нем люди.

Непосредственный способ влияния выражается в активной работе интеллигенции во властных структурах общества. С одной стороны, профессиональный артист, художник, писатель становится политиком, но мы наблюдаем явное различие в его значимости, проявляющееся в утрате профессионализма. Профессиональный артист не есть профессиональный политик. Политика – это своеобразная наука, постичь которую возможно лишь, пройдя «ее университеты» с самого начала.

С другой стороны, если интеллигенция не будет делегировать своих представителей во властные структуры, то кто будет защищать ее интересы? Скорее всего, интеллигенция должна активно использовать и первый, и второй способы. При втором, особо строго подходя к побуждающим моментам ухода во власть, возникает вопрос, не является ли такой шаг для человека в первую очередь возможностью легко получить популярность и благополучие, а не способом лучше организовывать дело, в котором он становится профессионалом, и тем самым содействовать прогрессу.

Вопрос о политической самостоятельности интеллигенции широко рассматривался в литературе. Существующие мнения поляризовались от за-

явлений, что интеллигенция, «будучи прослойкой, а не классом, неспособна играть самостоятельную политическую роль в общественной жизни»³, до создания партии софократов, «очень влиятельной на дела в государстве ..., программой-минимумом которой будет переориентировка народа на систему вечных общечеловеческих ценностей всего цивилизованного мира...»⁴. В связи с данными утверждениями нельзя не вспомнить знаменитое высказывание Паскаля, что величие не в том, чтобы впасть в крайности, а в том, чтобы касаться одновременно двух крайностей и заполнять промежуток между ними.

Политика, проводимая государством, может ускорить или затормозить экономические, культурные процессы, происходящие в обществе, что неизменно приводит либо к расцвету, либо к деформации всей общественной системы. Интеллигенция не может быть индифферентной к политике. От режима государственной власти (демократический, тоталитарный) зависит способ существования интеллигенции.

Отвергая тоталитарный строй, не следует идеализировать известные нам демократические режимы. При тоталитаризме интеллигенции предлагается мыслить в строго отведенных рамках, выполняя вполне определенный заказ власти. Все, что выходит за определенные рамки, не оправдывает режима, строго подавляется. Эффект в данном случае следующий: не исключено создание высокохудожественных произведений на нейтральные темы, но гуманитарные науки не досчитываются глубоких, всесторонних исследований по истории, философии, социологии и т. д., что заставляет общественную мысль сначала топтаться на месте, а затем деградировать. Общество теряет свою молодежь, которую некому научить законам творческого мышления, способности самовыражения, не воспитывается художественный вкус и изменяется общественное отношение к культуре в целом.

В демократическом государстве с рыночной экономикой человек волен думать и проявлять себя как считает нужным, если не вредит окружающим и не противоречит законам. Но тут же возникает вопрос востребованности интеллигенции, в первую очередь художественной.

При отсутствии официальной идеологии люди заняты «деланием денег», а чтобы заработать, надо понравиться многим. Либо у этих многих должен быть высокий уровень культуры, чтобы оценить истинное, либо художник, писатель, музыкант должны опуститься до уровня масс, делая то, что им нравится, тем самым уничтожая себя как цельную личность.

В обоих случаях интеллигенция представляется как жертва режима. Дабы избежать крайностей, деятельность интеллигенции должна быть направлена на своеобразную «вакцинацию» населения от внутреннего рабства, от догматизма и узости мышления. При высоком уровне культуры общества возможна гуманная политика и выполнение интеллигенцией функции духовного стержня общества, противостоящего унификации людей. Чем ближе ощущается интеллигенцией политический кризис, тем активнее она должна быть в своей деятельности. Ее обязанность – «coveant consules» («пусть будут бдительны консулы») – предупреждать народ в «неправильности отправления жизни»⁵ и показывать последствия подобных явлений, предлагая пути консолидации и прогресса.

Рассмотрим, помимо отношения интеллигенции к власти и ее влияния на проводимую политику, отношение власти к интеллигенции. Государственная власть заинтересована в законопослушном обществе, которое возможно только при его достаточной просвещенности. Законопослушания можно добиться двумя способами: силой страха и силой внутреннего убеждения. Первого достичь проще, но второе наиболее действенно. Убеждения зависят от образованности и культуры, формированием которых занимается интеллигенция. Следовательно, власть заинтересована в деятельности

интеллигенции, по отношению к которой функция власти состоит в обеспечении благоприятных условий для творческой деятельности. Встает вопрос о социальной цене свободы творчества. Очень болезненно воспринимается проблема руководства культурой, вызывая ассоциации давления и несвободы.

Характерна в данном случае мысль Ч. Айтматова: «Никто не смеет диктовать творцу, он не должен раболепно соглашаться с тем, что не находит в нем созвучия – даже если он ошибается»⁶. Руководство культурой предполагает ее обслуживание, или, как заметил М. Горький, «руководство, высоко оценивая энергию людей, указывает путь к достижению наилучших практических результатов при наименьшей затрате сил»⁷. Многое в такой ситуации зависит от личности руководителя и внутренней свободы тех, кем он руководит.

Руководство обязано облегчать труд творца, решая за него технические проблемы и помогая найти путь производителя культурных ценностей к потребителю. Правом на принуждение с помощью аппарата подавления государство может воспользоваться только в том случае, если произведения духовной сферы несут элементы насилия, расизма, агрессии, разрушают гармонию личности. Государство обязано защищать авторские права и наказывать присвоение чужого труда или его уничтожение. Необходима культурная политика государства для всестороннего развития общества и обогащения индивидуальности.

¹ Из глубины. М., 1990. С. 261.

² Манхейм К. Человек и общество в век преобразования. М., 1991. С. 76.

³ Ленин В. И. Соч. 4-е изд. Т. 11. С. 343.

⁴ Голиков А. Открытое письмо т. Аверину // Книжное обозрение. 1990. № 37.

⁵ Ключевский В. О. Собр. соч.: В 30 т. М., 1990. Т. 9. С. 420.

⁶ Айтматов Ч. // Литературная газета. 1989. 20 дек.

⁷ Горький М. Собр. соч.: В 9 т. М., 1953. Т. 27. С. 367.

А. У. АСТАПЕНКА

АСАБЛІВАСЦІ НАЦЫЯНАЛІЗМУ У ЕУРАПЕЙСКІМ КАНТЭКСЦЕ

Паняцце "нацыяналізм" параунальна нядаўна увайшло ў карыстанне ў асяроддзі навукоўцаў і палітыкаў, але ў цяперашні час гэтая ідэалогія усё больш і больш прыцягвае увагу даследчыкаў усяго свету. Пачаткам эпохі нацыяналізму лічыцца перыяд распаду еўрапейскіх манархій і усталяванне дэмакратычных інстытутаў улады як у форме рэспублікі (Францыя), так і ў форме манархій, абмежаваных парламентам (Англія). Часцей за усё першым прыкладам з'яўлення гэтага паняцця ў сусветнай гісторыі лічыцца перыяд, звязаны з Французскай рэвалюцыяй 1789–1793 гг.¹ Аднак у дэталёвым даследаванні Ліга Грынфэльда² паказана, што Англія XVI ст. рэальна была першай краінай, у якой народ сфарміраваўся ў нацыю. Больш таго, ёсць навуковыя працы, у якіх сляды нацыяналізму знаходзяць яшчэ ў сярэднявеччы³. Большасць вучоных лічаць усё ж нацыяналізм ідэалогіяй новага часу, бо трывала гэтае паняцце замацавалася ў XIX ст., а XX ст. называюць стагоддзем нацыяналізму.

Тэорыя нацыяналізму пачала інтэнсіўна развівацца яшчэ да Другой сусветнай вайны і ў цяперашні час мае дастаткова вялікую бібліяграфію. Даследаванні ў гэтай галіне звязаны з імёнамі такіх вядомых вучоных, як Энтані Сміт, Ганс Кон, Луі Снайдэр, Джон Хатчынсон, Карлтан Хайес, Бойд Шэйфер, Эрнст Геллнер і інш.

Некаторыя даследчыкі лічаць, што сярод іншых сусветных ідэалагічных дактрын нацыяналізм займае зараз дамінуючае становішча і адлюстроўвае найбольш моцныя палітычныя працэсы сучаснасці⁴. Таму вывучэнне гэтай

з'явы і звязаных з ёй такіх паняццяў, як нацыя, нацыянальнасць, этнас і народ, мае выключнае значэнне.

Тэорыя нацыяналізму распрацоувалася да нядаўняга часу толькі заходнімі вучонымі, хаця у канцы XIX – пачатку XX ст. вялікія дасягненні у гэтай галіне атрымалі выдатныя рускія рэлігійныя філосафы Мікола Бярдзяеў, Уладзімір Салаўёў, Іван Ільін, Канстанцін Лявонцьеў, Мікалай Кляпенін і інш. Аднак пасля 1917 г. усе гэтыя вучоныя былі вымушаны эміграваць і працягнулі свае даследаванні за мяжой. Савецкая ж навука, калі і успамінала нацыяналізм, то толькі у адмоўным кантэксце: лічылася, што гэтая ідэалогія капіталістычнага свету і нацыяналізм прыраўніваюцца да фашызму. Толькі пасля развалу Савецкага Саюза і утварэння замест яго шэрага незалежных дзяржаў стала магчымым аб'ектыўнае вывучэнне нацыянальных працэсаў у грамадстве. З'явіліся і адпаведныя навуковыя працы як у Расіі (гл., напрыклад, артыкул І. Кудраўцава⁵), так і ў іншых рэспубліках, у тым ліку на Беларусі (У. Роўда⁶, А. Астапенка⁷). Важнай падзеяй у жыцці Беларусі была першая навуковая міжнародная канферэнцыя "Беларуская нацыянальная ідэя", што праходзіла ў красавіку 1999 г. у Гродне.

Да цяперашняга часу большасць гісторыкаў і філосафаў савецкіх часоў прытрымліваюцца традыцыйнай канцэпцыі нацыяналізму як ідэалогіі буржуазнага грамадства, якая заклікае да нацыянальнай варожасці, і ставяць яе побач з фашызмам. Такая тэндэнцыя перманентна перайшла да савецкіх ідэолагаў яшчэ з дарэвалюцыйных часоў. Так, у "Большой энциклопедии" (пад рэд. С.Н. Южакова, С.-Пецярбург, 1903 г.) адзначана наступнае: "Национализм... заключается в переразвитии национального чувства", пры якім людзі "начинают переоценивать свою национальность, иногда и свою нацию и считают поэтому совершенно справедливыми всяческие для нее преимущества сравнительно с другими нациями" (падкрэслена аўтарам). Калі прытрымлівацца гэтага азначэння, дык варта паставіць пытанне аб розніцы паміж гэтым сцвярджаннем і тэрмінам "шавінізм", які прапаведуе "выключнасць сваёй нацыі і пагарду да іншых, распальванне нацыянальнай варожасці"⁸. Менавіта шавінізмам і вылучаецца расійская палітыка XIX – пачатку XX ст. У савецкія часы паняцце нацыяналізму мяняецца нязначна, але уключае ў сябе ужо новую, "марксісцкую" тэрміналогію: "Нацыяналізм – палітыка эксплуатацыйных класаў, накіраваная на ўкараненне нацыянальнай варожасці і нацыянальных сутыкненняў, на прамое натраўліванне адной нацыі на другую"⁹. (Тут і далей пераклад аўтара. – А.А.)

З другой паловы 80-х гадоў нашага стагоддзя пачалося пераасэнсаванне многіх ідэалагічных дактрын. Па-новаму сталі будавацца адносіны да нацыянальнай ідэі, змяніўся і погляд на нацыяналізм як адмоўную з'яву. Стаў адкрыты доступ да замежных выданняў, былі перакладзены першыя кнігі замежных вучоных, дзе адпаведныя праблемы сур'ёзна прааналізаваны ў свеце сучасных палітычных працэсаў і тэндэнцый развіцця чалавецтва ў свеце. Разгледзім найбольш істотныя аспекты праблемы нацыяналізму, якія развіваліся на Захадзе на працягу XX ст.

Існуе вялікая колькасць азначэнняў нацыяналізму, дадзеных рознымі аўтарамі на падставе асабістых пунктаў гледжання на гэтую дактрыну. Адзін са старэйшых даследчыкаў гэтай з'явы К. Хайес яшчэ ў 30-я гады XX ст. даў такое азначэнне: "Нацыяналізм – гэта вышэйшая адданасць людзей дастаткова шырокай нацыянальнасці і свядомае абгрунтаванне прыналежнасці да палітычнай нацыі агульнасцю мовы і нацыянальнай культуры"¹⁰. Л. Снайдэр вылучае ў сваім азначэнні групавыя адчуванні людзей, адзінства мовы, традыцый і рэлігіі¹¹.

Для народаў, якія яшчэ толькі пераходзяць на шлях нацыянальнага самавызначэння, нацыяналізм азначае найперш веру ў магчымасці свайго народа. Так, даследчыкі азіяцкага і афрыканскага нацыяналізму Рупперт

Эмерсон і Рычард Котт сцвярджаюць, што нацыяналізм – гэта “вера часткі вялікай групы людзей у тое, што яны складаюць палітычную супольнасць, нацыю, якая мае права на незалежную дзяржаву, гатоўнасць гэтай групы праявляць сваёй супольнасці пераважную і выключную адданасць”¹².

Сярод найбольш шырокіх азначэнняў трэба вылучыць фармулёўку Б. Шэйфера. Ён вызначае дзесяць атрыбутаў нацыяналізму¹³.

1. Тэрыторыя, дзе жыве народ. Ён лічыць яе сваёй і супрацьстаіць змяншэнню яе памераў.

2. Агульная культура народа (мова, літаратура, звычаі, традыцыі).

3. Пануючыя эканамічныя і грамадскія інстытуты, за якімі стаяць эканамічныя і сацыяльныя інтарэсы насельніцтва.

4. Незалежнасць дзяржавы ці жаданне стварыць яе.

5. Вера ў агульную гісторыю і паходжанне свайго народа.

6. Прыхільнасць да людзей сваёй нацыянальнасці.

7. Гонар за мінулыя ці сучасныя дасягненні і агульныя перажыванні за перажытыя беды і трагічныя падзеі.

8. Абыякавасць ці варожасць у адносінах да некаторых нацый, асабліва да былых прыгнятальнікаў.

9. Адданасць сутнасці, якая завецца нацыяй (Радзімай, Айчынай) і уявляе тэрыторыю, народ, культуру, спадчыну і г. д.

10. Надзея, што краіне, нацыі і індывідам у ёй забяспечана поўная бяспека і шчаслівая будучыня.

У прыведзеным азначэнні, нягледзячы на даволі ёмкую фармулёўку, ёсць адзін істотны недахоп у восьмым пункце, які тычыцца варожасці да іншых нацый. На нашу думку, гэта не заусёды так. Больш таго, сапраўдны нацыяналізм, узрошчаны на хрысціянскіх каштоўнасцях, хрысціянскай любові да бліжняга, не можа выклікаць варожых пачуццяў як да іншых, суседніх нацый, так і да народаў – былых прыгнятальнікаў, бо адна з хрысціянскіх заповедзей заклікае любіць і ворагаў сваіх. Ніжэй мы больш падрабязна спынімся на гэтым пытанні.

Тым не менш ёсць сярод нацыянальных плыняў у некаторых народаў уласцівасць, адзначаная Б. Шэйферам у восьмым пункце. Менавіта гэтая варожасць да не сваіх, да суседзяў часта з’яўляецца прычынай сур’ёзных канфліктаў паміж народамі, і яна можа парадзіць і крайнюю форму нацыяналізму, якой з’яўляецца фашызм, ці расізм. Аднак такія адмоўныя праявы даволі рэдкія і уласцівыя галоўным чынам нехрысціянскім народам. Сапраўдны ж, “чысты” нацыяналізм, як правіла, з’яўляецца антыподам фашызму, што і адзначаў Энтані Сміт у сваёй класічнай кнізе¹⁴.

Сярод сучасных азначэнняў нацыяналізму трэба вылучыць цікавае і звязанае з гістарычнай рэтраспектывай азначэнне Г. Кона, які адносіць гэтую з’яву да стану грамадскай псіхалогіі. Г. Кон разглядае гісторыю як паслядоўнасць змен у грамадскай псіхалогіі ў адносінах чалавека да праяў індыўідуальнага і грамадскага жыцця: мовы, тэрыторыі, традыцый, такіх адчуванняў, як адданасць Радзіме і сям’і, якія адлюстроўваюць змены ў грамадзянскай псіхалогіі. Г. Кон заключае, што нацыяналізм – гэта “стан розуму”, гэта “ідэя, намаганне, якія запаўняюць мозг і сэрца новымі думкамі і новымі адчуваннямі і кіруюць чалавекам, каб перавесці яго свядомасць у справу арганізаванага дзеяння”¹⁵. Менавіта такі падыход стаў стрыжнем фармулёўкі азначэння нацыяналізму ў “Брытанскай энцыклапедыі”: “Нацыяналізм азначаецца як стан розуму, у якім індыўідуальныя адчуванні кожнага ў яго вышэйшай, векавой адданасці да нацыі – дзяржавы”¹⁶.

Усе разгледжаныя вышэй азначэнні маюць адзін і той жа недахоп: яны амаль не ўлічваюць рэлігійны фактар – уздзеянне хрысціянства на светапогляд чалавека і нацыянальныя асаблівасці. Менавіта гэта адрознівае су-

часных заходніх філосафаў ад славетых рускіх рэлігійных філосафаў канца XIX – першай паловы XX ст.

Грунтоўна даследаваў праблему нацыі і нацыяналізму М. Бярдзьеў. Ён пісаў: "Человек входит в человечество через национальную индивидуальность как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин. Человек не может проскочить через целую ступень бытия, от этого он обеднел бы и опустел бы. Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек...". І далей: "Национализм есть положительное благо и ценность как творческое утверждение, раскрытие и развитие индивидуального народного бытия. Но в этом индивидуальном образе раскрывается все человечество"¹⁷.

У гэтых радках сканцэнтравана ўся сутнасць нацыяналізму. Менавіта ў абасобленым вобразе раскрываецца ўсё чалавецтва. Багацце чалавецтва – менавіта ў разнастайнасці і сталасці нацый, як і багацце асобнага народа ў каларытнасці, разнастайнасці яго індывідуумаў. Толькі пры умовах існавання раўнапраўных, творчых і сталых нацый магчымы іх партнёрскія адносіны, саюзы і аб'яднанні. Такім шляхам ужо ідзе ўся Заходняя Еўропа. І таму шлях да касмапалітызму пралягае праз крышталізацыю асаблівасцей. Другімі словамі, усяленскае працягваецца толькі праз індывідуальнае.

Вельмі блізкія да пераканання М. Бярдзьева погляды І. Ільіна – таксама прадстаўніка рускай эмігранцкай інтэлігенцыі. Як рэлігійны філосаф, І. Ільін такую з'яву, як нацыя і нацыяналізм, бачыць цалкам у свеце Богага тварэння. Ён піша: "Национализм есть уверенное и сильное чувство, что **мой народ тоже получил дары Духа Святого, что он приял их своим и инстинктивным чувствительным и творчески претворил их по своему**... поэтому национализм проявляется прежде всего в **инстинкте национального самосохранения**, и этот инстинкт есть состояние **верное и оправданное**... он **подчинен законам добра и духа**."¹⁸ Ільін вылучыў тры наступныя рысы нацыяналізму: **любоў** да гістарычнага мінулага і творчага дзеяння свайго народа, **веру** у інстынктыўную і духоўную сілу свайго народа і **волю** да таго, каб свой народ быў дастойным членам у сям'і народаў Зямлі.

Істотнае дапаўненне да думак згаданых філосафаў зрабіў М. Кляпенін у артыкуле "Мысли о религиозном смысле национализма", які быў надрукаваны ў Францыі ў часопісе "Путь" за 1927 г.¹⁹ М. Кляпенін звязвае нацыяналізм з вышэйшай ступенню хрысціянскай любові: "Подобно любви к родителям, семье и близким, **национализм есть именно определенная степень раскрытия вселенской любви**".

На наш погляд, найбольш аптымальны погляд на нацыяналізм ляжыць у спалучэнні ідэй, вырацаваных заходнімі аўтарамі, і падыходаў рускіх рэлігійных філосафаў, якія узводзілі хрысціянскую любоў у ранг палітычнага прынцыпу. Зыходзячы з гэтага, мэтазгодна ўключыць у структуру нацыяналізму наступныя кампаненты:

- любоў да свайго народа;
- любоў да свайго краю;
- гордасць за гісторыю свайго народа;
- павага і адчуванне адметнасці і непаўторнасці сваёй мовы;
- любоў да сваёй Айчыны, ці патрыятызм;
- вера ў Богае прызначэнне свайго народа;
- боль за няудачы свайго народа і радасць за яго поспехі.

Як бачым, такое вядомае паняцце, як патрыятызм, у нашым азначэнні ёсць толькі састаўная частка шырокай, касмічнай з'явы – нацыяналізму.

Прыведзеная карэляцыя паміж нацыяналізмам і патрыятызмам адзначалася і іншымі даследчыкамі. Так, Е. Гейзінга²⁰ прааналізаваў паняцці **patria** (айчына) і **natio** (народ) і зрабіў такую выснову: слова **natio** намнога

шырэі, чым **patria**, хаця яны абазначаюць і блізкія паняцці. У XI ст. у Францыі, напрыклад, слова **patria** абазначала графства ці іх групу і было эквівалентна слову **terra** (зямля). Слова ж **natio** не мела адміністрацыйнага значэння, а адносілася да сферы пачуцця, што потым і перарасло у тую з'яву, што мы называем нацыяналізмам.

Нацыяналізм знаходзіць сваё канкрэтнае увасабленне у такім паняцці, як нацыя. Адпаведна і нацыя стварае сваю духоўную і ідэалагічную абалонку – нацыяналізм.

Нацыяналізм мае шэраг адценняў і асобных тыпаў. Пітэр Сугар вылучае чатыры тыпы нацыяналізму: **буржуазны, бюракратычны, папулісцкі (народны) і арыстакратычны**²¹.

Буржуазны нацыяналізм найбольш характэрны для краін Заходняй Еўропы. Гістарычна у гэтых краінах фарміраванне нацыяналізму завяршылася яшчэ у XVIII–XIX ст. Традыцыйны манархічны тып ладу гэтых дзяржаў саступіў месца рэспубліканскаму, ці канстытуцыйна-манархічнаму, і галоўнай сілай, рухавіком грамадства стала буржуазія. Сярод краін Усходняй Еўропы к другой палове XIX ст. толькі Чэхія мела сваю адносна моцную буржуазію, хаця там прысутнічала і арыстакратыя. Кіруючая роля буржуазіі у згаданых краінах азначае леравагу сярэдняга класа як над арыстакратыяй, так і над ніжэйшымі сляямі насельніцтва.

Арыстакратычны нацыяналізм. Польшча і Венгрыя XIX–XX ст. уяўляюць сабой прыклад таго, як арыстакратыя узяла на сябе місію кіравання эканомікай, рэгулявання аграрным сектарам і стварэннем сістэмы заканадаўства. Прычына такой з'явы ў тым, што ў гэтых краінах арыстакратыя была заможнай і мела палітычную, эканамічную і царкоўную манополію. Арыстакратычны нацыяналізм у Польшчы і Венгрыі сфарміраваўся ў XIX ст. і праіснаваў да канца Другой сусветнай вайны, пасля якой гэтыя краіны трапілі пад сферу савецкага уплыву.

Бюракратычны нацыяналізм узнікае там, дзе існуюць вялікія карпарацыі прадпрыемстваў з вялікім апаратам планавання. Калі гэтай бюракратычнай арганізацыяй з'яўляецца дзяржава, то бюракратызм уздымаецца на вельмі высокі узровень. Бюракратычная дзяржава забяспечвае грамадзянам роўныя правы і абавязкі, стабільнасць і парадак жыцця. Стварэнню краіны такога тыпу спрыяе навукова-тэхнічны прагрэс і, асабліва, рост сучасных камп'ютэрных тэхналогій. Хаця бюракратычная дзяржава аб'якавая да асобы, яна прываблівае сваіх грамадзян, фарміруючы іх нацыянальныя пачуцці праз дзяржаўную моц і дабрабыт народа. Бюракратычны нацыяналізм мае даўнія традыцыі ў такіх краінах, як Англія і Францыя. Ва Усходняй Еўропе ён меў месца ў XIX ст. у Грэцыі і Румыніі. Пасля 1848 г. ліберальны рух у Румыніі прыйшоў у заняпад, а раздрабленне краіны прывяло да адзінства ў адным – жаданні нацыянальнага аб'яднання, якое паспяхова і завяршылася пасля 1859 г.

Папулісцкі (народны) нацыяналізм, ці яшчэ, як гавораць, эгалітарны – ураўняльны нацыяналізм, праяўляўся ў Сербіі і Балгарыі. Гэты тып нацыяналізму зыходзіць з ніжэйшага духавенства і вялікай колькасці сельскіх мас. Ва умовах Атаманскай імперыі, да якой належалі гэтыя краіны, ніжэйшыя пласты грамадства здолелі зберагчы родную мову і нацыянальныя традыцыі. Элементы эгалітарнага нацыяналізму прысутнічалі і ў Беларусі XIX ст., якая уваходзіла ў склад Расійскай імперыі. Як паказвае гістарычны вопыт, ён з'яўляецца, з аднаго боку, ніжэйшай формай нацыяналізму, але, з другога боку, нацыя абавязана яму сваёй захаванасцю і грунтуецца на ім як першай фазе свайго фарміравання.

Дэмакратызм і ліберальная ідэя вельмі блізкія эгалітарнаму грамадству. Небяспека такога сінтэзу без паслядоўных змен у бок крышталізацыі нацыі вядзе да пераходу ў касмапалітычную дзяржаву. У сувязі з гэтым яшчэ ў

XIX ст. К. Лявонцьеу папярэджава, што у дзяржау Заходняй Еўропы вызначылася тэндэнцыя ператварэння у аднародныя грамадствы. Ён шчыра перажывае, што заходнееўрапейскія краіны губляюць сваю самабытнасць, набліжаюцца да нейкага сярэдняга узроўню²².

Існуюць і іншыя класіфікацыі нацыяналізмаў, якія, напрыклад, вылучае Л. Снайдэр²³.

1. ірэдэнтэсцкі. Уласцівы народам, якія імкнуцца да нацыянальнага вызвалення ад панавання іншага народа.

2. Папераджальны. Выклікаецца спаборніцтвам паміж сучаснымі нацыянальнымі дзяржавамі.

3. Прэстыжны. Падкрэслівае славітае мінулае свайго народа. Напрыклад, у аснове літоускага нацыяналізму ляжыць якраз прэстыжны нацыяналізм. Літоўцы атаясамліваюць усё Вялікае княства Літоўскае з сучаснай этнаграфічнай Літвой, залічваюць усе гістарычныя набыткі ВКЛ на свой рахунак – хаця ВКЛ на 5/6 складалі русіны – продкі сучасных беларусаў і украінцаў.

Найбольш распаўсюджаная тыпалогія нацыяналізму – дзяленне на **культурны і палітычны** нацыяналізм.

I. Культурны нацыяналізм

З пачаткам эпохі нацыяналізму – з канца XVIII ст. пачалося стварэнне нацыянальных дзяржаў. Працэс станаўлення нацый парадзіў як галоўную умову нацыянальную адукацыю і нацыянальную літаратуру. Паэты і вучоныя сталі першымі выразнікамі культурнага нацыяналізму, які патрабуе захавання адметнай культурнай нацыянальнай спадчыны, адказнымі за стварэнне нацыянальнай літаратурнай мовы. Яны абапіраліся на сваю гісторыю і традыцыі. Адна з галоўных задач культурнага нацыяналізму – абарона нацыі ад асіміляцыі яе з іншымі. Апошняе вельмі актуальна для малых народаў, якія працяглы час жывуць разам з пануючай нацыяй у адной дзяржаве. Гэта тыпічна, напрыклад, для шматлікіх народнасцей, што існавалі у складзе СССР, у тым ліку і для Беларусі.

II. Палітычны нацыяналізм

Палітычны нацыяналізм ставіць сваёй першаснай мэтай стварэнне незалежнай дзяржавы на падставе агульнанацыянальнай еднасці. Па часе узнікнення – гэта самая ранняя форма нацыяналізму. Першымі сапраўднымі нацыямі-дзяржавамі сталі Англія і Францыя. Германія і Італія, якія сфарміраваліся у XIX ст. праз аб'яднанне шматлікіх раздробленых княстваў, сталі дзяржавамі дзякуючы менавіта палітычнаму, а не культурнаму нацыяналізму.

Культурны і палітычны нацыяналізм – два бакі адной з'явы – нацыяналізму у яго поўным аб'ёме. Яны адзіныя у сваёй антыпатыі да бюракратычнай дзяржавы, і іх ідэал – грамадзянскі дзяржаўны лад для адукаваных грамадзян, аб'яднаных агульнымі законамі, якія забяспечваюць правы грамадзян²⁴. К. Лявонцьеу бачыў у палітычным нацыяналізме адваротны бок медаля – за імкненнем да еўрапейскага стандарту нацыянальнай дзяржавы хаваецца небяспека дэвальвацыі нацыянальнай самабытнасці, што звязана з модным у сярэдзіне XIX ст. ліберальным накірунку развіцця грамадства. І сапраўды – лібералізм сцвярджае эгалітарнае грамадства і эгалітарны нацыяналізм, якому абыякава нацыянальная адметнасць народа.

У сувязі з еўрапейскім аб'яднавым працэсам К. Лявонцьеу перасцерагаў і ад пагубнай ідэі панславізму, быў праціўнікам палітычнага панславізму: "Я нападаю на ідэал **всеславянскага аб'яднання** **когда бы то ни было и во чтобы то ни стало**; я считаю этот последний идеал (чисто политический) для первого (для **идеала самобытности** духовно-культурной) весьма опасным уже по одному тому, что большинство образованных **не**

русских славян слишком привыкло к европейским формам свободы и равенства"²⁵

ідэі панславізму у наш час існуюць у форме "славянскай еднасці". Перадцярога К. Лявонцьева адносна небяспекі панславізму, якая прагучала сто гадоў таму, цалкам стасуецца з цяперашняй сітуацыяй на Беларусі. ХХ ст. вылучыла на пярэдні план асноўны працэс: фарміраванне нацый, утварэнне незалежных дзяржаў і усталяванне ідэалогіі нацыянальнай дзяржаўнасці. Пакуль такі працэс яшчэ не скончыўся. Магчыма ХХІ ст. стане эпохай стварэння аб'яднанняў дзяржаў, блізкіх па гістарычных шляхах, культуры і агульнасці эканамічных інтарэсаў. Але усё гэта адбудзецца толькі пасля завяршэння нацыянальнага фарміравання. І можа неабавязкова ствараць аб'яднанне па этнічнай прыкмеце, напрыклад, саюз усходніх славян. Можа быць больш выгадным атрымацца б саюз Беларусі не толькі з Расіяй, а з Літвой (як гэта было у ВКЛ) ці з Польшчай.

На нашу думку, хаця нацыяналізм на Беларусі не сфарміраваўся як дзяржаўная ідэалогія, як масавая свядомасць народа ён мае перспектывы стаць такім у недалёкім будучым. Такім чынам, нацыяналізм – гэта ёмкае па змястоўнасці паняцце. Формы праяў яго вельмі розныя. Тыпалагізацыя нацыяналізму магчыма па самым розным асаблівасцям. Існуюць дастаткова вызначаныя метадалагічныя прыёмы для вылучэння тыпалагічных форм нацыяналізму у еўрапейскім кантэксце. Крытэрыямі такой тыпалагізацыі могуць служыць і заснаваныя каштоўнасці, культура і заснаваныя на іх палітычныя арыенціры вялікіх сацыяльных груп грамадзян той ці іншай краіны.

¹ Гл.: Сміт Э. Нацыяналізм у ХХ ст. Мн., 1995. С. 11.

² Гл.: Greenfeld L. Nationalism i Five Roads to Modernity. Harvard University Press; Cambridge, Mass, 1992.

³ Гл.: Гейзінга Е. Нацыяналізм у сярэднявеччы // Беларускі гістарычны агляд. Мн., 1995. Т. 2.

⁴ Гл.: Дзюрасель Ж. Еуропа з 1815 года да нашых дзён. Мн., 1996. С. 364.

⁵ Гл.: Кудрявцев И. Е. Национальное "Я" и политический национализм // Полис. 1997. № 2.

⁶ Гл.: Роуда У. Национальная идея как фактор становления гражданского общества Беларуси // Гражданское общество. Мн., 1997. Вып. 3.

⁷ Гл.: Астапенка А. Пралегомены да усякай будучай тэорыі нацыяналізму // Маладосць. 1997. № 4. С. 173–190.

⁸ Булыка С. М. Слоўнік іншашуных слоў. Мн., 1993.

⁹ Малая Советская Энциклопедия. М., 1938. Т. 7. С. 342.

¹⁰ Гл.: Hayes C. The historical evolution of modern nationalism. New York, 1931. P. 7.

¹¹ Гл.: Snyder L. Varieties of nationalism: A comparative study. New York, 1976.

¹² Гл.: Emerson R. Nationalism in Iran. Pittsburgh, 1967. P. 3.

¹³ Гл.: Shafer B. C. Faces of nationalism. New York, 1972. XV. P. 491–513.

¹⁴ Гл.: Сміт Э. Указ. тв.

¹⁵ Гл.: Kohn H. The Idea of nationalism. Macmillan: New York, 1945. P. 18–20.

¹⁶ Гл.: Encyclopaedia Britannica. London, 1996.

¹⁷ Бердяев Н. Судьба России. М., 1918. С. 95–105.

¹⁸ Ильин И. О русском национализме // Наши задачи. М., 1992. С. 281–282.

¹⁹ Гл.: Клепенин М. Мысли о религиозном смысле национализма // Путь. Париж. 1927. № 6. С. 60.

²⁰ Гл.: Гейзінга Е. Нацыяналізм у сярэднявеччы // Беларускі гістарычны агляд. Мн., 1995. Т. 2.

²¹ Гл.: Sugar P. Nationalism in Eastern Europe. University of Washington Press. Seattle, 1969. P. 46–54.

²² Гл.: Леонтьев К. Племенная политика как орудие всемирной революции // Избранное. М., 1993. С. 60.

²³ Гл.: Snyder L. Varieties of nationalism. A comparative study. New York, 1976. P. 326.

²⁴ Гл.: The Dynamics of Cultural Nationalism, Allen and Unwin. London, 1987. P. 12–19.

²⁵ Леонтьев К. Н. Письма к Владимиру Соловьёву. О национализме политическом и культурном // Избранное. М., 1993. С. 351.

ВЛИЯНИЕ ПРЕЗИДЕНТА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Степень влияния президента на исполнительную власть зависит от существующей системы правления. Наибольшего значения она достигает в президентской республике, где президент является одновременно главой государства и главой исполнительной власти. В США правительство не имеет конституционного статуса. В Конституции закреплено только право президента запрашивать мнение высшего должностного лица в каждом из исполнительных департаментов, которые возглавляются министрами, назначаемыми президентом «с совета и согласия Сената». Однако в США существует внепарламентская модель формирования правительства, ибо контроль за назначениями министров со стороны Сената не носит политического характера, так как проверяется только компетентность и моральный облик кандидатов на должности, и его утверждение не зависит от исхода парламентских выборов. За всю более чем двухсотлетнюю историю США Сенат не утвердил всего 9 министров¹. Причина столь незначительного количества отклонений президентских кандидатур на министерские посты заключается в сложившейся в США традиции, в соответствии с которой президент предварительно выясняет отношение сенаторов к предлагаемым кандидатам.

В США не существует правительства в его европейском значении как высшего коллегиального органа исполнительной власти. Вся полнота этой власти принадлежит президенту. Он осуществляет ее единолично, определяя не только основные направления политического курса, но и делегируя министрам осуществление тех или иных полномочий, традиционно входящих в его компетенцию. Правительство играет роль совещательного органа. Президент вправе принять решение, даже если с ним не согласны большинство глав департаментов. Правительство США не несет за свои действия политической ответственности перед парламентом и поэтому не может быть отправлено в отставку. Правда, в США существует парламентский контроль за деятельностью исполнительной власти, осуществляемый постоянными комитетами Конгресса. Комитеты могут проводить расследовательские действия, применяя специальную процедуру слушания в связи с обвинением в правонарушениях, злоупотреблениях министров, других должностных лиц правительственных ведомств. Однако речь идет не о политической, а об административной ответственности. Министры ответственны только перед президентом, хотя на заре становления американского государства вопрос о праве смещения министров вызвал острый спор. Сторонники сильной президентской власти высказывались за закрепление права смещения за главой государства. Их противники настаивали на необходимости участия законодателей как в процессе утверждения министров, так и в их смещении. В Сенате, несмотря на его профедералистский состав, мнение разделилось поровну. И только голос вице-президента Дж. Адамса решил спор в пользу президента².

В отличие от США президент ФРГ выведен за рамки исполнительной власти и его влияние на деятельность правительства является незначительным. Главная роль по формированию правительства в ФРГ принадлежит парламенту. Канцлер по предложению президента избирается Бундестагом. Функция президента по подбору кандидатуры главы правительства чисто номинальная, ибо канцлером становится лидер победившей на парламентских выборах партии или коалиции. Канцлер и министры приносят присягу перед Бундестагом. Роль президента возрастает лишь в том случае, если в нижней палате отсутствует устойчивое парламентское боль-

шинство, поддерживающее канцлера, поскольку лично ему принадлежит право предложить кандидатуру канцлера и тем самым выбрать направление политического развития страны на несколько лет вперед. Однако, в отличие от Веймарской Республики, парламент ФРГ характеризуется определенной устойчивостью.

Правительство слагает свои полномочия перед вновь избранным парламентом, а не перед президентом, ответственно не перед президентом, а перед Бундестагом, который вправе высказать ему конструктивный вотум недоверия. Таким образом, можно характеризовать германскую систему правления как парламентарную, предполагающую наличие «слабого» президента и «сильного» главы исполнительной власти. Именно канцлер проводит политику нации, определяет структуру правительства, назначает и увольняет министров. Президент ФРГ не обладает материальным правом назначения и отстранения от должности членов правительства, несмотря на то что в Конституции записано: «Федеральные министры назначаются и увольняются президентом по предложению канцлера»³. В политической науке Германии преобладает мнение о том, что президент вовсе не обязан утверждать каждую кандидатуру канцлера на министерский пост. Однако его мнение не оказывает существенного влияния на положение дел. Так, Любке тщетно пытался исключить из правительства своего преемника на посту министра сельского хозяйства Шварца. Также сопротивление президента назначению Шредера в 1961 и 1965 гг. министром иностранных дел, чью внешнюю политику он считал неэффективной, не увенчалось успехом. Только вето президента Т. Хейса в 1953 г. против пребывания Т. Делера в качестве министра юстиции, высказанное после официальной критики Конституционным судом деятельности этого министра, возымело действие, но и то только потому, что с ним согласился глава правительства К. Аденауэр⁴. Однако этот случай не создал конституционного прецедента.

Полупрезидентская система правления, впервые учрежденная в V Республике Франции, соединила в себе две основные черты президентской и парламентарной республик – сильного главу государства и парламентский контроль за деятельностью правительства. Исполнительная власть во Франции носит бицефальный характер и включает главу государства и главу правительства. Президент обладает собственными полномочиями, осуществление которых не требует контрассигнации. Одним из таких полномочий является назначение премьер-министра. Президент свободен в своем выборе. Он не обязан с кем-либо консультироваться и может назначить главой правительства даже не члена парламента. На практике президент вынужден учитывать то обстоятельство, что будущее правительство в своей деятельности должно опираться на поддержку парламентского большинства. Именно поэтому в период «сосуществования» премьер-министром становится лидер оппозиционной партии, победившей на парламентских выборах. Министры назначаются президентом по предложению и при использовании контрассигнатуры премьер-министра. В отличие от ФРГ президент Франции активно участвует в процессе формирования правительства, определяя количество министров, навязывая одних кандидатов и противясь назначению других. В период же «сосуществования» правительство формируется по взаимному согласию между главой государства и главой правительства.

Однако полупрезидентская система правления характеризуется двойной ответственностью правительства перед президентом и парламентом. Поэтому после своего назначения премьер-министр запрашивает инвеституру со стороны парламента – ставит вопрос о доверии правительству перед Национальным собранием. Для правительства не установлен определенный срок, по истечении которого оно должно запрашивать доверие со стороны

парламента. Иногда изменения в составе правительства происходили во время парламентских каникул, когда премьер-министр ограничивался тем, что представлял только декларацию об общей политике. Подобная практика свидетельствовала об исчезновении инвеституры со стороны парламента и, наоборот, подчеркивала зависимость правительства от президента. Однако с окончанием президентства Ж. Помпиду наметилась тенденция возвращения к практике незамедлительного представления правительства Национальному собранию. Значение инвеституры возрастает в период «существования», когда премьер стремится заручиться поддержкой депутатов для усиления своей независимости от президента.

Парламент осуществляет свою контрольную функцию и посредством выражения вотума недоверия правительству. Если Национальное собрание примет резолюцию или не одобрит программу либо декларацию об общей политике правительства, то премьер-министр должен вручить президенту заявление об отставке правительства. Наряду с этим он может принять и решение о роспуске парламента. В единственном случае принятия Национальным собранием в 1962 г. резолюции порицания правительства Ж. Помпиду Президент Ш. де Голль предпочел распустить парламент и после избрания нового состава нижней палаты назначил премьер-министром снова Ж. Помпиду.

Влияние президента на деятельность правительства остается значительным даже при неблагоприятном исходе парламентских выборов и достигается путем реализации права президента председательствовать на заседаниях правительства. Подобное полномочие отсутствует в странах с парламентарным режимом: в ФРГ правительство заседает под председательством канцлера. Следует отметить, что во Франции существуют два правительственных органа – Совет министров и Совет кабинета. Первый составляют министры, заседающие под председательством президента. Второй – министры, собравшиеся под руководством премьер-министра. На заседаниях Совета министров решаются наиболее важные дела, второй орган обсуждает оперативные вопросы и принимает по ним решения. Президент контролирует деятельность правительства, ибо он вправе требовать от Совета министров обсуждения заранее одобренной им повестки дня. Эта практика позволяет ему выносить на рассмотрение Совета министров дела, по которым у него нет разногласий с правительством, и откладывать рассмотрение тех вопросов, по которым компромисс не был достигнут.

Другим важным полномочием главы государства является право подписания декретов, принятых в Совете министров, которое президенты умело использовали для своего главенства над правительством. В парламентской традиции подпись главы государства является чистой формальностью. Однако период «существования» продемонстрировал, что во Франции она может стать оружием в руках президента. Глава государства полагал, что вовсе не обязан подписывать те акты, которые считает неприемлемыми. В основе такого утверждения лежит прецедент 1960 г., когда президент Ш. де Голль отказался подписать декрет о созыве чрезвычайной сессии Национального собрания по инициативе депутатов. В период «существования» тактика неподписания главой государства некоторых ордонансов вызвала оживленные дебаты политического и экономического характера, которые не привели к однозначному ответу. По мнению французского государствоведа Ф. Ардана, приемлемое промежуточное решение состоит в том, что президент может в принципе отказать в подписании, но только в том случае, если подписываемый документ затрагивает один из пунктов, за которые президент отвечает по ст. 5 и 64 Конституции⁵. Однако, в силу того, что в Конституции не зафиксировано, какие именно декреты должны рассматриваться в Совете министров, президент, определяя повестку дня,

может представить на его рассмотрение только те декреты, которые его интересуют, а затем скрепить их подписью. Глава государства подписывает даже те декреты, которые принимаются вне Совета министров и в которых должна фигурировать только подпись премьер-министра, поэтому президент подписывает все важные декреты.

Долгое время президенты Франции отрицали предусмотренную Конституцией диархию исполнительной власти и считали себя ее верховным главой. Премьер-министр часто служил лишь щитом президенту. Слишком активно участвуя в политической игре, глава государства мог потерять свой авторитет, но ответственность за проводимую государством политику возлагалась на премьер-министра. Ситуация существенно изменилась после возникновения в парламенте оппозиционного президенту большинства. Премьер-министр более не является главой президентского «генштаба» и пытается утвердиться в качестве главы правительства, что, несомненно, привело к ограничению власти президента. Такая ситуация сложилась в результате того, что, во-первых, премьер-министр возымел желание осуществлять единолично те полномочия, которые отнесены Конституцией к ведению правительства (определение и проведение политики нации, право законодательной инициативы). Во-вторых, реализация таких полномочий президента, как вынесение предложений по вопросам пересмотра Конституции и созыв внеочередной сессии парламента, может происходить только по инициативе главы правительства. Более того, президент Франции теоретически не обладает правом отзыва премьер-министра, что является исключением из принципа соответствия форм, когда право отзыва не принадлежит обладателю права назначения на должность. В реальности президенты Франции сами присвоили себе право отзыва премьер-министра, которое получило название «отставки-смещения». В случае неудовлетворения деятельностью премьер-министра президент в частной беседе указывал последнему на необходимость покинуть свой пост, а затем официально принимал отставку. Президенты не могли себе представить иных действий премьер-министра, потерявшего доверие главы государства, кроме подачи заявления об отставке⁶. Эта процедура явно демонстрировала зависимость правительства от президента, а не от парламента. Мнение последнего даже не учитывалось. Например, в 1972 г. президент Ж. Помпиду отправил в отставку премьер-министра Шабан-Делмасу вскоре после того, как премьер получил поддержку Национального собрания. Подобная практика стала невозможной в результате потери главой государства парламента большинства. Не имея возможности сместить оппозиционного главу правительства, президент вынужден с ним «сосуществовать», что диктует «сужение» свободы действия главы государства и в первую очередь в отношении исполнительной власти. Теперь президент не в состоянии навязать премьер-министру, поддерживаемому Национальным собранием, свое верховенство, и он не располагает средствами долго противостоять политике, определяемой этой новой доминирующей парой⁷.

Учреждение полупрезидентской системы правления в Республике Беларусь и Российской Федерации произошло под воздействием французской Конституции 1958 г.⁸ Но в силу политической и экономической специфики эти страны отличаются большей зависимостью правительства от президента. Правительство слагает свои полномочия только перед вновь избранным президентом, и его состав не зависит от соотношения сил в парламенте. В отличие от Франции премьер-министр назначается главой государства не единолично, а с согласия нижней палаты парламента. Но конституционный механизм разногласий такой, что решающее слово остается за президентом. Как продемонстрировала политическая практика Российской Федерации, глава государства может настойчиво предлагать одного и того же кан-

дидата (ситуация с С.В. Кириенко), а не разных, как полагали российские государственоведы⁹. В случае трехкратного, а в Республике Беларусь – двукратного отклонения президент вправе распустить парламент и назначить премьер-министром все того же кандидата. При этом избрание нового состава парламента не влечет за собой переизбрание премьер-министра. Угроза роспуска парламента дает президенту возможность иметь правительство, не пользующееся поддержкой большинства депутатов.

При рассмотрении наиболее важных вопросов государственной жизни президенты этих стран председательствуют на заседаниях правительства, но, в отличие от французского президента, не подписывают документы, принимаемые этим органом, хотя вправе отменить постановления и распоряжения правительства, противоречащие Конституции, закону или указу президента. В то же время нормативные акты Президента Беларуси (декреты, указы) и России (указы, распоряжения) не нуждаются в контрассигнации министров. В практике государственного строительства России применяется визирование указов президента рядом должностных лиц, в том числе Председателем правительства. Однако эта процедура не имеет обязательного значения для придания юридической силы акту главы государства¹⁰. Президенты не только определяют структуру правительства, но и проводят «революционные» преобразования всей системы исполнительной власти. С целью повышения эффективности органов исполнительной власти Президент Беларуси А.Г. Лукашенко создал «президентскую вертикаль», а Президент России В.В. Путин учредил институт полномочных представителей президента. Более того, В.В. Путин добивается предоставления ему права отстранения от должности избираемых народом глав исполнительной власти субъектов федерации. Президент Беларуси вправе решать вопросы, находящиеся в ведении Совета министров, соответственно он может определять целесообразность принятия того или иного решения, а также устанавливать порядок взаимодействия правительства с республиканскими органами государственного управления¹¹.

Президенты этих стран обладают широким кругом прерогатив высшей исполнительной власти, в первую очередь определяют основные направления внутренней и внешней политики государства. В настоящее время ряд министерств (Совет безопасности, Министерство обороны) подведомственны как премьер-министру, так и президенту по вопросам, закрепленным за ним Конституцией. Практика показывает, что в указах президента нередко встречаются положения, определяющие то или иное конкретное направление деятельности правительства, причем в ряде случаев на длительный срок. В последнее время значительно возросла роль Администрации Президента, которая из вспомогательного аппаратного органа при Президенте превратилась в один из главных государственных институтов власти.

Можно сделать вывод о том, что по ряду основных положений белорусская и российская модели правления, безусловно, тяготеют к президентской республике, главная черта которой – контроль президента за формированием и деятельностью правительства. Вместе с тем говорить о них как о традиционной президентской республике не вполне обоснованно. В Беларуси и России, в отличие от США, глава государства не является одновременно и главой правительства, а право председательствовать на заседаниях правительства отнюдь не тождественно непосредственному руководству этим органом, тем более, что президенты Беларуси и России достаточно редко его используют. Правительство несет двойную ответственность – перед президентом и парламентом (Палата депутатов в Беларуси и Государственная Дума в России вправе вынести вотум недоверия правительству), что является характерной чертой полупрезидентской республи-

ки. Любая разновидность «смешанной» системы правления нестабильна, и ей в определенной степени характерны черты одной из «чистых» – президентской или парламентарной. Белорусская и российская модели тяготеют больше к президентской, ведь вынесение парламентом вотума недоверия правительству, в отличие от Франции, не приводит к немедленной отставке правительства. Последнее слово остается за президентом, который вправе отправить правительство в отставку или распустить парламент. Более того, в отличие от Франции, президент вправе отправить правительство в отставку по своему усмотрению, причем независимо от мнения депутатов.

Главы Конституции Российской Федерации пронизаны мыслью о единстве президента и правительства в политическом смысле и об их четкой субординации в смысле административном. Не раз высказывается идея о том, что текущая деятельность правительства, да и осуществление исполнительной власти, направляется указами президента. Подобная ситуация сложилась и в Республике Беларусь. В отличие от Франции премьер-министр занимает подчиненное по отношению к главе государства положение, что, несомненно, исключает возникновение конфликтов между ними. Поле для самостоятельной политической деятельности у премьера весьма ограничено. Наиболее серьезным его полномочием, имеющим политический смысл, можно считать право ставить вопрос о доверии правительству. Таким образом, глава правительства может искусственно привести к роспуску нижней палаты парламента, а с другой стороны – заручиться ее поддержкой и тем самым повысить свой авторитет, что ничуть не снижает юридической зависимости правительства от президента. По сути дела правительство в Республике Беларусь и Российской Федерации выступает президентской командой.

В полупрезидентских республиках контроль за формированием и деятельностью правительства принадлежит как парламенту, так и президенту при доминирующем положении главы государства. В парламентарных республиках президенту в этом вопросе отводится незначительная роль. Его функция чисто номинальная. Влияние президента на исполнительную власть достигает наибольшего значения при президентской системе правления, когда президент является непосредственным главой правительства, а администрация формируется независимо от соотношения сил в парламенте.

¹ См.: Становление американского государства / Под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1992. С. 110.

² См.: Ушаков В. А. Америка при Вашингтоне. Л., 1983. С. 40–41.

³ Das Grundgesetz für Bundesrepublik Deutschland. Baden-Baden, 1994. S. 88.

⁴ См.: Урьяс Ю. П. Механизм государственной власти в ФРГ. М., 1988. С. 111.

⁵ См.: Ардан Ф. Франция: государственная система. М., 1994. С. 60–71.

⁶ См.: Крутоголов М. А. Президент Французской Республики. М., 1980. С. 267.

⁷ См.: Платон Фр. Исполнительная власть в Пятой Французской Республике // Президент – правительство – исполнительная власть: российская модель. М., 1997. С. 64–65.

⁸ См.: Конституция Российской Федерации: научно-практический комментарий. М., 1997. С. 63.

⁹ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1996. С. 373.

¹⁰ См.: Скуратов Ю. Парламент и президент в Российской Федерации // Конституционный строй России. М., 1995. С. 68.

¹¹ См.: Василевич Р. Органы государственной власти в Республике Беларусь. Мн., 1999. С. 41.

П.О. ПОТАПЕЙКО

ГЕНЕЗИС ИРЛАНДСКО-ОЛЬСТЕРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В XII–XVIII вв.

В середине XII в. английские феодалы, до этого ведя междоусобную войну, обратили внимание на Ирландию. Три года подряд (с 1169 по 1171 г.) их отряды высаживались на юго-востоке Ирландии. В 1171 г. вожди ирландских кланов были вынуждены признать английского короля Генриха II королем Ирландии. Именно тогда начал завязываться узел противоре-

чий, не распутанный и по сей день. На протяжении долгого времени (с XII в.) основной ареной борьбы стал юго-восток Ирландии – область вокруг Дублина, захваченная англичанами раньше всего и получившая название “Пэль” (“Ограда”). Несмотря на провозглашение Генриха королем Ирландии, на деле англичане не смогли продвинуться далее этой области. Лишь в конце XIII в. они овладели всем восточным побережьем страны, в том числе и Белфастом, нынешней столицей Ольстера¹. Позже отвлеклись вначале Столетней войной, затем войной Алой и Белой Розы и лишь при Тюдорах в XVI в. вновь “повернулись” к Ирландии. Окончательное завоевание страны произошло лишь при Кромвелле в 1649–1652 гг.²

Многие английские исследователи доказывали, что в Ирландии, где господствовал патриархально-родовой строй, придя к власти, англичане осуществляли *цивилизаторскую* миссию, принесли более совершенную систему хозяйствования, управления, судопроизводства³. Представители оксфордской школы, менее склонные к идеализации британского господства, отмечая ряд “недостатков” в английской системе управления Ирландией на протяжении веков, указывают прежде всего на тот факт, что англичане создали условия для культурного взаимообогащения двух наций.

В эпоху позднего средневековья Ольстер оставался гэльским, как и большая часть Ирландии, и не подчинялся английским законам. По выражению Л. Де Пеа, “гэльская Ирландия будто не замечала, что существует мир Позднего Средневековья – городов, национальных монархий и зарождающегося капитализма”⁴. Страной правил клан О’Нейлов, из двух ветвей которого избирался король всей страны. Вплоть до XVIII в. в стране по сути дела не было городов, существовали лишь крупные поселения и немногочисленные замки, преобладало крестьянство и даже ремесло не до конца отделилось от сельского хозяйства. И это в эпоху, когда в Западной Европе возникали мануфактуры, а Италия и Нидерланды были образцом передового развития.

Попыткой сблизить уровень развития страны с европейским и прежде всего с английским была деятельность Хью (Гуго) О’Нейла, обучавшегося в Лондоне и прибывшего в Ирландию в конце XVI в., чтобы стать ее королем. Англичане, как всегда, использовали принцип “разделяй и властвуй”, и Хью О’Нейл был их орудием в своих первых шагах (Елизавета I пожаловала ему вассальный титул графа Тиронского). Он в союзе с англичанами разгромил давних соперников О’Нейлов – великого графа О’Доннелла и его клан, господствовавший на юге острова⁵, но затем повел свою игру, используя возмущение католических масс населения Реформацией, насаждавшейся англичанами, а также полной безнаказанностью захватчиков, не забывавших, что английские монархи не слагали с себя титул короля Ирландии. О’Нейл заключил союз с О’Доннеллом и начал 9-летнюю войну против Тюдоров (1595–1603 гг.). Однако союзники проиграли ее и были вынуждены подписать договор с англичанами, по которому сохраняли большую часть своих владений, но Ольстер и ряд других областей переходили под управление английской короны. В 1607 г. после того, как был раскрыт их новый заговор, оба бежали в Испанию и Италию, что оказало огромное влияние на развитие событий⁶.

В средние века английская администрация проводила двойственную политику по отношению к гэльскому населению, борясь с чуждой культурой, но в то же время стремясь максимально оградить от нее выходцев из Англии. В Пэле действовали законы, запрещавшие использование англичанами гэльского языка и следование местным обычаям, но самое главное – для англичан существовало английское законодательство. Килкеннийский статут 1366 г. запрещал англичанам всякое общение с местными жителями. Несмотря на это, в Пэле сложилась влиятельная и богатая прослойка анг-

ло-ирландских семейств, владевших значительной земельной собственностью. Представители англо-ирландского рода Джералдинов – Десмонды и Килдэры – почти монополизировали должность наместника Ирландии.

Столетиями англичане не разрабатывали четкую политику в отношении Ирландии⁷, поскольку имели множество забот, связанных то с Францией, то с Шотландией, то с внутренней ситуацией (война Алой и Белой Розы). Начало настоящей колонизации Ирландии и оформление продуманной политики в этом вопросе совпали с отказом Тюдоров от интересов на континенте. Но к этому времени в связи с Реформацией к культурным, социальным и экономическим добавились конфессиональные различия, вышедшие вскоре в общественном сознании на первый план. Это было обычное в XVI веке, веке религиозных войн, но в Ирландии условия для религиозной окраски противостояния общин сохранились до наших дней.

Первым серьезным шагом в области колонизации стало заселение англичанами ряда областей Центральной Ирландии при католической королевской чете – Марии I и Филиппе Испанском (1553–1558 гг.)⁸. При Елизавете I подобные попытки имели место в Восточном Ольстере и Манстере после подавления ряда восстаний и 9-летней войны, когда разрабатывались различные планы решения "ирландского вопроса"⁹. Например, командующий армией в Ирландии и победитель в 9-летней войне лорд Монтджой предлагал поступать с ирландцами, как с дикарями, поскольку они упорствуют в "папистских суевериях". В 1607 г. наместник Ирландии лорд Чичестер подготовил план заселения конфискованных земель О'Нейлов и О'Доннеллов, предполагавший отход меньшей их части к надежным ирландцам и англо-ирландцам и распределение большей части между колонистами из Британии (не только англичанами, но также валлийцами и особенно шотландцами, поскольку на английском троне уже был шотландский король Яков Стюарт). Именно шотландцы-пресвитериане составили действительно серьезную волну колонизации, причем только в Ольстере, который был ближе всего к Шотландии и имел давние тесные связи с ней. В остальной части страны колонизация шла вяло, т. к. для лендлордов экономически выгоднее было оставлять в качестве арендаторов и батраков прежних владельцев, готовых на все, чтобы остаться на родной земле. Ирландцы либо становились арендаторами и батраками у новых хозяев, либо уходили в леса и горы. В XVII в. население страны, еще недавно превышавшее количество жителей Британии, стало стремительно сокращаться. Уже один этот факт многое говорит о "цивилизаторском" характере британского господства.

Ситуация, возникшая в результате первого этапа колонизации (XVI – середина XVII в.), напоминала положение в Северной Америке, где укрепленные поселения колонистов были островками во враждебной стране, в то время как коренные жители готовились отомстить и вернуть свои земли. Эта ненависть усугублялась религиозным противостоянием. К середине XVII в. в Ирландии, в том числе и в Ольстере, можно выделить **5 религиозно-социальных общин**: 1) самая крупная – католическая ирландская община, составлявшая большинство везде, кроме Ольстера; 2) новые поселенцы-англичане, исповедовавшие англиканство; 3) выходцы из Шотландии, пресвитериане по вере, расселившиеся в основном в Ольстере, где составили большинство; 4) так называемые "старые англичане" – потомки тех, кто заселял Пэль, начиная с XII в., в основном оставшиеся католиками; 5) и наконец, англо-ирландские (в основном аристократические) семьи, идентифицирующие себя не с Англией и не с гэльской Ирландией, а с единым королевством, отличавшиеся веротерпимостью и ставшие главной опорой Стюартов. Королевская власть выступала в качестве посредника между общинами, относившимися друг к другу с недоверием и враждебно-

стью, усугублявшимися складыванием новых экономических отношений. Вместе с тем почти все общины Ирландии объединились в конце 30-х годов XVII в. против политики Стюартов, обещавших католикам привилегии при раздаче земель, но на деле разделявших их среди приближенных короля. Осуществлявший эту политику наместник лорд Уэнтворт в результате был отозван и казнен, что послужило толчком для нового восстания 1641–1650 гг. и ненадолго привело к почти полной независимости страны¹⁰.

Кромвель жестоко подавил восстание и провел крупные земельные конфискации, в результате которых большинство старых владельцев лишились земель, а на смену им пришел новый класс землевладельцев – в основном солдат и офицеров парламентской армии, а также новых дворян (как правило, пресвитериан). Таким образом, начался новый этап колонизации Ирландии, завершившийся к началу XVIII в. полной победой новых владельцев. Даже после Реставрации далеко не все земли были возвращены прежним хозяевам. Максимальное сохранение итогов ирландской политики Кромвеля было одним из условий, на которых “новые дворяне” и купечество согласились на возвращение короля. Поэтому были осуществлены компромиссные шаги – часть земель вернули сторонникам Стюартов, а часть – утвердили за новыми владельцами, что было закреплено “Актом об управлении Ирландией” (1662 г.). Новая волна конфискаций, проведенная “оранжистами” (сторонниками Вильгельма III) в 1690-е годы, также мало изменила положение¹¹.

В конце XVII в. Ольстер являлся самой процветающей провинцией Ирландии¹². Протестанты шотландского происхождения не подвергались притеснению. В городки Ольстера переселялись шотландские ремесленники, что привело к развитию ремесел и появлению именно в это время в Ольстере настоящих городов. Кроме того, в сельском хозяйстве Ольстера существовало такое явление, как “ольстерский порядок” аренды, предусматривавший льготные условия и минимальное вмешательство лендлорда в вопросы хозяйствования. Именно введение “ольстерского обычая” было одним из главных требований арендаторов-католиков в других областях Ирландии. Для ольстерского арендатора было выгодно расширять производство, что вело к росту производительности труда и более быстрому развитию провинции до начала промышленного переворота¹³.

Характер землевладения в Ирландии изменился, но вместе с тем сохранялись и восстанавливались оазисы разрушенного гэльского общества, укрепленные фермы и поселения. Распределение же земель, завершившееся при Вильгельме III Оранском, исключило всякую возможность возвращения господствующих позиций католикам. В этот период шло создание единых правовых норм для всего ирландского населения, закреплявших привилегированное положение протестантов и дискриминацию по отношению к католикам. Англичане не стремились искоренить “папистские заблуждения”: им было достаточно загнать католичество в подполье¹⁴.

Длительная мирная эпоха в XVIII в. привела к процветанию находившихся в Ирландии у власти земельных собственников, сосредоточивавшихся в крупных городах и Ольстере. Угнетению подвергались не только католики, но и так называемые “диссентеры” – протестанты-сектанты (квакеры, баптисты и др.). В первой половине XVIII в. католики связывали свои надежды с эмиграцией во Францию, возглавляемой Стюартами, хотя там лидировали шотландские клановые вожди, и остатками эмиграции О'Нейлов и О'Доннеллов в Испании. Во французской армии была даже ирландская бригада сторонников Стюартов¹⁵. Но неудачные попытки Стюартов вернуть власть (экспедиции 1715 и 1745 гг.) породили отчаяние и первую волну ирландской эмиграции в Америку.

К середине XVIII в. в Ирландии, как и в большинстве стран Европы, завершался процесс складывания нации, обусловленный как объективным изменением социально-экономических отношений, так и во многом именно жесткой сегрегацией и притеснением, будившими национальное самосознание. Если в других странах Европы процесс формирования нации был связан с образованием национальных государств, то в Ирландии его стимулировало противодействие угнетателям. Неудивительно, что ирландское национально-освободительное движение было окрашено в религиозные тона. В Ольстере дело обстояло сложнее, т. к. здесь отсутствовал фактор *религиозной* дискриминации, но тут постепенно формировались *ольстерцы* – особая англоязычная этническая группа, стоящая на стыке трех наций Британских островов. В XVIII в. Ольстер оставался самым стабильным и веротерпимым регионом страны, во что сейчас верится с трудом. Ситуация изменилась в эпоху промышленного переворота в результате массового притока католиков-гэлов в города Ольстера в поисках работы.

В результате длительного мирного периода население Ирландии стало быстро возрастать, что обострило земельную проблему. Противоречия усилились на двух уровнях: 1) между лендлордами и арендаторами; 2) между арендаторами-протестантами и арендаторами-католиками. К этому прибавлялись рост налогов помещикам и церкви, изъятие участков у арендаторов и отказы возобновлять аренду на приемлемых условиях¹⁶. Названные процессы привели к тому, что в 60-е годы XVIII в. разгорелись аграрные конфликты с религиозной окраской. Возникали тайные общества католиков и диссентеров, стремившиеся заставить помещиков и священников умерить требования. В истории Ирландии это была единственная эпоха, когда наблюдалась поддержка этих обществ и частью протестантов, что встревожило правящие круги и лендлордов.

В то же время сами лендлорды по примеру американских колоний в 1770–1780 гг. стали выражать недовольство господством Лондона и стремились получить право самим разрабатывать законы для своей страны. К концу Североамериканской войны в Ирландии начали формироваться отряды вольонтеров. Их съезд в 1782 г. выдвинул требования о праве колонистов издавать законы бесконтрольно. Парламент в Дублине еще существовал, но уже не имел такого права, хотя там и заседали представители англо-ирландской элиты.

Правительство пошло в 1782–1783 гг. на уступки и освободило дублинский парламент от контроля, а ирландскую торговлю от ряда ограничений¹⁷. Такие меры устраивали аристократов, хотя исполнительная власть осталась в руках британской администрации. Но если ранее Джералдины и другие англо-ирландские семьи влияли на массы, заняв место О'Нейлов и завоевав авторитет умеренной и сбалансированной политикой посредничества, то теперь они устранялись от такого влияния, добившись своих целей.

Появление вооруженных отрядов католиков и диссентеров вызывало тревогу как элиты, так и протестантской общины. В ответ на их действия протестанты создали свои организации, что в свою очередь привело к созданию крупной католической организации "Защитники", объявившей целью борьбу с протестантами и лендлордами. В 1790-е годы был создан протестантский "Оранжевский орден", до сих пор играющий важную роль в событиях в Северной Ирландии. Таким образом, в ирландском национальном движении переплелись религиозные и социальные мотивы.

В этот период на ситуацию стали воздействовать события Французской революции. Радикалы из всех общин, но прежде всего из среды католиков и диссентеров, создали в 1791 г. в Белфасте общество "Объединенные ирландцы", игравшее ведущую роль в последовавших событиях. Вначале в нем лидировали либералы, но затем усилились радикалы, ориентировав-

шиеся на французских якобинцев. В 1790-х годах по всей стране создавались отделения как “Объединенных ирландцев”, так и оранжистов. Аристократы создавали лоялистские ассоциации и склонялись к союзу с оранжистами.

В 1796–1797 гг. провалились две французские экспедиции в Ирландию при участии отрядов ирландских радикалов. В Ирландии назревало восстание, и для протестантской общины встал вопрос, кого поддержать – власть и лендлордов или католиков и повстанцев, что привело к расколу “Объединенных ирландцев”. Либералы сблизилась с лоялистами, а радикалы взяли решительный курс на восстание, отделение от Великобритании и создание республики.

Власти в ответ стали разоружать население, разгромили ряд отделений “Объединенных ирландцев” и ввели военное положение, начав репрессии. Тогда вспыхнуло плохо подготовленное восстание протестантов в Ольстере и Уэксфорде, а также католиков на юге Ирландии, организованное лидерами “Объединенных ирландцев”, стремившимися объединить народ независимо от религиозных различий. Почти месяц, в мае–июне 1798 г., на Севере и Юге существовала республика, но к концу июня английские войска разгромили восстание. Назовем причины этого поражения:

во-первых, разжигание властями религиозной розни (после протестантского восстания в Ольстере пошла молва о зверствах восставших *католиков* и грядущих погромах);

во-вторых, страх либеральных лендлордов и элиты перед якобинским восстанием и сближение с оранжистами как противовесом “Объединенным ирландцам”;

в-третьих, Франция, гарантировавшая поддержку восстанию, практически не оказала помощи, не считая незначительных десантов¹⁸;

в-четвертых, восстание было начато поспешно, экспромтом, без единой программы и должной подготовки.

Последствия восстания 1798 г. были глубоки и длительны. Кабинет Питта решил покончить с ирландской проблемой, создав унию с единым парламентом. В январе 1801 г. акт об Унии вступил в силу. Хотя разгром восстания надолго “успокоил” страну, оно положило начало ирландскому национальному движению в современном смысле как участию католической общины в массовом политическом движении. В то же время произошел крах идей совместной борьбы протестантов и католиков. Был период, когда казалось, что различия между колонистами и коренным населением не мешают их борьбе за общие интересы. Но в конце XVIII в. в силу перечисленных причин развитие пошло противоположным путем.

¹ См.: Money penny W. R. The Two Irish Nations. Oxford, 1912. P. 25.

Newewark F. N. Ulster Under Home Rule. Oxford, 1955. P. 7.

² См.: Макардл Д. Ирландская республика: Пер. с англ. М., 1957. С. 52.

³ См.: Де Пеа Л. Расколотый Ольстер: Пер. с англ. М., 1974. С. 28

⁴ Гривз Д. Ирландский кризис: Пер. с англ. М., 1974. С. 12.

⁵ См.: Там же. С. 17.

⁶ См.: БСЭ. 1953. Т. 18. С. 457.

⁷ Грибин Н. П. Трагедия Ольстера. М., 1983. С. 36.

⁸ См.: Де Пеа Л. Указ. соч. С. 22.

⁹ См.: Там же. С. 12.

¹⁰ См.: Гривз Д. Указ. соч. С. 24.

¹¹ См.: Макардл Д. Указ. соч. С. 15.

¹² См.: Гривз Д. Указ. соч. С. 32.

¹³ Де Пеа Л. Указ. соч. С. 25.

¹⁴ См.: Гривз Д. Указ. соч. С. 69.

¹⁵ См.: Де Пеа Л. Указ. соч. С. 39.

¹⁶ См.: Матюнин Э. Н. Ольстер: истоки кризиса и современность. Л., 1983. С. 5.

¹⁷ См.: Де Пеа Л. Указ. соч. С. 45.

¹⁸ См.: Макардл Д. Указ. соч. С. 33.

В. Ф. ВОЛОСАЧ

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Распад СССР, крах социалистической системы в Центральной и Восточной Европе привели к образованию новых, независимых государств, что в свою очередь означает создание новых экономик. Социалистический словарь экономической лексики, включавший ранее лишь капиталистические, социалистические и развивающиеся страны, пополнился новым выражением – «страна с переходной экономикой». Термин «переходная» обозначает твердую уверенность государства в необходимости создания рыночной экономики как в единственно приемлемом варианте обустройства общества (Беларусь приняла в качестве своей цели социально ориентированную рыночную экономику). Но за короткий период трудно подготовить условия для успешного существования и развития рыночной экономики, то принято считать, что экономики данных стран находятся в транзитивной стадии (стадии перехода). На данный момент в эту группу входят: Албания, Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Венгрия, Македония, Польша, Румыния, Словацкая Республика, Словения и 15 бывших союзных республик.

Несмотря на то, что участвовать в формировании рыночной среды могут и должны различные общественные движения, негосударственные организации и объединения, представители бизнеса, все же главная роль отводится государству.

Переходная экономика отличается от развитой рыночной в силу ряда причин, часть которых находится в сфере кредита и денежного обращения. Контролируемый правительством центробанк, нестабильное макроэкономическое положение, контролируемые и искусственно заниженные процентные ставки, значительные объемы просроченной задолженности предприятий, наличие одноуровневой банковской системы, мягкие бюджетные ограничения для государственных отраслей промышленности, контроль над заработной платой и ценами, избыток денежных средств, отсутствие четко определенных прав собственности – подобные факторы лишают права называть экономику «рыночной» и накладывают ответственность на правительство в переходный период.

Все вышеперечисленные основные особенности переходной экономики можно разделить условно на три группы:

1. Касающиеся деятельности центробанка.
2. Характерные для банковской системы.
3. Относящиеся к многим секторам экономики.

Центробанк, контролируемый правительством, не в состоянии проводить самостоятельную продуманную политику, направленную на стабилизацию денежного рынка. Поэтому ограниченный в действиях центробанк (для Беларуси – Национальный банк) не может похвастаться такими великолепны-

ми результатами, как, например, стабилизация немецкой марки в 1923–1924 гг. в удивительно короткие сроки при необходимости выплачивать огромную контрибуцию после поражения в Первой мировой войне. Немецкий Бундесбанк до сих пор считается во всем мире наиболее независимым от правительства.

Однако известны случаи, когда центробанк, имея определенную самостоятельность, не оказывал необходимого воздействия на денежный рынок с целью стабилизации либо его действия были несвоевременными. Следует отметить, что основные проблемы, которые нужно решить при переходе к рынку, концентрируются в сфере ценообразования на денежном рынке: определение спроса на деньги, предложение денег и их увязки. Как известно, классический вариант построения кривой спроса на деньги заключается в горизонтальном складывании двух его составляющих – *спроса на деньги для сделок и со стороны активов*.

Спрос на деньги для сделок выражается в необходимости обслуживать бизнес (расчет с поставщиками, выплата заработной платы, уплата налогов) и характеризуется слабой зависимостью от ставки процента (т. е. практически неэластичен).

Спрос на деньги со стороны активов обратно зависит от ставки процента, так как он заключается в желании экономических агентов держать часть своих активов, например, в деньгах, а не в ценных бумагах. С увеличением ставки процента (цены денег) становится невыгодным держать свое богатство в деньгах, поэтому ищутся более выгодные активы для этого (золото), а спрос на деньги падает.

Горизонтальное суммирование дает нам зависимость общего спроса на деньги от ставки процента, причем величина спроса обратно пропорциональна ставке процента.

Переходная экономика и процессы, идущие в ней, могут коренным образом изменить вид зависимости спроса на деньги от процентной ставки в связи с тем, что при наличии значительного уровня инфляции длительное время ставка процента перестает играть роль рыночного индикатора, и денежные ресурсы больше не могут распределяться эффективно. Создается ситуация, чем-то напоминающая скрытую инфляцию на реальном рынке, которая проявляется в виде длинных очередей перед магазинами. Можно провести такую аналогию: под какой процент ни брался бы кредит – ничего не будет стоить вернуть обесцененные инфляцией деньги. Происходит перераспределение средств от кредиторов к получателям кредита, причем кредит получают не наиболее высококорентабельные инвестиционные проекты, а те, что имеют доступ к «кормушке». Зависимость спроса на деньги от ставки процента теряет свой классический вид.

Поквартальный анализ процентных ставок в Республике Беларусь за 1993–1999 гг. позволяет сделать неутешительный вывод о том, что вышеописанная ситуация является абсолютной реальностью для нашей республики. Так, в 1993 г. реальные процентные ставки по кредитам и депозитам колебались соответственно в пределах от –87,1 до –97,1 и от –86,8 до –97,4 процентов годовых, в 1994 г. от –77,2 до –93,5 (по депозитам от –79,0 до –95,6) процентов годовых, в 1995 – от –85,8 до 60,1 (от –89,8 до 18,6), в 1996 – от 41,2 до –11,2 (от 11,7 до –27,2), в 1997 – от –40,9 до –1,7 (от –50,3 до 13,5), в 1998 – от –13,4 до –89,0 (от –21,9 до –90,2), в первом полугодии 1999 г. от –38,2 до –72,0 (от –49,4 до –75,9) процентов годовых¹. Таким образом, положительных ставок процента по депозитам и кредитам удавалось достичь лишь на период со II квартала 1995 по III квартал 1996 г., что явилось скорее исключением, чем самим правилом.

Государственные органы управления экономикой такое положение не устраивало, так как ограничивало их влияние на экономику. Один из основ-

ных классических способов стимулирования экономики через увеличение совокупного спроса связан с предоставлением более выгодных условий для инвестиций: государство увеличивает предложение денег – это приводит к снижению ставки процента – инвестиции увеличиваются (падает цена пользования кредитом, менее прибыльные проекты становятся выгодными) – растет совокупный спрос, а в итоге и валовой национальный продукт.

В переходной же экономике процент, обусловленный высокими темпами инфляции, неадекватно реагирует на рост денежной массы в сторону повышения, отрицательно влияя на и без того невысокий уровень инвестиций. Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, снижение предложения денег повышает ставку процента, с другой – рост предложения денег также увеличивает ставку процента. Об этом же свидетельствуют и статистические данные: прирост денежного агрегата М3 (включающего наличные деньги в обращении, вклады до востребования, срочные вклады в национальной валюте и вклады в иностранной валюте) составлял в 1994–1998 гг. соответственно 1852, 164, 52, 111 и 276 %. Экономика, постоянно получая подобного рода «наркотическую» подпитку, не в состоянии больше реагировать ростом инвестиций, эффект «дешевых» денег сводится к нулю, а оставленный без улучшений инвестиционный климат снизил показатель инвестиций за I половину 1999 г. по отношению к такому же периоду 1998 г. на 3,2 %⁴.

Ситуация с неконтролируемым и неадекватно себя ведущим спросом на деньги усугубляется необходимостью контролировать и не допускать значительного увеличения предложения денег, что является основным источником инфляции. Для правительства же выгодно увеличение количества денег, так как необходимо осуществлять значительные расходы (поддержание социальной сферы, льготные кредиты «жизненно важным» отраслям), а источников финансирования дефицита государственного бюджета (ввиду неразвитости реального рынка, отсутствия ощутимого роста в производственной сфере) не так уж много.

Для получения «внешнего» кредита со стороны международных финансовых организаций (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития) необходимо выполнить ряд предварительных условий, касающихся структурных преобразований в экономике, создание и укрепление частного сектора (приватизация) и т. д. Если руководство страны не считает необходимым «идти на поводу» у зарубежных кредиторов, то для финансирования дефицита государственного бюджета приходится изыскивать внутренние резервы.

Поскольку выпуск и эффективное использование рынка государственных ценных бумаг в своем воздействии ослаблены неразвитостью рынка ценных бумаг, то (не считая увеличения налогов) остается последнее, проверенное средство – своего рода «волшебная палочка» – выпуск денег, доход государства от которого (**сеньораж**) будет возможен до тех пор, пока этому позволяет незначительная инфляция.

Таким образом, с целью упорядоченности деятельности и создания основ для осуществления здоровых рыночных отношений на денежном рынке недостаточно изучать поведение и контролировать значение денежного мультипликатора (что связано с деятельностью банковской системы), но и необходимо не допускать значительного (неоправданного) роста показателя денежной массы, составной частью которого является кредит правительству, выделяемый центробанком.

Остановимся на некоторых аспектах банковского сектора в переходной экономике, особенностью которого является достижение конкуренции, отсутствовавшей в прежние социалистические времена. Основной проблемой является существование одноуровневой монобанковской системы, где один

банк является центробанком (эмиссионным) и непосредственно кредитором народного хозяйства. Ориентиром в данном положении может быть двухуровневая система в развитых рыночных странах.

Следует отметить, что ряд государств с переходной экономикой (в том числе и Беларусь) уже достигли создания двухуровневой банковской системы, однако такая система содержит специализированные банки, которые занимаются выдачей кредитов и рефинансирование которых в значительной степени проводится за счет центробанка, который получает средства от Сбербанка.

Образуется следующая система:

- Центробанк;
- Внешэкономбанк (осуществляющий валютные операции);
- Ряд специализированных банков (например, Агропромбанк, Промстройбанк и т. д.);
- Сбербанк (обслуживает население, имеет много отделений).

Все вышеперечисленные банки либо непосредственно принадлежат государству, либо государство владеет их контрольными пакетами акций (напрямую или через контролируемые государством организации). Следовательно, такую систему нельзя назвать двухуровневой по меркам мировой практики. Скорее она является двухуровневой сегментированной.

Каждый специализированный банк предоставляет кредиты определенной отрасли народного хозяйства, причем часто по льготным процентным ставкам на основе устанавливаемых центробанком преференциальных ставок рефинансирования. Как и большинство их клиентов, банки действуют в условиях мягких бюджетных ограничений. Кредиты выдаются «по плану», без учета рисков по возврату. Спрос и предложение кредитов не являются эластичными к процентной ставке.

Таким образом, конкуренция отсутствует (либо держится на незначительном уровне), так как каждый специализированный банк занимает господствующее положение в определенном сегменте рынка.

Что же касается влияния денежно-кредитной политики в целом на народное хозяйство, то в переходной экономике оно часто не проявляется в макроэкономическом регулировании. Решения об объеме кредитования, его распределении и стоимости принимаются «сверху». Используются методы как непосредственного регулирования процентных ставок, так и различные выборочные сочетания кредитных ресурсов, которые больше способствуют достижению некоторых микроэкономических целей, чем макроэкономической стабилизации. Для последней применяется полный контроль над ценами, заработной платой и внешней торговлей, обеспечивается гарантия занятости и сохраняется неконвертируемость валюты. Проводимое же вместе с этим увеличение денежной массы, которое в рыночной экономике привело бы к инфляции и дефициту платежного баланса, выливается в длинные очереди за потребительскими товарами, возникает «черный» рынок, а экономика получает нежелательное «наследие» перед переходом к рынку – избыток денежной массы.

При решении вышеназванных проблем государство (в лице центробанка) может пользоваться различными методами воздействия. Поскольку с подобными сложностями столкнулись сразу несколько десятков стран с переходной экономикой, применив их на практике, то появилась возможность изучать, анализировать и классифицировать разнообразие направлений. Такого рода анализ позволяет сделать вывод о том, что инструментарий центробанка в его воздействии на денежно-кредитную политику составляют методы прямого и косвенного воздействия.

Инструменты прямого влияния непосредственно воздействуют на банковские кредиты и, проявляясь в виде нормативных положений, несут с со-

бой установление или ограничение цен (процентных ставок) или объемов (кредитов), отражаются на балансе коммерческих банков. В свою очередь методы косвенного воздействия влияют на банковскую ликвидность и их кредитные возможности, на условия спроса и предложения кредитных ресурсов и, сказываясь через рынки, отражаются на балансе центробанка.

Прямой денежно-кредитный контроль включает в себя *лимиты на процентную ставку* и *кредитные потолки*. *Лимиты на процентную ставку* устанавливаются административно, сюда же относятся регулирование ставки рефинансирования и фиксация маржи.

Кредитные потолки бывают нескольких видов: *выборочные, общие и чистые*. Выборочный кредитный контроль устанавливается для определенных секторов экономики, бывает положительным и отрицательным.

При положительном выборочном контроле устанавливается верхний предел для определенных видов ссуд с целью диверсификации кредитов и снижения риска невозврата либо для увеличения макроэкономической стабильности, когда «мертвому» сектору предоставляется ограниченный доступ к кредитованию.

При отрицательном выборочном контроле фиксируется нижний предел при кредитовании основных секторов (например, сельского хозяйства). При этом преследуется микроэкономическая цель поддержки жизненно важного сектора, переживающего спад.

Общие кредитные потолки распространяются на все банки, которые ограничиваются максимальными темпами роста кредита. Если при этом ввести налоговый штраф за превышение и разрешить торговлю неиспользованными кредитными ресурсами в пределах лимита, то можно достичь роста конкурентоспособности среди банков.

При использовании чистых кредитных потолков банкам можно превышать установленные лимиты, если кредиты финансируются за счет привлечения долгосрочных вкладов (это меньше отражается на инфляции, чем при финансировании за счет текущих вкладов).

Денежно-кредитные инструменты косвенного воздействия включают в себя обязательные резервы, операции на открытом рынке и прямое кредитование со стороны центробанка. Суть обязательных резервов заключается в необходимости банков держать часть своих активов в центробанке в виде депозитов и (или) других соответствующих активов. Обязательные резервы ограничивают имеющиеся у банка свободные резервы и тем самым его возможности по предоставлению кредита.

К операциям на открытом рынке относится купля-продажа центробанком ценных бумаг. Покупка ценных бумаг у банковского и небанковского секторов повышает ликвидность банковской системы, продажа – снижает ликвидность. Продажа ценных бумаг небанковскому сектору способствует конкуренции внутри финансовой системы.

При прямом кредитовании со стороны центробанка речь идет о редисконте ценных бумаг, выдаче кредитов под залоговое обеспечение, рефинансировании некоторых приемлемых кредитов коммерческих банков, предоставлении кредитов, не требуя какого-либо обеспечения.

Анализ тенденций мирового развития свидетельствует о всеобщем переходе от практики использования методов прямого контроля к косвенному регулированию денежно-кредитной сферы как более рыночному варианту экономической политики. Таким образом, можно отметить переориентацию государства в экономической жизни страны и его потенциала: если раньше отношения между государством и бизнесом во всем мире можно было охарактеризовать как отношения «начальник – подчиненный», то в последние годы стабильного экономического роста добиваются страны, где государство и частный сектор выступают как партнеры, у каждого из которых есть свои права и обязанности.

Следует отметить, что отдельным условием для интеграции Республики Беларусь в мировые экономические отношения является переход на методы косвенного влияния на денежный рынок, хотя на начальном этапе рыночных преобразований экономики отказаться от методов прямого воздействия невозможно. Следовательно, совершенствование государственной экономической политики в области кредита и денежного обращения как части общего трансформационного процесса в Беларуси видится в постепенном переходе от первоначального использования методов прямого воздействия к косвенным.

¹ См.: Экономические тенденции в Беларуси (В.Е.Т.). Мн., 1999.

² См.: Экономика Беларуси: векторы развития и факторы устойчивого роста. М., 1999.

А. В. КОРЗЮК

КРАТКОСРОЧНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБЪЕМА ПРОИЗВОДСТВА И ИНФЛЯЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РОСТА СОВОКУПНОЙ РУБЛЕВОЙ ДЕНЕЖНОЙ МАССЫ И УРОВНЯ ИНВЕСТИЦИЙ

В настоящей работе предложен метод краткосрочного прогнозирования (финансовый год) уровня инфляции, а также номинального и реального объемов выпуска (ВВП), зная ожидаемое изменение объема совокупной рублевой денежной массы (СРДМ, агрегат М3) и планируемый уровень инвестиций. При этом оценки номинального роста ВВП и ожидаемого при заданном расширении денежной массы уровня инвестиций делаются на основе ранее полученных **мультипликаторов**. Отметим, что ожидаемое изменение объема СРДМ тоже можно спрогнозировать подобным образом. Данная статья является небольшой частью глобального исследования, посвященного созданию мультипликативной модели национальной экономики, и публикуется в связи со значимостью данного вопроса для нашей республики (высокий уровень инфляции и связанная с этим необходимость оценивать именно реальное изменение ВВП).

Номинальный рост выпуска без учета инфляции слабо отражает реальную картину в экономике. Не случайно на практике столь широко используются индексы цен (дефляторы) по отдельным отраслям и по экономике страны в целом. Такой подход одинаково применим как для нашей республики, так и для США или Индонезии.

Пусть номинальная стоимость текущего (планируемого) ВВП равна Y , а в предыдущем финансовом году – Y_{-1} . Тогда номинальный рост составит $\Delta Y = Y - Y_{-1}$. Мы будем исходить из предположения, что номинальный прирост ВВП может быть разбит на две составляющие: **стоимостную** (или инфляционную) – отражает рост цен на произведенную продукцию при неизменном физическом объеме; и **объемную** (или физическую) – отражает физическое изменение объема выпуска. Данный подход является общепотребительным в макроэкономике – на настоящий момент большинство практически используемых макроэкономических моделей учитывают инфляционные процессы сходным образом: достаточно вспомнить, что отраслевые дефляторы производства и агрегированный (на основе выпуска народного хозяйства в целом) дефлятор ВВП являются одними из важнейших макроэкономических показателей. В наиболее общем виде можно записать:

$$Y = g_r g_r Y_{-1},$$

g_r – дефлятор ВВП, отражающий удорожание выпуска; g_r – акселератор реального выпуска, отражающий реальный рост; Y_{-1} – объем выпуска в предшествующем периоде в ценах предшествующего периода.

Свяжем инфляцию и рост реального выпуска с денежно-кредитной политикой государства. В данной работе для простоты изложения будем предполагать, что уровни налоговых изъятий и государственных расходов фиксированы и не оказывают влияния на дальнейшую цепочку рассуждений.

Учитывая, что “при свободном плавании национальной валюты и сбалансированных внешнеторговых отношениях обесценивание национальной денежной единицы полностью обусловлено размером эмиссии центрального банка”² (в 1994 г. номинальный курс BLR/USD увеличился в 15,2 раза, а совокупная рублевая денежная масса (М3) – в 14,7 раза), получим, что *при простом увеличении денежной массы (доля инвестиций постоянна) изменение реального ВВП незначительно*. Тогда можно ввести в рассмотрение параметр g_0 – “естественный” уровень роста реального ВВП. Его величина составит порядка 1,01–1,02, т. е. 1–2 % в год. Таким образом, мы предположили, что *при текущем неизменном отношении инвестиций к ВВП должен будет наблюдаться “естественный” рост реального ВВП на уровне g_0* . Данное допущение является принципиальным, а величина g_0 оценена исходя из того, что в XX в. среднегодовой рост реального ВВП в США составил примерно 3 %.

Пусть за счет эмиссионной политики Нацбанка произошел прирост денежной массы ΔM . В свою очередь это вызвало прирост номинального выпуска ΔY ³:

$$\Delta Y = \frac{\Delta M}{k + \beta(1 - c_0)(1 - \theta)} = \Delta M m_{mon},$$

где $m_{mon} = \frac{1}{k + \beta(1 - c_0)(1 - \theta)}$ – денежный мультипликатор, связывающий

рост производства в стоимостном выражении с ростом денежной массы; k – коэффициент А. Маршалла (часто используется макроэкономический показатель $V=1/k$ – скорость обращения денег); β – доля объема тезаврации от сбережений S домашних хозяйств; c_0 – предельная склонность к потреблению; θ – средний уровень налоговых изъятий.

При неизменности доли инвестиций требуемый номинальный их прирост должен составить:

$$\Delta I = \Delta Y(1 + m(1 - m^* + \eta) - c_0(1 - \theta)) = \frac{\Delta Y}{m_{inv}},$$

где m и m^* – предельные склонности к импорту рассматриваемой страны и остального мира соответственно; η – доля инвестиционного продукта иностранного происхождения в составе импорта;

$m_{inv} = \frac{1}{1 + m(1 - m^* + \eta) - c_0(1 - \theta)}$ – обобщенный мультипликатор инвестиций⁴.

При этом реальный прирост ВВП равен естественному:

$$Y = g_0 Y_{-1} \text{ или } Y_{-1} + \Delta Y = g_0 Y_{-1}, \text{ откуда } g_t = \frac{Y_{-1} + \Delta Y}{g_0 Y_{-1}} = \frac{1}{g_0} \left(1 + \frac{\Delta Y}{Y_{-1}}\right).$$

Для g_0 близких к единице $g_t = \frac{1}{g_0} \left(1 + \frac{\Delta Y}{Y_{-1}}\right) := \left(1 + \frac{\Delta Y}{Y_{-1}} - (g_0 - 1)\right)$, т. е. номи-

нальный прирост выпуска “распадается” на “естественный” фактический прирост (небольшой – $g_r = g_0$) и инфляционный прирост, примерно равный разности “номинальный прирост минус естественный”.

На практике весьма маловероятно, что фактический (планируемый) рост инвестиций совпадет с требуемым, рассчитанным выше. В случае превы-

шения фактического уровня капитальных вложений над требуемым при той же эмиссии будет наблюдаться повышенный прирост реального ВВП $g_r > g_0$ и соответственно меньшая величина дефлятора g . В случае же пониженных фактических инвестиций $g_r < g_0$, $g_r < 1$ будет означать сокращение реального выпуска в масштабах народного хозяйства, при этом дефлятор ВВП превысит темпы роста совокупной рублевой денежной массы.

Ясно, что можно наращивать номинальный прирост ВВП различными путями: эмиссия Нацбанка, снижение средних норм резервирования и избыточных резервов коммерческих банков – рост денежной массы в обороте; повышение государственных расходов (за счет внешних либо внутренних займов или опять же денежной эмиссии); снижение налогов. *При этом реальный ВВП может расти значительно, незначительно или даже падать.*

Одной из важнейших задач любого государства является обеспечение устойчивого экономического роста, т. е. постоянного повышения фактического выпуска и связанного с этим роста жизненного уровня населения. Мы сталкиваемся с дилеммой: *потребить сейчас либо инвестировать с расчетом на повышенное потребление в будущем.* Экономическая активность в значительной степени связана с отсрочкой части текущего потребления ради увеличения запаса капитала⁵: “Каждый раз, когда мы делаем инвестиции – строим новые заводы или дороги, увеличиваем длительность или качество образования или повышаем запас нужных технических знаний, мы повышаем будущую производительность экономики и уровень будущего потребления”⁵. Таким образом, мы приходим к идее “разумности” расходов: если расходовать деньги, то на что-нибудь полезное. С точки зрения краткосрочного повышения экономической активности и для уничтожения нищеты при безработице эффективны следующие меры:

- выплачивание безработным пособия;
- создание искусственной работы (выкапывание и закапывание ям);
- обеспечение настоящей работой (строительство дороги);
- предоставление предприятиям долгосрочных кредитов под низкий процент;
- и т. д. с целью ввести деньги в оборот и тем самым вызвать расширение производства.

Данный список выглядит несколько странно, ведь долгосрочные последствия действий из приведенного списка, наверняка, приведут к различным последствиям в длительном периоде. При этом необходимо помнить, что государство не может вечно создавать значительные бюджетные дефициты. Важно различать два эффекта от расходов: мультипликационный эффект в краткосрочном периоде (какое бы ни было употребление денег), например, рост номинального ВВП, и производственный эффект в длительной перспективе (если деньги хорошо использованы), например, будущий существенный рост производства в высокотехнологичных отраслях при условии текущих повышенных инвестиций в данные сферы производства.

Далее рассмотрим связь между фактическим и “естественным” ростом уровней инвестиций и реальным выпуском. Обозначив естественный (требуемый) рост уровня инвестиций через

$$\Delta I_0 = \Delta M \frac{1 + m(i - m + \eta) - c_0(1 - \theta)}{k + \beta(1 - c_0)(1 - \theta)},$$

а фактический рост уровня инвестиций

через ΔI , получим:

$$\Delta Y = \Delta I_0 \frac{1}{1 + m(1 - m + \eta) - c_0(1 - \theta)}$$

– номинальный прирост ВВП при увеличении совокупной рублевой денежной массы ΔM ;

$$\overline{\Delta Y} = \Delta I \frac{1}{1 + m(1 - m^* + \eta) - c_0(1 - \theta)} - \text{ожидаемый номинальный прирост}$$

ВВП, если бы увеличение СРДМ вызвало “естественный” рост уровня инвестиций, равный ΔI .

В обоих случаях $g_r = g_0$. Теперь предположим, что при увеличении СРДМ, равном ΔM , номинальный рост уровня инвестиций составил ΔI . В этом случае можно положить:

$$g_r = g_0 \frac{\overline{\Delta Y}}{\Delta Y} = g_0 \frac{\Delta I}{\Delta I_0}$$

Подставляя выражение для ΔI_0 , приходим к

$$g_r = g_0 \frac{\Delta I}{\Delta M} \frac{k + B(1 - c_0)(1 - \theta)}{1 + m(1 - m^* + \eta) - c_0(1 - \theta)} = g_0 \frac{\Delta I}{\Delta M} \frac{m_{inv}}{m_{mon}}$$

т. е. мы получили, что акселератор реального выпуска равен произведению естественного уровня роста реального ВВП на отношение “номинальный прирост инвестиций к номинальному приросту совокупной рублевой денежной массы” и на отношение “обобщенный мультипликатор инвестиций к денежному мультипликатору”.

Учитывая, $Y = g_r Y_{-1}$, получим следующее выражение дефлятора ВВП:

$$g_r = \frac{1}{g_r} \left(1 + \frac{\Delta Y}{Y_{-1}} \right) = \left(1 + \frac{\Delta Y}{Y_{-1}} - (g_r - 1) \right)$$

При составлении краткосрочных (годовых) прогнозов вместо фактического роста уровня инвестиций (заранее неизвестного) необходимо брать планируемый рост уровня инвестиций. В этом случае, зная планируемые рост уровня инвестиций, эмиссию, ожидаемые флуктуации средних норм резервирования и избыточных резервов, можно вычислить ожидаемые значения акселератора реального выпуска и дефлятора ВВП.

Остановимся дополнительно на некоторых важных аспектах. Производство не может больше расширяться, если для создаваемых сбережений не находятся рынки сбыта. Отсюда вытекает следствие: при данных потребностях в инвестициях чем меньше склонность к сбережениям, тем больше возможности для развития производства или, точнее, эти возможности возрастают, если лишь инвестиции являются единственным узким местом. Но есть и другое узкое место – дефицит рабочей силы⁶. После того, как достигнута полная занятость, производство также ограничено наличием активного населения, т. е. наличием антагонизма между:

- максимальным уровнем производства, обеспечиваемым соответствующим инвестиционным спросом;
- максимальным уровнем производства, обеспечиваемым полной занятостью.

В наших рассуждениях везде неявно предполагается, что как естественный, так и планируемый (фактический) уровень инвестиций не достигает величины, соответствующей максимально возможному объему производства. Также предполагается, что уровень занятости позволяет отыскать требуемые трудовые ресурсы при планируемом росте инвестиций. В нашей республике незначителен (по сравнению, например, с Россией – на порядок) уровень иностранных инвестиций на душу населения, а также довольно высока структурная безработица (БССР ранее являлась “сборочным цехом” всего Союза, поэтому развал СССР поставил в тяжелое положение целые отрасли республиканской экономики). В силу вышеизложенного будем считать приведенные допущения выполненными.

Таким образом, мы построили модель, позволяющую количественно оценить ожидаемые инфляцию, номинальный и реальный объемы выпуска

в краткосрочной перспективе. Еще раз подчеркнем, что все предложенные мультипликативные соотношения предназначены именно для краткосрочного прогнозирования, для более длительных интервалов (несколько лет), необходимо расширение мультипликативной модели за счет введения в рассмотрение статистических рядов данных за предшествующие годы и связанных с этими данными поправочных коэффициентов.

¹ См.: Долан Э. Дж. и др. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / Пер. с англ. В. Лукашевича и др. Л., 1991.

² Дашкевич В. Ф. Проблемы регулирования валютного курса и становления валютного рынка Республики Беларусь // Финансовый анализ. 1997. № 11–12. С. 15–26.

³ См.: Балацкий Е. В. Регулирование занятости в свете теории мультипликатора // МЭиМО. 1996. № 4. С. 53–67.

⁴ См. Корзюк А. В. Макроэкономическое регулирование экономики с использованием мультипликативных эффектов // Финансовый анализ. 1998. № 1. С. 56–71.

⁵ Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. 15-е изд. М., 1997.

⁶ Столерю Л. Равновесие и экономический рост. М., 1974.

Н.В. КОРОЛЕВА

ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО В СИСТЕМЕ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В условиях глубокой трансформации политических и экономических отношений в белорусском обществе делается ставка на активное государственное регулирование во всех общественных сферах. Во главу социально-экономической политики поставлены социальные ориентиры – повышение благосостояния населения Беларуси, следовательно, прежде всего улучшение состояния домашних хозяйств как основной ячейки общественной и экономической жизни страны.

В начале 1999 г. в республике насчитывалось 3,6 млн домашних хозяйств. Основная часть приходилась на городскую местность – 2,4 млн (67 %). В среднем на одно домашнее хозяйство приходится 2,8 человека, а в сельской местности – 2,7 человека¹.

Повышение благосостояния немыслимо без постоянного роста производства и реализации продукции и услуг в народнохозяйственном комплексе. Учитывая большую зависимость Беларуси от экспортно-импортных операций, следует производить лишь конкурентоспособную продукцию, пользующуюся спросом на внутреннем и внешнем рынках. Но производить такую продукцию в современном мире нельзя на устаревшем технологическом оборудовании. Учитывая тот факт, что степень износа промышленных фондов в республике составляет свыше 70 %, повышение темпов роста экономики связано с коренной реконструкцией почти всего технологического парка страны.

Согласно данным, приведенным в "Программе социально-экономического развития республики", объем инвестиций в экономику должен превысить 25 млрд долл.² Более поздние данные, приведенные специалистами Министерства экономики РБ, свидетельствуют о потребностях народного хозяйства в 65 млрд долл. только на период 1996–2000 гг. В настоящее время объем годовых инвестиций не превышает более 2 млрд долл., что явно недостаточно для коренной перестройки производственного базиса общества. Следовательно, нет реальной возможности решать поставленные социальные цели.

Таким образом, важнейшей социально-экономической задачей правительства становится увеличение инвестиционных возможностей страны в целом, которые определяются как внутренними условиями сбережений домашних хозяйств, предприятий и правительства, так и внешними займами. Понимая важность проблемы привлечения инвестиций в реальный сектор

экономики, правительство принимает действия по всем направлениям. Но они малоэффективны, так как слабо обоснованы и не связаны с фактическим положением дел в реальной экономике. Поэтому на данном этапе вопросы расширения инвестиционных потоков в экономику, в том числе и за счет привлечения дополнительных кредитных ресурсов, весьма актуальны как в практическом, так и в теоретическом планах. Вопросам денежно-кредитных отношений в переходной экономике, когда существенно деформируются все макроэкономические показатели (резкое падение жизненного уровня, существенное снижение объемов производства, высокие темпы инфляции, девальвация национальной валюты, долларизация, большой удельный вес теневой экономики), еще не уделяется достаточно научного внимания.

Если посмотреть на сложившуюся в последние годы структуру инвестиций в народнохозяйственный комплекс Беларуси и оценить тенденции ее изменения, то можно сделать вывод, что реально увеличить капиталовложения в экономику можно лишь за счет средств населения. Так, структуру источников инвестиций в экономику РБ за последние годы составляют: бюджетные инвестиции – 20 %; внебюджетные фонды – 10; собственные средства предприятий – 50; средства населения – 15; иностранные инвестиции – 5 %⁴. Увеличение капиталовложений в экономику за счет средств населения за последнее время с 9 % в 1996 г. до 16 % в 1997 г. и 14 % в 1998 г. выдвигает на первый план проблему привлечения денежных ресурсов домашних хозяйств в качестве кредитных для республиканской экономики

В условиях развитых рыночных отношений домашнее хозяйство занимает ключевое место в потоке товарно-денежных отношений, и на их сбережения формируются основные кредитные ресурсы. В экономической теории "домашнее хозяйство" (домохозяйство) трактруется как хозяйственная единица, состоящая из одного или более лиц, объединяемых общим бюджетом и местом проживания, которая снабжает экономику ресурсами и использует полученные за них деньги для приобретения товаров и услуг, удовлетворяющих материальные потребности человека.

Место домашнего хозяйства в рыночной экономической системе в самом общем виде может быть исследовано с помощью широко распространенной в западных экономических теориях схемы кругооборота ресурсов, продуктов и доходов между основными экономическими субъектами на макроуровне: домашними хозяйствами, предприятиями и фирмами, финансовыми институтами и государством.

При рассмотрении кругооборота важно учесть, что рыночным отношениям присуще свободное движение товаров, услуг, капитала и труда. Именно этот момент должен учитываться при рассмотрении вовлечения домашнего хозяйства в товарно-денежный оборот. Прежде всего домашнее хозяйство выставляет на рынок трудовые ресурсы, получая взамен заработную плату, доходы и проценты. Получив в обмен за ресурсы денежные средства, домашнее хозяйство выходит на рынок как потребитель товаров и услуг.

В условиях развитой рыночной экономики среднегодовые расходы домашних хозяйств меньше величины их доходов. Та часть дохода, которая не идет на покупку товаров и услуг, уплату госналогов и погашение долговых обязательств, приобретает форму сбережений в виде наличных денег, вкладов в банки и ценные бумаги.

Предприятиям, чтобы осуществлять расширенное воспроизводство, нужны заимствованные денежные ресурсы для вложения в основной капитал и товарно-материальные запасы. Так, в кругооборот включаются сбережения и инвестиции. Поскольку большинство сбережений осуществляют домашние хозяйства, а инвестиции – предприятия, то возникает потреб-

ность в финансовых посредниках (банках, страховых компаниях и других ссудосберегательных учреждениях). Задача финансовых посредников состоит в том, чтобы направлять сбережения от их участников экономического оборота, которые зарабатывают больше, чем тратят, к тем, которые тратят больше, чем зарабатывают (в основном от домашних хозяйств к предприятиям). Финансовые посредники являются частью финансовой системы, которая перераспределяет средства к заемщикам за определенную плату.

В современных рыночных системах большую роль играет государство, причем не только как самостоятельный хозяйственный субъект, потребляющий товары и ресурсы, но и как регулирующий орган всего кругооборота товаров и денег через налогово-бюджетную и денежно-кредитную политику. Государство имеет много административно-финансовых рычагов регулирования товарно-денежного оборота в стране (объем государственных расходов, налоги, количество денег в обращении, учетная банковская ставка и т. д.), которые могут существенно влиять на весь кругооборот и на положение домашнего хозяйства в нем.

В условиях переходного периода возрастает роль государства в перестройке товарно-денежного кругооборота от плановых начал к рыночным. При неумелом управлении этими переходными процессами национальные экономики могут проходить через этап разбалансировки основных финансово-экономических показателей страны, когда плановые рычаги воздействия уже не работают, а цивилизованные рыночные отношения еще не сложились. При этом происходит резкое падение объемов производства и продаж, раскручивается инфляция, падает курс национальной валюты, экономические отношения смещаются в "тень", идет долларизация экономики, существенно снижается жизненный уровень населения, рентабельность всех субъектов хозяйствования. Разбалансированность экономики входит в стадию "экономики выживания", которая существенно отличается от классического кругооборота расширенного воспроизводства. Все самостоятельные субъекты хозяйствования, и прежде всего домашние хозяйства и предприятия, думают не столько о развитии, сколько о выживании, сохранении своего существования на определенном отрезке времени. Судя по основным макроэкономическим показателям, экономика РБ как раз вошла в такую стадию переходного периода, который может быть достаточно долгим, если не принять соответствующих государственных мер. В таких экстремальных условиях при усиливающейся роли государства существенно возрастает роль экономической науки, которая должна дать теоретические и практические рекомендации по выходу страны из кризисной стадии.

Известный американский экономист Дж. Гелбер, выступая перед российскими деловыми кругами, призывал в переходный период к особой гибкости в экономической науке. Нельзя слепо копировать принципы и методы управления экономикой других стран, необходимо любые научные теории и рекомендации строго привязывать к конкретным историческим условиям, переживаемым страной. Поэтому в этот особый период, в котором находится Беларусь и который можно охарактеризовать как "экономику выживания", необходимо скорректировать классическую схему кругооборота денежных ресурсов в стране, переосмыслить роль домашних хозяйств в ней.

В условиях "выживания" преобладающей части населения (число семей с доходом ниже прожиточного минимума превысило 69 % и продолжает расти) существенно изменилось социально-экономическое поведение основной экономической единицы – домашнего хозяйства. Приспособление домашних хозяйств к "выживанию" идет двумя путями в зависимости от их степени активности. Большая часть активного населения стремится расширить свои доходы за счет подсобных видов деятельности. При этом сумма неучтенных доходов (теневой оборот) в домашних хозяйствах за последние

пять лет существенно выросла и почти сравнялась с объемом оплаты труда рабочих и служащих (соотношение этих теневых доходов и фонда оплаты труда выросло с 30 % в 1994 г. до 85 % в 1998 г.). Другое направление – пассивное – сокращение расходов прежде всего за счет уменьшения приобретения промышленных товаров приводит к повсеместному увеличению доли питания в общей сумме расходов. Следует отметить тот факт, что в режиме "выживания" домашние хозяйства не только не сокращают накопления, но и увеличивают их. Доля накоплений в общей структуре расходов и накоплений увеличилась в 1993–1998 гг. с 15 до 25 %³. что свидетельствует об оценке экономической ситуации большинством домашних хозяйств как пессимистической и ожидании ее ухудшения. Правда, в условиях высоких темпов инфляции и постоянного падения курса национальной валюты существенно изменилась структура сбережений. Все большая их часть идет на покупку валюты, а не на прирост депозитов в банках. В условиях "экономики выживания" домашние хозяйства стали активно осуществлять долларизацию ведения своей деятельности.

Расходы на покупку валюты существенно превосходят прирост депозитов в банках. Так, соотношение между расходами на покупку валюты населением и приростом вкладов в банках было: в 1995 г. – 3/1, в 1996 – 10/1, в 1998 г. – 15/1⁴. При этом средний срок хранения в банках сократился до одного месяца, а приобретаемая валюта в основном используется как средство накопления – ее откладывают "на черный день". По разрозненным данным, приводимым в печати, на руках у населения Беларуси скопилось от двух до пяти миллиардов долларов. По нашим расчетам, основанным на данных официальной статистики, население с 1990 г. по нынешнее время купило валюты на сумму 10 млрд долл. И если предположить, что половина из этой суммы осталась на руках в виде сбережений, то белорусские домашние хозяйства располагают теневыми денежными ресурсами в размере пяти миллиардов долларов.

Часть домашних хозяйств (около 20 %) рискует пускать свои долларо-вые накопления в теневой оборот под высокие проценты, которые, как правило, почти в два раза выше банковских. Таким образом, долларизация и расширение теневого способа хозяйствования включили домашние хозяйства в теневой кредитный оборот. Ежегодно теневая экономика (в основном коммерческая торговля) получает от домашних хозяйств около одного миллиарда долларов теневого кредита, что в семь раз превосходит доходы реального сектора экономики от банковских сбережений населения. За счет этого домашние хозяйства ежегодно имеют около 250 млн долл. процентов по ссудам, что в десятки раз выше платы по депозитам на вклады населения.

Все сказанное выше подтверждает мысль о том, что в квазирыночных условиях, сложившихся постфактум на белорусском финансовом рынке, государство (следовательно, и банковские структуры) полностью проиграло конкурентную борьбу за денежные ресурсы населения. Такая динамика соотношений распоряжения денежными ресурсами домашних хозяйств между государством и теневой экономикой продолжается не в пользу первого.

Чтобы переломить эти устойчивые негативные тенденции в денежном обращении, государство должно взять курс на введение сбалансированных рыночных отношений, сознательно и планомерно отойти от тотального вмешательства в товарно-денежный кругооборот, предоставить больше экономической свободы всем субъектам хозяйствования. Для возвращения доверия домашних хозяйств к государству как выгодному экономическому партнеру правительство должно осуществить комплекс следующих первоочередных мероприятий:

- перейти к рыночному механизму регулирования валютного курса национальной денежной единицы;

- снизить темпы инфляции до разумных пределов;
- укрепить национальную валюту;
- завершить создание стабильной банковской системы в стране;
- стимулировать население размещать сбережения на депозиты в банки;
- вернуть доверие домашних хозяйств к государственной кредитно-денежной политике.

Перечисленный спектр государственных мер не имеет прямого отношения к экономике домашних хозяйств, однако направлен на стабилизацию экономических отношений между всеми субъектами хозяйствования на макроэкономическом уровне.

Несомненно, процесс стабилизации и сбалансированности рыночных отношений между государством, предприятиями, финансовыми институтами и домашними хозяйствами займет длительный срок. Если введение единого рыночного курса национальной валюты, ее укрепление и снижение инфляции можно осуществить за два года, если на завершение создания устойчивой банковской системы и стимулирование мер в области сбережений населения потребуется год, то возврат утраченного доверия населения к государству и банковской системе – более длительный процесс.

Таким образом, коренная перестройка кредитно-денежных отношений между домашними хозяйствами, предприятиями, государством и банковскими институтами займет не менее трех–пяти лет. Но если не будет перестроена вся кредитно-денежная система, то по-прежнему продолжится истощение инвестиционного потока в реальный сектор экономики. И как следствие – отсутствие каких бы то ни было надежд на выполнение целевых государственных программ национального возрождения.

Итак, круг проблем замкнулся. Чтобы существенно повысить благосостояние белорусских семей, необходимо коренным образом изменить экономические отношения между основными субъектами хозяйствования на макроуровне, вовлечь домашние хозяйства в официальный товарно-денежный оборот, постепенно вытесняя теневую экономику. Для осуществления данного процесса необходимы значительные подвижки в рыночных преобразованиях белорусской экономики и при активном государственном участии.

¹ См.: Гайсюк Г. Домашние хозяйства в зеркале статистики // Советская Белоруссия. 1999. 4 мая. С. 5.

² См.: Национальная программа привлечений инвестиций в экономику Республики Беларусь // Национальная экономическая газета. 1996. № 35. С. 17.

³ См.: Финансы Республики Беларусь в 1991–1997 гг. (Статистический сборник). Мн., 1998.

⁴ Денежные доходы и расходы населения Республики Беларусь (Статистический сборник). Мн., 1998.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Кредитная политика Беларуси: проблемы и рекомендации. Мн., 1998.

С.Н. ГНАТЮК

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ НАУКИ В ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА

Важнейшей чертой НТП является превращение науки в производительную силу. Как отмечал К. Маркс, капитал «ставит естественные науки на службу непосредственному процессу производства»¹, что придает последнему научный характер. Данная черта особенно полномасштабно реализуется в настоящее время. Наука в условиях НТР становится потенциальной производительной силой и реализуется по мере воплощения результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в технологию, т. е. в совокупность научно-технических и организационных знаний, применяемых или предназначенных для использования в производст-

ве. Новая информация содержится в патентах и другой научно-технической документации. Носителями знаний являются люди с их знаниями и производственным опытом и навыками, создающие новые машины и оборудование, т. е. материальную базу.

Фактически технология проявляется во всей совокупности производительных сил. Возникая на определенном уровне их развития, являясь результатом особого, научного, труда и имея свои закономерности, технология представляет собой особый элемент производительных сил, роль которого в развитии и совершенствовании общественного производства возрастает.

Наука включается в цикл «производство–потребление» в качестве обязательного элемента, расширяя эту цепочку до «наука – производство – потребление». Данный процесс, несмотря на удлинение производственного цикла, делает его более эффективным, на что обращали внимание еще представители австрийской школы, используя термин «окольные пути» и считающие, что чем длиннее путь, тем более совершенные орудия производства и технологии используются в экономике⁷. Научные достижения влияют на рост объема и удельный вес нематериального элемента в национальном богатстве страны. По некоторым данным, в промышленно развитых странах нематериальные активы, на которых осуществляется современное производство (патенты, лицензии, разнообразная научно-техническая документация, программное обеспечение и т. д.), составляют от 20 % в машиностроении до 60 % в электронике основных фондов предприятия. Данное явление получило в экономической литературе отражение в концепции деиндустриализации, в которой содержится вывод о преобладании непроизводственной сферы над производством.

В процессе создания, распределения, обмена и потребления научных знаний, т. е. в процессе их воспроизводства, возникают особые отношения передачи технологии. *В узком смысле под ними следует понимать горизонтальное распространение научно-технических знаний и практического опыта между потребителями в сфере производства. В более широком плане передача технологии означает не только горизонтальную передачу, но и движение знаний от их зарождения через различные стадии научных исследований к применению в производстве, т. е. вертикальную передачу.*

Особенности технологии обуславливают своеобразие связей отношений по передаче технологий по сравнению с другими отношениями в современном производстве. Свообразие получается уже в отношениях собственности – современная теория прав рассматривает ее как совокупность прав.

В практике права находятся в разнообразном сочетании, но фактическая сущность отношений сводится к подчинению умственного, творческого, интеллектуального труда производству. Происходит отделение работника от результатов его деятельности через присвоение значительной части прав собственности на научно-технические разработки и идеи. Это осуществляется путем юридического оформления собственности на результаты и некоторые виды знаний и навыков, включающего патентование и установление права нанимателя на результаты работы ученого, в том числе в течение определенного срока после окончания договора найма. Й. Шумпетер подчеркивал, что временная монополия, которую получает инноватор, является существенной частью капиталистической динамики. Патентная система предполагает юридические, законные рамки для такой монополии и применяется не ко всем знаниям, а лишь к тем, которые представляют собой конечный продукт научного исследования, т. е. способный быть примененным в производстве в виде его совершенствования или создания нового продукта или услуги.

Фундаментальные научные исследования не могут непосредственно обеспечить выгоды в виде дополнительной прибыли и, следовательно, ответственность на такие знания не получает юридического оформления. Знания и идеи, несмотря на их общественную природу, являются необходимым компонентом технологий, подчиняясь капиталу и производству, вызывают интерес частных корпораций к финансированию и проведению поисковых работ, так как правильно выбранные фундаментальные исследования могут стимулировать производительное партнерство между учеными и инженерами всех секторов общества, чем обеспечить конкурентоспособность промышленности.

В производстве технологий промышленно развитых стран сейчас сформировалось своеобразное разделение труда. Частные корпорации специализируются на создании конечных продуктов производства технологии, представляющих собой объект частной собственности. Государство занято созданием таких идей и знаний, которые являются промежуточным элементом и на них не оформляется юридическое право собственности. Осуществляется это через финансирование государством и проведение фундаментальных исследований. Неоклассическая теория, господствующая в большинстве стран как основа государственного регулирования, все активнее обосновывает изъятие у государства функции непосредственного создателя технологии и закрепляет за ним задачу формирования благоприятных условий для ее производства. Сфера непосредственного производства конечного продукта передается почти полностью в руки частного сектора. Вице-президент «Дженерал электрик» Р. Шмитт по этому поводу утверждал: «Государство играет решающую роль в создании предпочтительных условий для коммерческих новшеств, но оно не должно производить эти новшества, оно должно не управлять технологическими коммерческими новшествами, а создавать условия для таких новшеств»³.

На этапе зрелости науки все большую роль играет научная инфраструктура: оказание производственных, информационных, посреднических, консультационно-экспертных услуг, материально-техническое снабжение, специализированное финансирование, предоставление средств связи и коммуникаций и т. д. Часть усилий по развитию этих направлений берет на себя государство.

Государство занимается сбором по всему миру научно-технической информации для передачи своим национальным фирмам через систему атташе по науке при посольствах, обмен научно-технической информацией и литературой между государственными библиотеками, организацию выставок, симпозиумов и т. д. Во многих странах существуют государственные учреждения по сбору и накоплению информации. В США такой центр был создан сразу после Второй мировой войны при Министерстве торговли. В настоящее время в банке данных аккумулируется 85 % мирового объема изданных библиографических статей и рефератов. Обследование деятельности этих служб в Англии показало, что частные фирмы экономят до 10 % своих ресурсов⁴.

Государство является крупным собственником патентов, которые передаются частному сектору на льготных условиях, а иногда и бесплатно.

Большая роль в создании новых технологий отводится контрактной системе госзаказов на выполнение НИОКР частными фирмами. Она дает им возможность непосредственно заниматься научными исследованиями за счет финансовых ресурсов государства и использовать полученные знания в собственных целях. Так, согласно патентному законодательству США концерны, выполнявшие договорные работы по контрактам с министерствами обороны, связи, транспорта, Национальным научным фондом, получили право на пользование патентами, появившимися в ходе проводимых

по контрактам научных исследований. НАСА, Министерство внутренних дел, здравоохранение, просвещение и социальное обеспечение предоставляют такие патенты в виде лицензии на льготных условиях.

Для формирования благоприятных условий внешней среды частных фирм и создания механизма передачи технологий, обеспечивающего полное использование знаний, находящихся в собственности государства, в США в середине 70-х годов был образован Консорциум федеральных лабораторий по передаче технологий, объединивший свыше 100 лабораторий. Этому же способствовали и центры промышленной технологии, программы передовой технологии и др.

Государство является связующим звеном между частными фирмами и учебными заведениями, на которые приходится почти половина всех проводимых фундаментальных исследований. Сотрудничество фирм с университетами поощряется государственными субсидиями. В Канаде, например, одной из наиболее популярных программ правительства является «Программа стажировки в промышленности», суть которой заключается в выдаче национальным исследовательским советом субсидий компаниям, принимающим на работу научных работников сразу после получения ими степени доктора наук. В Англии для стимулирования сотрудничества университета с промышленностью ежегодно из бюджета направляется более 15 млн фунтов стерлингов. Из них 5 млн расходуется на создание инфраструктуры такого сотрудничества в тех университетах, где ее нет, а 10 млн составляет «фонд первоначальных промышленных затрат», из которого университет может получить премию в размере 25 % дохода, полученного от контрактов с промышленностью за предыдущий год.

Прямое или через посредничество государства приобщение университетов к процессу «наука – производство – потребление» приводит к изменению роли университета в общественном производстве. Как отмечают американские исследователи, если раньше вуз был изолирован от стремления служить бизнесу и правительству, то сегодня такая независимость быстро исчезает и крупнейшие университеты все более превращаются в средоточие бизнеса. Если раньше наука контролировалась учеными, то сейчас контроль перешел к высокотехнологичным фирмам, на службе которых находятся ученые⁶. Данное положение проявляется во все большем финансировании университетов из средств частных фирм. В США уже в начале 80-х годов 465 научных программ финансировались частным сектором, а в Гейдельбергском университете (ФРГ) уже с середины 80-х годов без дотаций химических концернов выполнялось не более 20 % объема производимых исследований.

В настоящее время формы контактов университетов с промышленностью становятся все более многообразными и утонченными. К ним можно отнести отношения через рынок труда, обучение специалистов частных фирм на различных курсах повышения квалификации и подготовки, личные связи университетских ученых со своими коллегами в промышленности, обмен научным и техническим персоналом, консультирование, создание инкубаторов малых фирм, технопарков, инновационных центров при университетах, уход ученых в бизнес и т. д.

Серьезные изменения происходят и в самих частных фирмах. В настоящее время фирмы реализуют идею Й. Шумпетера о том, что «задача предпринимателей реформировать, революционизировать способ производства путем внедрения изобретения, в более широком смысле через использование новых товаров или прежних товаров, но новым методом благодаря открытию нового источника сырья или нового рынка готовой продукции вплоть до реорганизации прежней и создания новой отрасли промышленности»⁷. Только такие фирмы имеют перспективу долговременного ус-

пеха на рынке, так как интеллектуальную собственность и технологию рассматривает как стратегический ресурс, так как конкуренция ведется в рамках мирового хозяйства на базе превосходства продукта или услуг. Причем технологические конкурентные преимущества как фактор глобального конкурентного роста становятся все более кратковременными. Соответственно рост фирмы зависит не только от превосходства товара и услуг в текущий момент, но от постоянного улучшения товаров и совершенствования услуг.

Самым важным является внутрифирменное управление процессом внедрения технологии. Для разработки нового продукта фирме следует сбалансировать стремление к текущей прибыльности и долговременный доход от инвестиций в рискованные проекты, каковыми являются вложения в научные исследования. Концентрация внимания руководителей на краткосрочной прибыльности является главным препятствием на пути к разработке нового продукта.

Одним из главных направлений решения данной проблемы является тесная координация маркетингового, производственного и научно-исследовательского отделов, так как внедрение новых научно-технических идей требует предпринимательских способностей. Руководство фирм сейчас обращает первостепенное внимание на обслуживание покупателей, природу их потребностей и роль товаров и услуг в удовлетворении этих потребностей как можно на более длительный срок, внесение гармонии в психологическое состояние человека. В японской фирме «ОКИ Электрик корп.» руководители всех главных функциональных звеньев определяют оценки и ожидания потребителей нового продукта. По результатам обсуждения составляется перечень проблем, необходимых технических изменений в производстве, усилий в маркетинговой деятельности, ценовой политике, которые должны решать научно-исследовательские отделы фирмы. Такой подход сокращает время получения нового продукта на 30–50 %⁸.

В условиях НТР важное значение придается правильно выбранной стратегии фирмы, выбор которой зависит от финансово-экономических, научно-технических возможностей, ее положения на рынке. При выборе политики учитываются такие аспекты, как анализ разрыва и возможностей, конкурентная сила, доля рынка, матрица отношений «продукт – рынок», критерий представительства.

Особенностью управления НИОКР является сосредоточение в центральных органах фирмы служб, полностью отвечающих за все этапы цикла «наука–производство». Вместе с тем централизация управления порождает ряд отрицательных моментов: усложнение иерархической структуры; ведение исследовательских проектов по устаревшей тематике; невыполнение планов научных исследований по срокам; ограничение творческой инициативы и т. д. Негативным моментом является замедление темпов развития перспективных фирм после их вхождения в организационную структуру крупных корпораций. Сами компании, приобретая финансовую и экономическую устойчивость на рынке, теряют интерес к рискованным научным исследованиям.

Осознание отрицательных аспектов приводит к поиску новых управленческих структур, которые выделяются в рамках фирмы в виде независимых в научно-технической, финансовой, сбытовой, маркетинговой сферах подразделений. «ИБМ» имеет 11 подразделений, у каждого из которых есть свое правление и оно выбирает собственную производственную стратегию.

Наука развивается по своим законам, которые могут быть представлены с помощью экономико-математических моделей, отражающих неравномерность появления научных знаний. В этих условиях фирмы не могут охватить все области НИОКР и вынуждены обращаться на рынок технологий, чтобы компенсировать временный недостаток собственных научных знаний. Такой рынок изначально формировался как мировой, глобальный, по-

звolyающий с наибольшей полнотой и эффективностью информировать потенциальных потребителей о знаниях, которые им необходимы для достижения коммерческого успеха. Научно-техническая информация обладает для потенциального инвестора относительной новизной, но главное, недоступностью для использования в производстве без приобретения прав собственности на нее у продавца. Отличительной чертой рынка является так называемый «информационный парадокс».

На рынке технологий важное место придается покупке лицензий на патенты. В современных условиях меняется роль лицензий в стратегии фирмы. Если раньше их приобретение рассматривалось как средство преодоления разрыва в сфере производства, то сейчас является средством преодоления разрыва в сфере НИОКР. Приобретение технологии по лицензионному соглашению является стимулом для собственных разработок, поэтому в производство внедряются, как правило, уже усовершенствованные технологии. В Японии только 10 % приобретенных иностранных технологий внедряются без изменений.

Фирмы охотно идут на перекрестное лицензирование, видя в нем путь к экономии времени и ресурсов, так как издержки коммуникации очень низки по сравнению с первоначальными затратами на НИОКР и внедрение их в производство, а также к постоянному доступу к передовой технологии. Зная партнера, его потенциал и возможности, крупные фирмы рассматривают такие союзы как первый шаг к дальнейшему долгосрочному и всестороннему сотрудничеству в сфере НИОКР и производства⁹.

Одновременно меняется отношение крупных фирм к малым инновационным компаниям. Сосредоточивая свои преимущества на стадии внедрения новых технологий, они отдают приоритеты в области науки малым фирмам. Как отмечал журнал «Форчун», крупной компании нет необходимости быть первой с новыми продуктами. Приоритеты достигаются через потоки финансовых средств, позволяющие установить контроль над перспективными фирмами и программно-целевой подход к финансированию НИОКР.

Рост мелкого исследовательского сектора происходит очень быстро. Большую роль в его увеличении играют венчурные капиталы. 3/4 всех вложений которых в США и 1/2 в Европе приходится на новые технологии. В ряде случаев, когда риск особенно велик, венчурные фонды выступают как посредники между мелкими фирмами и государством, помогая получить государственные субсидии.

Системой кредитно-денежных отношений крупные корпорации подчиняют мелкие фирмы своей научно-технической, производственной и маркетинговой стратегии. Применение данной формы отношений позволяет маневрировать средствами и регулировать НИОКР с наименьшими потерями. Как правило, сотрудничество начинается с гранта или кредита малой фирме на стадии ведения поисковых научных исследований. По мере продвижения к конечному продукту корпорации усиливают свое влияние путем приобретения пакета акций, лицензий на открытие или установление полного контроля над компанией.

Программно-целевой подход является завуалированной формой контроля над циклом «наука—производство» и может осуществляться как непосредственно самими корпорациями, так и венчурными фирмами. Отличительной чертой целевого финансирования является взаимодействие, охватывающее весь процесс создания технологии, начиная от зарождения идеи и заканчивая коммерческим освоением и реализацией новой продукции. Такой единый процесс существенно повышает эффективность контроля над сферой науки. По мнению американской консультационной компании «Артур Д. Литтл», предстоящие годы будут периодом роста контрактных исследований и разработок.

Контракты с независимыми исследовательскими фирмами заключаются на всех этапах НИР, что совершенствует структуру научных исследований, создает новые формы разделения и кооперации труда в сфере науки и производства, расширяет арсенал и повышает действенность финансовых и других рычагов, дает определенный простор конкуренции и обобществлению научных ресурсов.

Таким образом, для крупных фирм характерна не только ориентация на собственные силы, но и широкое использование внешних источников ускорения научно-технического прогресса. Причем они не замыкаются в своих национальных границах, а ориентируются на лучшие мировые достижения науки и техники. Об этом свидетельствует рост расходов на НИОКР в зарубежных филиалах корпораций. В начале 80-х годов каждая шестая американская фирма вела исследования за рубежом. Причем рост расходов на НИОКР в зарубежных филиалах опережал рост аналогичных затрат в материнской компании.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что управление циклом «наука–производство» вышло за рамки национального государства, осуществляется в интересах крупного капитала в мировом хозяйстве, что обусловлено всеохватывающим характером НТР, принципиально новой ролью средств информации и коммуникации и должно учитываться правительством любой страны при осуществлении научно-технической политики. В связи с названными тенденциями перед правительством Республики Беларусь встает сложная задача формирования научно-технической политики, соответствующей тенденциям развития мирового рынка и интересам национальной экономики.

Республика Беларусь обладает достаточно большим научно-техническим потенциалом, который может использоваться в производстве. Однако социально-экономическая ситуация в стране и трансформация отношений собственности приводят к ряду проблем. *Прежде всего они связаны с недостаточным объемом финансирования науки и слабым опытом реализации готовых к использованию научных знаний.* Такая ситуация приводит к тому, что разработки белорусских ученых, соответствующие мировому уровню, скупаются иностранными фирмами и поставляются в республику уже в виде готовой продукции. *Вторая проблема связана со спросом на научные знания белорусских предприятий.* Недостаток средств даже для оплаты текущих расходов приводит к тому, что новые технологии практически не внедряются в производство. Выход из этой ситуации видится в использовании опыта мирового рынка технологии. Предприятия активно приобретают новые технологии по лицензионным соглашениям, рассчитываясь за них платежами из прибыли, получаемой в будущем. Активную роль в этом процессе должно играть и государство, о чем свидетельствует мировой рынок.

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 554.

² См.: Austrian economics. A. Reader // Ed. By Ebeling R. M. Hillsdale. 1991. P. 337–393

³ Science. 1984. Vol. 224. № 4654. P. 1206

⁴ МЭиМО № 9. С. 126.

⁵ Technology transfer mechanisms in the UK and leading competitor nations. London. 1989.

⁶ Barber R. B. The American. Corporation. Its power, its money, its politics. New York. P. 105–106.

⁷ Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство или как завести собственное дело и добиться успеха М., 1991. Вып. 1. С. 23.

⁸ См.: Tough Challenges for R & D management // Ed. By Broun J. K., Kayl W. New York. 1982. P. 22

⁹ См. Casson M. The Firm and Market. Oxford, 1987; Dunning J. H. Multinationals, Technology and Competitiveness. London, 1988; Robinson R. D. The international transfer of technology. Theory, issues and practice. Cambridge (mass), 1988.

Права

А.С. РУБИС

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ФУНКЦИЙ ПРОКУРОРА В ПЕРИОД 1864–1917 гг.

В настоящее время широко обсуждается вопрос о необходимости существенного расширения функций прокурора. Усложнение социальных, экономических условий, переход и построение правового социального государства требуют совершенствования целей, функций и средств деятельности прокуратуры. Для научного прогнозирования динамики процесса важно изучить и общую историческую тенденцию в развитии функций прокурора.

Организация прокуратуры согласно Учреждению судебных установлений вылилась в две линии органов прокурорского надзора: 1) сенатскую оберпрокуратуру при кассационных департаментах, слагающуюся из оберпрокуроров департаментов и их товарищей (ст. 127 УСУ)^{1*}; 2) прокуратуру округа судебной палаты, распадающуюся в свою очередь на чисто палатскую прокуратуру и прокуратуру окружных судов. Как при палате, так и при окружных судах чины прокуратуры состоят из прокуроров и их товарищей (ст. 125 УСУ)². Министр юстиции как генерал-прокурор является прямым начальником всего прокурорского надзора, и чины последнего находятся в непосредственной от него зависимости как при определении на должность, так и во время прохождения службы³.

Функции прокуратуры, как было указано, не вылились в чисто обвинительную форму. Обязанности прокурорского надзора распались на: 1) внесудебные или административные; 2) судебно-административные или вытекающие из общих обязанностей надзора за соблюдением законов; 3) функции по конкретному наблюдению за правильным применением законов в различных стадиях уголовного процесса как в ходе предварительного, так и в ходе судебного следствия и исполнения судебных приговоров.

В дореволюционной литературе по-разному определялись функции прокурора и подчеркивалась его роль как представителя надзора за законностью и представителя обвинения. Г.С. Фельдштейн, в частности, писал: «Функции прокурора распределяются по следующим группам: он поддерживает обвинение в уголовном процессе, отправляет известного рода функции в процессе гражданском и имеет вдобавок административные полномочия. Помимо всего, прокуроры наделены некоторым ореолом власти, позволяющим им в известных случаях оказывать на движение дел несколько большее внимание, чем это допустимо на основании ограничительного толкования»⁴. При этом «роль прокурора при осуществлении надзора за предварительным следствием автор относил к «некоторому ореолу власти».

* Здесь и далее выдержки из статей Учреждения судебных установлений (УСУ)

Г.С. Фельдштейн подчеркивал: «...что касается роли прокурора при производстве предварительного следствия..., поскольку он не является стороной в процессе, но носителем известной публичной власти и стражем закона, то наше право регулирует его положение нормами УУС»⁵.

Развивая положение об усилении функций прокурора, В. Случевский отмечал: «...что же касается до характера деятельности прокурорской, то она проявляется в двойной форме: Прокурор действует: или 1) в качестве представителя законности, или 2) в качестве представителя интересов обвинения»⁶. При этом надзор за производством предварительного следствия В. Случевский видит как деятельность прокурора в качестве «представителя законности».

Дальнейшее углубление функций обвинения обосновал Н.Н. Розин, который отмечает, что «...обвинительная функция прокурора распадается на функции возбуждения уголовного преследования и обличение перед судом»⁷. Его положения развил И.Я. Фойницкий в своем утверждении, что «...из права возбуждения (прокурором. – авт.) уголовного преследования вытекает право поддержания его перед органами предварительного производства, осложняемое для прокуратуры моментом наблюдения за их деятельностью; отсюда принадлежащее прокуратуре право наблюдения за предварительным следствием»⁸.

Представляется возможным, что для более тщательного исследования функции прокурора при производстве предварительного следствия необходимо рассмотреть, что же представляет собой предварительное производство по русскому праву, равно как и предшествующая предварительному следствию стадия – стадия дознания; как указанные институты взаимосвязаны и процессуально взаимодействуют друг с другом.

Русское право первоначальные шаги по расследованию события, содержащего в себе признаки преступности, включило в состав процессуальных действий, подпадающих под положения процессуального права, и эти первоначальные действия, объединяемые в понятие дознание. Под дознанием, таким образом, понимаются меры, предпринимаемые указанными в законе органами для установления по горячим следам события преступления. его «намечающейся» юридической квалификации и предполагаемого виновника. Меры эти должны собрать тот необходимый материал, на который может опереться возникающее обвинение. По мнению Н.Н. Розина, «от следующей ступени предварительного производства – предварительного следствия – дознание отличается по его юридическому характеру, а затем по качеству, глубине и обширности собираемых им данных и, с другой стороны, по органам его производства, по поводам, порядку и объему мер, предоставленных законом органом дознания. По своему юридическому характеру дознание является несудебным актом. По общему правилу оно предшествует преследованию, следует за ним или сопровождает его лишь в немногих указанных законом случаях. Повсюду оно имеет значение осведомительное»⁹.

Н.Н. Розин усматривает в связи с этим некоторую поверхностность данных, собираемых дознанием, и тем самым объясняет, по его мнению, недоверие к собранным дознанием данных со стороны суда, а также недопущение чтения некоторых актов дознания на суде. При этом Н.Н. Розин ссылается в обоснование своих доводов на ст. 258, 259, 269 УУС (вернемся к анализу доводов Н.Н. Розина чуть ниже).

Органом производства дознания являлась общая полиция, которая, получив сведения о происшествии, содержащем в себе признаки состава преступления и «не вызывающем сомнения в своем юридическом значении», сообщает об этом судебному следователю и прокурору (ст. 250 УУС) или по принадлежности мировому судье (ст. 251, 49, 50 УУС). Если же признаки

преступного деяния сомнительны или источники полученных о нем сведений недостоверны, то полиция обязана провести дознание и лишь после этого сообщить о нем названным должностным лицам (ст. 253 УУС). В этом случае дознание производится полицией в силу закона, и поводом его является любое событие, содержащее в себе признаки какого-либо состава преступления. Иногда поводом к дознанию могут быть и специальные указания, данные прокурором (ст. 312 УУС), судебным следователем (ст. 271 УУС), мировым судьей (ст. 47. 52 УУС) и обязательные для полиции.

Порядок производства дознания законом не определен. Он предоставлен на усмотрение лица, его производящего, в зависимости от имеющего места события и обстоятельств дела. Способ производства дознания определен ст. 254 УУС: «При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах»¹⁰. При этом дознание характеризуется отсутствием в действиях должностных лиц, его производящих, какой-либо принудительности по отношению к лицам, являющимся объектом проведения дознания. Юридическим последствием произведенного дознания (при подтверждении данных, послуживших основанием к его началу) является возбуждение уголовного преследования у мирового судьи полицией по своей инициативе (ст. 42, п. 2, ст. 49 УУС) или по предложению прокурора (ст. 253 УУС) или производство предварительного следствия, если в сообщении полиции компетентные органы найдут к тому достаточное основание (ст. 253, 297 УУС).

Результаты дознания, не содержащие в себе достаточных данных для возбуждения уголовного преследования, представляются прокурору на общем основании. Прокурор либо прекращает данное дознание, либо дает поручение о производстве дополнительных действий. Такая точка зрения на дознание являлась преобладающей в трудах русских процессуалистов. Другую позицию занимали Н.Н. Розин, И.Я. Фойницкий, подчеркивая, что «...дознание вырабатывает только сведения и указания, которые не имеют судебного характера; вся роль его ограничивается изысканием данных для деятельности следователя, содействием ему, облегчением его; оно не имеет дела с судебными формами и обрядами, не оценивает фактов, не постановляет никаких определений о них, не делает из них никаких решительных выводов и поэтому представляет деятельность несудебную»¹¹.

По мнению И.Я. Фойницкого, дознание связано с уголовным преследованием только тем, что добывает для последнего сведения, необходимые для правильного и успешного предъявления обвинения обвиняемому перед судом. С предварительным следствием дознание находится в тесной связи потому, что «...удостоверяет действительность расследуемого преступления, дает материал к началу следствия, устанавливает взгляд следователя на способы к дальнейшему раскрытию истины, на образ его действий по отношению к обстоятельствам дела и к лицам, в нем участвующим. Но по задачам и по объему средств, находящихся в его распоряжении, и по органам его оно существенно разнится от предварительного следствия»¹².

Наиболее предпочтительную, на наш взгляд, точку зрения на дознание высказал Г.С. Фельдштейн, который считал, что дознание по своему существу предполагает внешнюю проверку наличия факта преступления, так как с формальной стороны дознание то же предварительное следствие, которое ведется не судьей, а полицией для констатации события преступления. «Тем, что один орган должен установить факт преступления, а затем другое юридически образованное лицо, судья, обязано подвести его под соответствующую юридическую квалификацию с наименьшим нарушением прав привлекаемого, желают достичь экономию сил, избавить судебную власть от излишнего труда. Эта цель не вполне достигается, потому что у судеб-

ной власти нельзя отнимать права расследовать, проверять все действия лиц, производящих дознание. Самым желательным было бы, чтобы в предварительном производстве судебная власть выступала с самого начала, не только удостоверяя сам факт, но и определяя его юридическую природу»¹³. По мнению Г.С. Фельдштейна, обособление стадии дознания от стадии предварительного следствия имеет под собой искусственную природу, так как само их различие не поддается точному определению. Действительно, вступая в дело, следователь проверяет данные полицейского дознания, полиция же играет лишь субсидиарную роль. И следователь в первый момент производит дознание, устанавливая факт преступления, а затем уже, квалифицировав его, приступает к следствию. При дознании речь идет об удостоверении правонарушения, а на следствии – о раскрытии его факта и виновности лица, его совершившего. «Таким образом, по самому существу есть кое-какая разница между дознанием и предварительным следствием»¹⁴. Однако удостоверение наличия факта преступления и раскрытие его тесно соприкасаются, поэтому на указанных выше основаниях трудно строить различия между дознанием и предварительным следствием, более того, как было указано выше, дознание является формой процессуальной. Действительно, согласно ст. 269 Устава уголовного судопроизводства «...судебный следователь имеет право повторять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному его первоначальному исследованию»¹⁵. Однако указанные действия необязательны, причем доказательственная сила произведенных органом дознания первоначальных следственных действий доказательственной силы в суде не теряет. Исследуя этот вопрос, П.И. Люблинский замечает, что «проверенный им практический анализ действий следователя показал, что следователи правом проверки действий органа дознания пользуются крайне редко, в основе своей основывая свои доводы на данных, добытых полицией»¹⁶.

Следует отметить действительно некую процессуальную поверхностность данных, собираемых дознанием. Статья 258 УУС позволяет органу дознания (полиции) производить допросы обвиняемых и свидетелей только в крайних случаях: «...разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя»¹⁷. Вместе с тем при производстве неотложных следственных действий до прибытия на место происшествия следователя закон прямо предписывает органу дознания производство всех следственных действий, не терпящих отлагательства. Об этом же говорит и ст. 259 УУС: «В случаях, означенных в статьях 257 и 258, полиция соблюдает во всей точности правила, поставленные для производства предварительного следствия»¹⁸.

Второй стадией предварительного производства является предварительное следствие, которое по своей сути и задачам резко отличается как от дознания вообще (кроме так называемых форм «судебного дознания» как приписка судебного следствия, о чем было указано выше), так и от судебного следствия. Если соотнести деятельность органов дознания и предварительного следствия с нынешним состоянием дел, то в определенной степени можно утверждать, что органы дознания являлись, образно говоря, органами выявления и раскрытия преступлений. При этом законодатель наделил их правом (хотя и исключительным) процессуального закрепления результатов своей работы. При этом действия органов дознания, которые были произведены ими до передачи дела судебному следователю, в отличие от нынешнего положения дел, являлись источниками процессуальных доказательств.

Если дознание как поисково-розыскной процесс производится негласно, не прибегает по общему правилу ни к каким принудительным мерам (за исключением случаев, указанных выше), достаточно часто заканчивается ни-

чем и, что самое главное, исследует не столько виновность лица, сколько удостоверяет действительность события преступления, то предварительное следствие практически почти всегда направлено против конкретной личности, которая в определенный момент приобретает статус обвиняемого (для чего энергично использует принудительные меры); исследует степень участия данного лица в преступлении; является результатом возбуждения судебного преследования и может быть прекращено только судом. Именно в силу этих причин дознание было вверено полицейским органам, а предварительное следствие носит только характер судебной деятельности, так как только на его материалах могло основываться судебное решение, впрочем, как было указано, с использованием материалов дознания в качестве судебных доказательств. При этом основания для начала предварительного следствия (равно как и дознания) были определены розыскным началом. Статья 297 УУС определяла его как наличие «законных» поводов. Поэтому предварительное следствие (как и предшествующая ему поисково-розыскная деятельность в виде дознания) могло быть начато не только без наличия обвинителя, но и без наличия обвиняемого (ст. 276 УУС).

По своему значению для следователя поводы к возбуждению дела распадутся на две группы. Одни из них, безусловно, обязательны для следователя и при наличии их он должен приступить к производству предварительного следствия (ст. 298 УУС – объявление о преступном деянии очевидцев), ст. 303 УУС – объявление лиц, потерпевших от преступного деяния, ст. 310 УУС – явки с повинной и т. д. Все «законные» поводы этого рода закон подразумевает собой – достаточными поводами. Другие законные поводы не являются обязательными для следователя и для начала предварительного следствия следователь, кроме наличия этих поводов, должен установить еще наличие «достаточных оснований», при отсутствии которых следователь не приступает к производству предварительного следствия, о чем сообщает прокурору.

Как подчеркивает П.И. Люблинский, «следователь это орган опеки государства над гражданами. Эта должность покоится на предположении, что граждане сами еще слабы, чтобы самостоятельно защищать свои права и интересы; поставленные лицом к лицу с обвинительной властью и с полицейским всемогуществом, они не смогут с достаточным искусством собрать оправдательные доказательства... На Западе категорически утверждают: «...из двух обвинителей – следователя и прокурора – достаточно иметь только одного прокурора и в противовес ему защитника». Современные течения «по вопросу реформ предварительного следствия после почти десятилетнего обсуждения на национальных и международных съездах и в литературе пришли к следующим альтернативам: или предварительное следствие должно быть совершенно уничтожено, и вместо того должно быть организовано дознание под руководством прокуратуры и под контролем суда, или же оно может быть сохранено, но при условии введения в него широкой меры состязательности»¹⁹.

Представляется, что второй путь является наиболее предпочтительным и нынешнее процессуальное положение предварительного следствия в системе судопроизводства, его развитие и произошедшие изменения в полной мере доказывают данный тезис. Согласно Уставу уголовного судопроизводства (ст. 2 УУС) производство предварительного следствия в широком смысле этого слова возложено на: 1) органы производства предварительного следствия в непосредственно узком понимании этого слова (собственно следствие); 2) органы наблюдения (прокурорского надзора); 3) органы ревизионного надзора и пересмотра (судебного надзора). Фактически органом непосредственного производства предварительного следствия является судебный следователь. По служебному положению он приравнива-

ется к членам окружного суда и имеет определенный круг служебных полномочий, ограниченных как в пространстве, так и по роду дел.

Вместе с тем следует отметить, что законодатель предусмотрел возможность органу надзора – прокурору самому производить следственные действия, в чем усматривается четкая тенденция к реализации прокурором своих прав и обязанностей по процессуальному управлению следствием и в некоторой степени криминалистической возможности контроля за процессом выявления преступлений. Функции прокурора, говоря современным языком, по осуществлению надзора и криминалистического контроля за ходом предварительного следствия вообще и процессом выявления преступлений в частности слагаются из его прав и обязанностей. 1. Право прокурора – возбуждать дела. Статьи 311, 312 УУС гласят, что прокурор и его товарищи могут возбуждать дела как по входящим до них сведениям, так и по непосредственно ими усмотренными преступлениями. При этом они не должны требовать начала следствия без достаточных к тому оснований. 2. Право прокурора – знакомиться с делом представляется, осуществляется в двоякой форме: а) в форме рассмотрения письменного производства следователя и тех письменных отношений, которые прокурор получает от следователя, и б) в форме личного присутствия прокурора при производстве следственных действий. Судебный следователь обязан уведомить прокурора о начатом им следствии (ст. 263 УУС). Статья 296²⁰ обязывает всех должностных лиц, на коих по закону возложено производство предварительного следствия, сообщить об этом прокурору не позднее чем через 3 дня после возбуждения дела особым уведомлением. Судебный следователь обязан также сообщать прокурору о некоторых производимых либо произведенных им следственных действиях. В частности, ст. 283, 284 УУС обязывают следователя немедленно уведомлять прокурора как о взятии обвиняемого под стражу, так и об освобождении из-под нее. Ст. 309, 310 УУС обязывают судебного следователя сообщить прокурору о невозбуждении уголовного дела по сообщению органа дознания или других лиц при явке их с повинной. Ст. 482 УУС обязывает следователя сообщить прокурору о пересылке дела в силу изменения подсудности.

Прокурор после получения указанных сообщений изучает письменные материалы дела, после того как оно закончено и прислано к нему следователем. В связи с тем, что такой способ ознакомления с делом не мог быть признан исчерпывающим, большое значение приобретало личное присутствие органа обвинительной власти – прокурора на самом следствии, где он мог своевременно ознакомиться с обстоятельствами дела и незамедлительно дать следователю соответствующие указания. Ст. 280 УУС гласит: «Прокуроры и их товарищи имеют право присутствовать при всех следственных действиях и рассматривать на месте подлинное производство, не останавливая, однако, хода следствия»²¹. Отметим, что закон в ряде случаев просто обязывает прокурора присутствовать при производстве отдельных следственных действий (ст. 1037 УУС). 3. Право прокурора – давать следователю предложения (указания «исходят из требований ст. 281 УУС, из которой усматривается, что по всем предметам, относящимся к исследованию преступлений и к собиранию доказательств, судебный следователь исполняет законные требования прокурора или его товарища с отменой в протоколе, какие именно меры приняты по его требованию»²². «Если в исполнении требований Прокурора или его Товарища встретится препятствие, то судебный следователь, принимая меры к исполнению требуемого, насколько это возможно, уведомляет об этом предъявившего требование и ожидает его разрешения»²³. 4. Право прокурора – требовать проведения дополнительного расследования «по сделанным им указаниям, хотя бы судебный следователь признал следствие законченным»²⁴ (ст. 286

УУС). Ст. 512 УУС представляет прокурору право «потребовать дополнительные сведения или обратиться к дознанию в случае неполноты произведенного следствия, не представляющего возможность составить правильное обвинительное заключение»²⁵. При этом «прокурору воспрещается под опасением законной ответственности останавливать течение дела для пополнения следствия сведениями несущественными»²⁶. 5. Из права прокурора надзирать за производством предварительного следствия законодатель усмотрел право прокурора обжалования действий предварительного следствия и возбуждения вопроса о дисциплинарной или судебной ответственности следователя. Наблюдая за производством следствия, прокурор действует не как сторона, а как орган закона, и поэтому к суду он обращается не с жалобами или протестами, а с предложениями (ст. 493 УУС).

Следует отметить, что по сложившейся в то время судебной практике следователь обязан был исполнять только «законные» указания прокурора и все возникающие по этому поводу противоречия сводились к определению понятия законности данных указаний. Главный признак законности требований Прокурора или его Товарища, основанных на основании ст. 281 УУС, заключался в том, что указания должны были касаться исключительно существа расследуемого дела, а именно предполагали бы производство тех или иных следственных действий – опроса обвиняемых, свидетелей, производства обысков, осмотров, экспертиз, дознания через околных людей и т. д., т. е. обстоятельств, направленных, говоря современным языком, на раскрытие дела. Подобного рода указания прокурора следователь обязан был выполнить в бесспорном порядке. Как справедливо подчеркивал В.К. Случевский: «Прокурор в качестве носителя обвинительной власти и представителя законности не менее следователя компетентен к разрешению вопросов, кои требуются по данному делу для предания суду, а затем для поддержания обвинения в суде, следователь ни в коем случае не может уклоняться от исполнения требований прокурора о начале предварительного следствия или о дополнении его по той причине, что указанные Прокурором обстоятельства не имеют значения улики или достаточно веских доказательств»²⁷.

В силу изложенного можно сделать вывод о том, что в действующем в дореволюционном законодательстве посредством определения полномочий прокурора с одновременным увеличением его процессуальных функций законодатель заложил предпосылки к увеличению объема его криминалистических знаний и опосредствованно как производную указанных обстоятельств – функцию выявления преступлений. Другими словами, форма постепенно получает функции содержания деятельности. Специфика его содержательной деятельности особенно просматривается в тех случаях, когда прокурор осуществляет надзор за деятельностью полиции и предварительным следствием, что, безусловно, предполагает и постоянную потребность в повышении уровня его криминалистических знаний.

¹ См.: Учреждение судебных установлений. Указ правительствующему сенату. Спб., 1884. С. 98.

² См.: Там же. С. 97.

³ См.: Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Спб., 1916. С. 281.

⁴ Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 215.

⁵ См.: Там же. Ст. 210.

⁶ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Спб., 1895. Вып. 1. Ст. 253.

⁷ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям 3-е пересм. Издание. Спб., 1916. С. 284.

⁸ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Петроград, 1910. С. 375.

⁹ Розин Н. Н. Указ. пр. С. 461.

¹⁰ Устав уголовного судопроизводства. М., 1914. С. 597.

¹¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Петроград, 1910. С. 357.

¹² Там же. С. 357.

¹³ Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 349, 350.

¹⁴ Указ. пр. С. 350.

- ¹⁵ Устав уголовного судопроизводства. М., 1914. Ст. 269. С. 629.
¹⁶ Люблинский П. И. Систематический комментарий УСС. М., 1914. С. 630.
¹⁷ Устав уголовного судопроизводства. Ст. 258. С. 601.
¹⁸ Там же. Ст. 259. С. 603.
¹⁹ Люблинский П. И. Труды Русской Группы Союза Криминалистов. Спб., 1909. С. 58–84.
²⁰ См.: УУС. М., 1914. Ст. 278. С. 644.
²¹ УУС. М., 1914. Ст. 280. С. 650.
²² УУС. М., 1914. Ст. 281. С. 651.
²³ УУС. М., 1914. Ст. 281, 282. С. 651.
²⁴ Там же. Ст. 286. С. 657.
²⁵ Там же. Ст. 512. С. 874.
²⁶ Там же. Ст. 514. С. 875.
²⁷ Случевский В. Указ. пр. С. 302.

А. В. ЖАРСКИЙ

ПОНЯТИЕ ОГОВОРКИ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ И ЕЕ ОТЛИЧИЕ ОТ ИНЫХ ОДНОСТОРОННИХ ЗАЯВЛЕНИЙ

Характерной особенностью договорной практики многих государств, в том числе и Республики Беларусь, является наличие большого количества разнообразных односторонних заявлений, имеющих различное наименование – оговорки, декларации, заявления, формулируемые государствами при подписании, ратификации или присоединении к договору. Односторонние заявления формулируются государствами по различным вопросам. Они могут определять территориальное и временное действие договора, касаться вопросов внутренней и внешней политики, иметь толковательный характер. Проблема заключается в том, что эти заявления очень сложно отграничить от оговорок к международным договорам и неясно, какой эффект они оказывают на действие международных договоров и взаимоотношения сторон. Кроме того, следует учитывать, что односторонним заявлениям свойственны различные режимы международно-правового регулирования.

Проблеме разграничения и классификации односторонних заявлений в советской доктрине международного права не уделялось внимания, хотя в иностранной юридической литературе она достаточно актуальна. Целью данной статьи является выявление критериев отличия оговорок к международным договорам от иных односторонних заявлений государств. Представляется, что для формулирования таких критериев следует в первую очередь руководствоваться понятием оговорки, данной в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Термин «оговорка» трактуется в Венской конвенции как «одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному договору» (ст. 2, п. 1 (d)).

Данное определение включает как элементы формального и процессуального характера (одностороннее заявление, которое должно быть сделано в определенный момент), так и материального характера (последствия заявления оговорки). Рассмотрим их подробнее.

1. Одним из важнейших отличительных признаков оговорки является ее односторонний характер. Общеизвестно, что оговорка – это одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией. Она представляет собой документ, отличный от самого договора как по содержанию, так и по процедуре формулирования, тем самым отличаясь от всякого рода согласованных положений-поправок к договору, соглашений

inter-se. Односторонний характер оговорки подчеркивается тем, что она в любое время может быть снята выдвинувшей ее стороной.

Односторонний характер оговорки не означает ее автономность, независимость от договора. Ее действие всегда зависит от реакции (тоже односторонней) других государств и международных организаций. Оговорка как одностороннее заявление всегда должна носить официальный характер. Пункт 1 ст. 23 Венской конвенции устанавливает, что она должна быть сделана в письменной форме и доведена до сведения других государств.

2. Оговорка согласно определению должна быть сделана при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, т. е. в определенный момент. Использование данного критерия в определении оговорки всегда подвергалось критике¹. Сами государства не всегда строго следуют данному требованию. Так, в практике имеются случаи, когда оговорки формулировались государствами уже после выражения согласия на обязательность для них договора. Речь идет об оговорке Франции к Женевским чековым конвенциям 1931 г., которая была заявлена в 1979 г. по истечении длительного срока спустя ратификации конвенции и которая ограничивала свободу индоссировать чек, предусмотренную ст. 14 Конвенции.

Временные пределы формулирования оговорок представляют собой скорее элемент их правового режима, чем критерий определения. Да и сам принцип исчерпывающего перечисления моментов, когда оговорка может быть заявлена, едва ли уместен. Оговорка, заявленная в иной момент, по своей сути остается оговоркой, только ее правомерность ставится под сомнение. Необходимость ограничения времени для заявления оговорок определенным моментом объясняется требованием облегчить работу депозитария по регистрации оговорок и уведомлению о них государств.

3. Третьим и основным критерием для определения оговорки и ограничения ее от схожих односторонних заявлений являются те юридические последствия, которые она порождает. Оговорка всегда формулируется с целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству или международной организации. Так, при присоединении Белорусской ССР к Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. была сделана следующая оговорка: «Белорусская Советская Социалистическая Республика будет считать для себя необязательными положения пункта 3 статьи 20 и пункта «b» статьи 45 Венской конвенции о праве международных договоров, поскольку они противоречат сложившейся международной практике».

Хотя венское определение оговорки получило признание, оно по-прежнему вызывает целый ряд проблем. Как считает французский профессор международного права П.А. Имбер, «это определение ... не является полностью удовлетворительным. Одни термины носят чересчур общий характер, другие – чересчур ограниченный». В определении оговорки включены элементы, относящиеся не к ее понятию, а к вопросу действительности. Помимо временного предела формулирования оговорок, это касается также ограничения их объекта «отдельными положениями» договора, в то время как оговорки направлены на ограничения обязательств, причем могут относиться ко всему тексту договора, а не к его отдельным положениям.

Несмотря на критику понятия оговорки, данного Венской конвенцией, оно получило признание современной доктрины, «однозначно закрепилось в судебной практике, несмотря на редкость прецедентов, и, судя по всему, на него опираются государства и международные организации в своей практике в отношении оговорок»⁵. Ссылка на ст. 2 Венской конвенции имеется в Решении Европейского суда по правам человека в деле *Belilos/Switzerland* 1988, Решении арбитражного суда по делу о делимитации континентально-

го шельфа между Великобританией и Францией (решение от 30 июня 1977 г.), Решении Экономического суда СНГ № 01-1/1-98 от 22 июня 1998 г. «Об определении совместимости оговорок к определенным соглашениям с объектом и целью этих соглашений». Совпадение практики, прецедентов и доктрины не оставляет никаких сомнений в отношении того, что венское определение в настоящее время представляет собой обычно-правовую норму, что было прямо признано Европейской комиссией по правам человека при рассмотрении дела Темельташа⁶.

Общепризнанность венского определения оговорки подтверждается тем фактом, что Комиссия международного права, разрабатывая Проект руководства государств и международных организаций в области оговорок, за основу взяла определение, закрепленное в трех конвенциях: Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Конвенции о праве международных договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г., Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. Комиссия международного права в первом чтении приняла часть Проекта руководства, посвященную определению оговорок и заявлений о толковании, согласно которому *«оговорка означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым названием, сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, акте официального подтверждения, принятии, утверждении договора или присоединении к нему, или когда государство направляет уведомление о правопреемстве в отношении договора, посредством которого это государство или эта организация желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству или к данной международной организации»*⁷.

Однако данное определение оговорки, являясь относительно простым в теоретическом плане, может вызвать сложности для его практического применения. Определение не отличается достаточной четкостью для устранения всех сомнений, возникающих при квалификации отдельных односторонних документов, которыми государства сопровождают выражение своего согласия на обязательность для них договора. В частности, оно не устраняет значительные трудности применительно к разграничению оговорки от иных односторонних заявлений. В качестве примера такого спорного заявления, в отношении которого нельзя с достоверностью сказать, оговорка это или заявление о толковании, можно привести однотипные «декларации» БССР, УССР и ССРСР к Конвенции об открытом море 1958, в которых отмечалось, что определение пиратства, как оно дано в конвенции, не охватывает некоторые акты, которые в обычном международном праве считаются пиратством. Многие государства возражали против этого заявления. ФРГ в своем возражении даже указала, что эта декларация по существу является оговоркой⁸.

Договорная практика знает следующие виды односторонних **заявлений**, обладающих отличительными признаками, но не являющихся оговорками:

- содержащие политическую оценку договоров в целом либо отдельных его статей (общеполитическое заявление);
- с указанием на процедуру реализации соглашения государством-заявителем (информационные заявления);
- с целью взятия односторонних обязательств или направленных на добавление дополнительных элементов в договор;
- заявления о толковании.

СССР в своей практике широко использовал выступления с заявлениями политического характера. Примерами, которые нельзя считать оговорками, являются заявления Белорусской ССР о дискриминационном характере

положений ряда договоров. В частности, при ратификации Конвенции о психотропных веществах 1971 г. Президиумом Верховного Совета БССР было сделано заявление, что положения ст. 25 этого документа носят дискриминационный характер, так как лишают ряд государств возможности стать участниками этого форума. Конвенция должна быть открыта для участия всех заинтересованных стран без какой-либо дискриминации или ограничения⁹. Формулирование таких заявлений обусловлено характером политической обстановки в стране и в мире, изменение которой приводит к изменению содержания таких деклараций.

Много споров в юридической литературе вызывают так называемые «оговорки о непризнании», заявляемые рядом стран¹⁰. Как отмечается в юридической литературе¹¹, и с этой точкой зрения можно согласиться, ни одно из этих заявлений не имеет характера оговорок. Подписание договора, обусловленное подобным заявлением о непризнании другого государства или образования, означает, что исключается применение всей системы норм, предусмотренных в договоре.

Дебатируется вопрос об оговорках территориального характера, которые в прошлом назывались «колониальные оговорки». В советской доктрине подобного рода заявления рассматриваются как оговорки¹². Такой же позиции придерживается Комиссия международного права, утвердив в Проекте руководства, что «оговорки в связи с уведомлением о территориальном применении» (п. 1.1.4.) и «оговорки территориального характера» (п. 1.1.3.) являются оговорками по определению.

Довольно часто государства делают односторонние заявления, в которых указывают, каким образом они намерены осуществлять договор на внутреннем уровне. Если подобного рода заявления сами по себе не направлены на то, чтобы повлиять на права и обязательства данного государства перед другими договаривающимися сторонами, то они являются информационными заявлениями и не могут считаться оговорками. В качестве примера можно привести «оговорку» Республики Беларусь (по крайней мере она так называлась в официальных документах, хотя по сути это информационное заявление) к Решению Совета глав правительств СНГ от 17 января 1997 г., где указывалось, что договор «для Республики Беларусь вступает в силу с момента выполнения необходимых внутригосударственных процедур»¹³.

Особую группу составляют односторонние заявления, формулируемые государствами с целью взятия односторонних обязательств, выходящих за пределы обязанностей, налагаемых на них договором, либо с целью добавить дополнительные элементы в договор, которые являются не более чем предложением по изменению содержания договора.

Характерной особенностью договорной практики государств – участников СНГ является наличие большого количества таких подобных односторонних заявлений, которые формулируются как требование об изменении, дополнении или исключении статей международных договоров, направленное ко всем участникам договора. Показательно в этом отношении особое мнение Республики Беларусь к Соглашению о создании объединенной системы противовоздушной обороны государств – участников СНГ от 10 февраля 1995 г., содержащее формулировку: «Ст. 1: Первый абзац дополнить... Второй абзац изложить в редакции... Ст. 2: Первый абзац изменить... Ст. 5: Первый абзац убрать»¹⁴.

Можно высказать предположение, что подобного рода односторонние заявления не могут рассматриваться как оговорки. К данным юридическим актам не могут применяться нормы Венской конвенции об оговорках, для них характерно иное правовое регулирование. К такому же выводу пришла и Комиссия международного права (п. 1.4.1., 1.4.2. Проекта руководства).

Большую группу односторонних заявлений составляют так называемые толковательные декларации, или заявления о толковании, в которых государства определяют понимание той или иной статьи международного договора. В качестве примера можно привести заявление Республики Беларусь, сформулированное при ратификации Устава СНГ: «В статье 16 раздела IV «Предотвращение конфликтов и разрешение споров» выражение «все возможные меры» Республика Беларусь понимает как все возможные меры невоенного характера...»¹⁵.

Особо острые дискуссии вызывает вопрос о разграничении оговорок и толковательных заявлений. Впервые официальное определение заявления о толковании попыталась дать Комиссия международного права. Пункт 1.2. Проекта руководства по практике устанавливает, что «заявление о толковании означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией, посредством которого это государство или международная организация желает уточнить или разъяснить смысл или значение, которые заявитель придает договору или определенным его положениям».

Характер одностороннего заявления определяется тем юридическим действием, на достижение которого оно направлено. При этом во внимание, как правило, не должна приниматься формулировка или название, которое дается одностороннему заявлению. Формулировка или название может служить указанием на преследуемое им юридическое действие только в том случае, когда государство или международная организация делает несколько односторонних заявлений по поводу одного и того же договора и называет одни из них оговорками, а другие – заявлениями о толковании или иным образом.

В качестве примера различия между толковательными заявлениями и оговорками следует проводить по цели их формулирования. Заявление направлено на изложение понимания существующих отдельных положений договора, установление их содержания, таким образом, оно не имеет цели исключить действие этих норм. Первоначально должно быть установлено содержание норм договора посредством толкования, а затем может быть поставлен вопрос об изменении или исключении юридического действия положений, содержание которых было установлено. Следовательно, цель и объект действия заявлений о толковании и оговорок отличаются.

Аналогичным образом следует проводить различие между оговорками и иными видами односторонних заявлений. Тот факт, что оговорка всегда формулируется именно с целью исключения или изменения юридического действия определенных положений договора в их применении к государству или международной организации, является основным критерием для определения оговорки и отграничения ее от схожих односторонних заявлений.

¹ Ранние определения оговорок, данные Анцилоцци, а также Д. Миллером, не содержат этого временного элемента. См.: Третий доклад А. Пелле об оговорках к международным договорам // A/CN.4/491 and Add.1–6, par. 165.

² См.: Horn F. *Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties*. The Hague, 1988. P. 42.

³ См.: Указ Президиума Верховного Совета БССР от 10 апреля 1986 г. № 754-XI // СЗ БССР, 1986, № 11, Ст. 140.

⁴ Imbert P. - H. *Les reserves aux traites multilateraux*. Paris, 1979. P. 9.

⁵ Третий доклад А. Пелле об оговорках к международным договорам // A/CN.4/491 and Add.1–6, par. 108–120.

⁶ См.: «Поскольку ст. 64 Европейской конвенции по правам человека не содержит определение термина «оговорка», Комиссия должна проанализировать это понятие с точки зрения международного права. В этой связи особое значение будет придаваться Венской конвенции о праве международных договоров, в котором закреплены, в частности, нормы обычного права». См.: Решение Комиссии от 5 мая 1982 г. *Decisions et Rapports*, avril 1983, P. 69.

⁷ См.: Доклад Комиссии международного права о работе 51-й сессии (1999), A/54/10, Par. 470.

⁸ См.: *Multilateral Treaties deposited with Secretary General. Status as at 31 December, 1995*. UN New York, 1996. P. 370.

⁹ См.: Указ Президиума Верховного Совета БССР от 24 октября 1978 г. № 2369-IX // СЗ БССР. 1978. № 30. Ст. 567.

¹⁰ Речь прежде всего идет о заявлениях арабских государств о непризнании государства Израиль. Пример – Соглашение об учреждении международного фонда сельскохозяйственного развития – оговорки Саудовской Аравии и Сирии.

¹¹ См.: Horn F. *Op. cit.* P. 108–109.

¹² См.: Талалаев А. Н. *Право международных договоров. Общие вопросы.* М., 1980. С. 185.

¹³ Решение утвердило Положение о порядке применения налога на добавленную стоимость и акцизов по поставкам товаров (услуг) по производственной кооперации при расчетах между хозяйствующими субъектами государств – участников СНГ. См.: Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1997. № 1 (25). С. 105.

¹⁴ Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1995. № 1 (18). С. 41–42.

¹⁵ См.: Постановление Верховного Совета Республики Беларусь «О ратификации Устава СНГ» от 18 января 1994 г. № 2703-XII // Ведомости ВС РБ. 1994. № 11. Ст. 156.

Рэцэнзіі

В. Л. Ключня. Агрпромышленный комплекс в условиях переходной экономики. Мн.: БГУ, 1999. 159 с.

В рецензируемой монографии впервые в отечественной экономической литературе проведен всесторонний анализ агропромышленного комплекса (АПК) Республики Беларусь как целостной системы в условиях переходной экономики.

На основе системного подхода и методологии эволюционной экономической теории в работе раскрыто содержание понятия "целостная система АПК", ее глубоко интегрированный характер, в которой все внутренние элементы органически взаимодействуют и взаимообусловлены между собой, превращая АПК в систему, целостность которой определяется целью, интересами субъектов хозяйствования и динамикой ее развития. Это позволило рассмотреть АПК как воспроизводственную, локальную рыночную систему, как компонент рыночной метасистемы. В работе убедительно показано, что АПК не является полностью саморегулирующейся рыночной системой, вследствие чего под действием чисто рыночного механизма не происходит балансировка спроса и предложения на агропромышленную продукцию. Поэтому особую актуальность приобретают проблемы определения содержания аграрной реформы, ее стратегии, обоснование путей выхода из аграрного кризиса. Нужны меры, разработка программы по восстановлению разбалансированного и по существу разрушенного регионального АПК Беларуси в национальный АПК. Только в этом случае решение проблем АПК как целостной системы будет определять национальную перспективу Республики Беларусь.

Несомненной заслугой автора является раскрытие через общее, особенное и специфическое, через наличие множества элементов и связей, а также соотношения их друг с другом различных уровней структуры АПК: функционально-отраслевого, воспроизводственного, продуктового, регионального (в рамках единого национального), социально-экономического, организационно-управленческого и рыночного. В монографии убедительно показано, что комплексный подход к разви-

тию АПК в современных условиях предполагает усиление действенности его функционирования. В условиях всеобъемлющего и реального характера глобализации, формирования многоотраслевой и многофункциональной мировой продовольственной системы особую актуальность приобретает проблема обеспечения продовольственной безопасности страны. Названная проблема как составная часть национальной и экономической безопасности связана непосредственно с развитием и устойчивостью АПК как целостной системы, что предполагает не только сохранение важнейших структурных элементов и обеспечение взаимодействия между ними, но соблюдение и оптимизацию воспроизводственных пропорций, предельных величин структурообразующих показателей, эффективное использование ресурсного потенциала АПК страны. Однако, по мнению автора, основным важнейшим стабилизирующим фактором продовольственной системы Беларуси должна выступать интеграция в мировое (глобальное, региональное) хозяйство, построение ориентированной на экспорт агропромышленной экономики.

Автор не обошел вниманием очень интересную и важную проблему устойчивого развития АПК, в связи с чем отметил необходимость развития АПК на системе приоритетных направлений. При этом главным является сбалансированность элементов и пропорций АПК, взаимоприспособление биологических и технических систем, стабильное функционирование самих биологических систем и природных ресурсов, широкое использование принципа научности принимаемых решений в АПК, развитие форм связи науки с производством, совершенствование рабочей силы и социально-экономической структуры.

Преобразованию социально-экономической структуры всей системы АПК, совершенствованию экономических и (их составной части) аграрных отношений в монографии отводится значительное место. Основной задачей в этой области является переход к новой социально-экономической системе земледелия, проведение разгосударствления и приватизации, отчуждение прав на использование объектов собственности, диверсифика-

ция производства, использование многообразных форм интеграции и кооперации производства, развитие фермерского предпринимательства.

Характеризуя нормативную и позитивную роль государства в регулировании системы АПК, В.Л. Ключня отмечает, что она неизмеримо возрастает в условиях глобализации и регионализации мирового развития, действия агропродовольственных транснациональных корпораций, имеющих слабостей и недостатков в традиционном рыночном механизме. Вследствие этого государственное регулирование развития АПК, являясь составной частью структуры рынка с преимущественно экономическими методами, заключается в формировании действенного инвестиционного механизма, стимулировании накопления агропромышленного капитала, создании новой системы и конкурентной среды на рынке кредитования АПК, сбалансированности ценового механизма, образовании целостной, универсальной, осуществляемой по единой схеме во всех отраслях экономики налоговой системы.

Разумеется, не все аспекты развития АПК Республики Беларусь в условиях переходной экономики рассмотрены одинаково глубоко. В целом монография представляет переосмысление многих теоретических представлений, методологических подходов к совокупности экономических проблем развития теперь самостоятельного народнохозяйственного АПК в условиях социально-экономической трансформации. Указанное фундаментальное исследование может быть полезно ученым-экономистам, преподавателям, аспирантам и студентам, руководителям и специалистам системы АПК, а также читателям, интересующимся проблемами АПК в условиях переходной экономики.

И.В. Новикова

М Э Часноускі. Сістэмныя пераутварэнні у Рэспубліцы Польшча (1989–1999). Мн.: БДУ, 2000 288 с.

Раглядаемая манаграфія з'яўляецца па сутнасці першым выданнем у беларускай гістарыяграфіі, дзе ў храналагічным і праблемным аспектах даследаваны перадумовы, ход і вынікі сістэмных пераутварэнняў у Рэспубліцы Польшча ў вызначаны перыяд. Абапіраючыся пераважна на матэрыялы польскіх даследчыкаў, перыядычнага друку, дакументы бягучага архіва Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, уласныя назіранні, аўтар здолеў даць поўнае і дакладнае адлюстраванне аналізуемых падзей, зрабіць арыгінальныя высновы і абагульненні.

У кнізе падкрэслена, што Польшча ў 1989 г. першай сярод краін сацыялістычнага блока уступіла на шлях мадэрнізацыі, што было звязана з маштабным крызісам, які ахапіў палітычную і сацыяльна-эканамічную сферы. У стварыўшайся сітуацыі адзіным выйсцем для краіны стала дасягненне кампрамісу паміж рэфарматарскім крылом ПАРП і памярковай часткай апазіцыі, што было рэалізавана ў ініцыятыве "Круглага стала". Дзякуючы гэтаму змянілася Канстытуцыя, былі

уведзены пасада Прэзідэнта і Сенат у якасці вышэйшай палаты парламента, а з канца 1989 г. дадзены старт сістэмным пераутварэнням, якія прывялі да пераразмеркавання дзяржаўнай улады сярод палітычных эліт Рэспублікі Польшча.

Даследчык справядліва адзначае, што разгортванне сістэмнай трансфармацыі, якое прыпадала на перыяд з 1990 па верасень 1993 г., было ў першую чаргу непарыўна звязана з фарміраваннем асновы дэмакратычнага грамадства. Упор зроблены на стварэнне прававой дзяржавы, парламенцкай дэмакратыі, шматпартыйнай сістэмы, канчатковае адхіленне былой наменклатуры ад улады. У выніку 17 кастрычніка 1992 г. зацверджана так званая "Малая Канстытуцыя", якая стала актам грамадзянскай згоды і асновай новага ладу. Паралельна ў краіне праходзілі эканамічныя пераутварэнні па метаду "шокавай тэрапіі" Л. Бальцэровіча. Заснаваныя на лібералізацыі цэн і стварэнні рынкавых інстытутаў, макраэканамічнай стабілізацыі, яны на другім этапе рэформы выклікалі напружанасць у грамадстве, паставілі большасць насельніцтва на мяжу жабрацтва.

Можна пагадзіцца з аўтарскай высновай аб цяжкасцях другога этапу структурнай трансфармацыі, якія забяспечылі перамогу левых сіл на парламенцкіх выбарах 1993 г., а затым прывялі іх прадстаўніка сацыял-дэмакрата Л. Квасьнеўскага на пасаду прэзідэнта. Былі унесены карэктывы ў эканамічную і сацыяльную палітыку, згладжаны негатывы наступствы "шокавай тэрапіі", што дазволіла на трэцім этапе структурнай трансфармацыі зменшыць беспрацоўе і утрымаць тэмпы эканамічнага развіцця без змены курсу на лібералізацыю. Аднак і левыя не змаглі дасягнуць гарманічнага развіцця і цалкам справіцца з сацыяльнымі праблемамі.

У манаграфіі падрабязна аналізуецца чацвёрты этап сістэмнай трансфармацыі, які, на думку аўтара, храналагічна прыпадае на 1997–1999 гг. Нам падаецца, што такі падыход трэба лічыць умоўным, бо нават сёння нельга сцвярджаць, што ў Польшчы поўнаасцю адбылася постсацыялістычная мадэрнізацыя. Але варта адзначыць, што даследчык мае рацыю, калі падкрэслівае значэнне парламенцкіх выбараў 1997 г., якія прывялі да улады правых – Выбарчую акцыю "Салідарнасці" і Унію свабоды. Яны забяспечылі далейшае ажыццяўленне праграмы рэформ і прывялі польскае грамадства да капіталізму.

Асобнае месца ў кнізе надаецца знешняй палітыцы дзяржавы. Аўтар не толькі адзначае радыкальныя змены ў знешнепалітычнай дактрыне, але і характарызуе яе рэалізацыю. На ладставе даволі багатага фактычнага матэрыялу аналізуецца канкрэтныя намаганні краіны па уступленню ў НАТА, іншыя структуры еўрапейскай інтэграцыі, раскрываюцца здабыткі і пралікі ў правядзенні рэгіянальнай палітыкі, у тым ліку і ў адносінах з Рэспублікай Беларусь.

Манаграфію можна лічыць сапраўднай творчай удачай аўтара. Яна будзе карыснай навукоўцам, студэнтам, шырокаму колу чытачоў, усім, хто цікавіцца праблемамі сучаснай гісторыі.

Ю.Л. Казакоў

В. А. Круталевич **История Беларуси: Становление национальной державности / 1917–1922 гг.** / Серия: История Отечества, приложение к журналу «Право и экономика». Мн., 1999. 388 с.

Книга В. А. Круталевича представляет собой уникальное издание. В последнем столетии в нашей стране не было научных публикаций такого объема, принадлежащих перу одного автора, не только по истории государства и права, но, пожалуй, и во всем спектре исторических и юридических публикаций. Следует отметить глубину авторского исследования. Работа посвящена всего лишь шести годам истории – периоду становления белорусской государственности в XX в. В. А. Круталевич основательно и всесторонне рассматривает события прошлых лет с учетом всей противоречивости и сложности социально-экономических преобразований общества в контексте поиска оптимальных вариантов дальнейшего развития белорусской нации. Рассматриваются последствия неоднозначного воздействия различных внешних сил, которые как способствовали, так и противодействовали процессу формирования суверенного белорусского государства.

Автор рецензируемого издания не скрывает своих политических симпатий. Порой он в достаточной мере субъективен, особенно в некоторых оценках реалий сегодняшнего дня и событий недавнего прошлого. Но в любом случае В. А. Круталевич остается верен исторической правде. Любый факт, любое историческое событие рассматриваются им под разными углами зрения. Автор не замалчивает неблагоприятных поступков тех исторических персонажей, чьи идеологические пристрастия разделяет. Избегает он и искусственной демонизации тех исторических фигур, которым дается отрицательная оценка.

В книге В. А. Круталевича содержатся многочисленные ссылки на малоизвестные архивные документы, многие из которых впервые вводятся в «научный оборот», проанализирован широкий круг литературных источников. Как всегда высказываемые В. А. Круталевичем суждения оригинальны и позволяют по-новому взглянуть на события начала XX в. и на их взаимосвязь с современностью.

Весьма обстоятельно анализируется в книге период создания БССР. Впервые читатель знакомится с ранее недоступными документами, которые характеризуют противостояние Белнацкома и Облвискомзапа, раскрывают истинное лицо коммунистических функционеров различной ориентации в вопросах соотношения национального и интернационального. Появилась возможность узнать много нового относительно создания Литовско-Белорусской ССР. С большим интересом читаются главы монографии, в которых речь идет о советско-польских отноше-

ниях 1920–1921 гг., о переговорах РСФСР с Литовской Демократической Республикой, о сложности и противоречивости позиций разработчиков Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. и предшествовавшего ему Договора о перемирии и о прелиминарных условиях мира от 12 октября 1920 г.

Исключительный интерес представляют и соображения автора относительно правового характера взаимоотношений между БССР и РСФСР в период 1920–1922 гг. Борьба вокруг различных форм так называемой «автономизации» и вокруг выбора оптимальной модели построения Советского Союза отражена ярко и убедительно.

По-новому, без навешивания каких-либо уничижительных ярлыков описана роль белорусской эмиграции, показаны ее неоднородность, политическая и идеологическая многовекторность. Особый интерес представляет глава 14 монографии, получившая название «Янка Купала о национально-государственном возрождении», из которой впервые можно детально познакомиться со взглядами классика белорусской литературы по проблемам государственного строительства в период 1917–1922 гг.

Книгу В. А. Круталевича отличает глубокий и всесторонний политический и юридический анализ белорусской государственности, вдумчивое исследование многочисленных законодательных актов и международных договоров, объективное сопоставление высказываний большого числа политических и государственных деятелей. К сожалению, однако, не обошлось и без некоторых «накладок». Так, на с. 347 автор отмечает, что «в развитии Рапалльского договора 5 ноября 1922 г Советская Россия и Германия заключили соглашение, согласно которому соответствующие положения Рапалльского договора распространялись на союзные с РСФСР республики». На самом деле этот документ был подписан полпредом РСФСР в Германии Н. Н. Крестинским в качестве уполномоченного правительства ССРБ (БССР), а не правительства РСФСР (см. Документы внешней политики СССР, т. V, М.: Госполитиздат, 1961, с. 658–662). Позже Н. Н. Крестинский был назначен полпредом БССР в Германии с сохранением им поста полпреда РСФСР в этой стране.

Встречаются в книге и разного рода технические погрешности, опечатки, которые искажают смысл текста. Тем не менее книга В. А. Круталевича заслуживает того, чтобы ее переиздать большим тиражом, т. к. она представляет интерес как для специалистов (историков и правоведов), так и для широкого круга читателей, которых волнует прошлое и будущее нашей страны.

Ю. П. Бровка

В ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ С НОВЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ

Эффективные экономические преобразования невозможны без участия высококвалифицированных специалистов, владеющих фундаментальными знаниями в разных областях науки и способных работать на мировом уровне

В 1997 г. в Белорусском государственном университете был создан **факультет управления и социальных технологий**

На факультете три отделения

правоведение (квалификация – юрист),

менеджмент (квалификация – экономист-менеджер),

социальная работа (квалификация – социальный работник-психолог)

Система обучения на факультете уникальна. Она основана на использовании системы интегрированных знаний в области экономики, права и социальных наук. Такая организация учебного процесса очень важна в современных условиях, когда многим фирмам и компаниям требуются специалисты с комплексными знаниями.

Студент отделения **правоведения** изучает юридические, экономические, социально-психологические, общественно-гуманитарные, управленческие дисциплины. Для юристов читаются курсы бухгалтерского учета, анализа хозяйственной деятельности, макро-, микроэкономики, теории и практики управления, психологии.

Выпускники отделения **менеджмента** получают специальность экономиста-менеджера и глубокие знания в области права.

Специальность **социальная работа** предполагает сочетание специальной и правовой подготовки, изучение менеджмента и основ экономики. Факультет дает возможность получения параллельного второго высшего образования, причем выпускникам выдаются сразу два диплома.

Состав преподавателей факультета представлен лучшими научными кадрами университета, специалистами-практиками. Специальные курсы читают работники Национального банка, Комитета по ценным бумагам, валютно-фондовой биржи, сотрудники НИИ, редакторы газет и журналов, менеджеры по персоналу. Учебную практику студенты проходят в министерствах юстиции, труда, социальной защиты, судебных таможенных, налоговых органах, банках, где приобретают практические навыки.

Критериями оценки эффективности обучения на факультете являются качество и уровень преподавания, методическое обеспечение процесса обучения, новизна учебных программ, изданием которых занимается научно-практический центр. Факультет разрабатывает электронные версии комментариев к законодательству Республики Беларусь и издает учебные пособия.

Платное обучение на факультете позволило создать лучшую в республике учебно-материальную базу: современные аудитории, великолепную библиотеку, лингфонные кабинеты, компьютерные классы, где студенты имеют доступ к всемирной сети INTERNET, к нормативно-правовой базе.

На факультете функционирует известный не только в республике, но и за ее пределами Центр международных обменов. Во время летних каникул учащиеся имеют возможность участвовать в студенческих программах и зарабатывать деньги в США, Англии, Франции и других странах на свое обучение.

Учебные программы факультета предусматривают углубленное изучение иностранных языков и возможность факультативного изучения второго иностранного языка (кроме английского – немецкий, французский, итальянский).

После окончания университета студенты могут продолжить обучение и получить диплом магистра.

Студенческий досуг – это дискотеки, КВН, студенческий театр, спортивные и другие мероприятия.

Декан факультета управления и социальных технологий БГУ
С.А. Балашенко